

**Автобиографизм: сравнительное изучение произведений русских и
индийских писательниц современности**

**Avtobiografizm: Sravnitel'noye izucheniye proizvedeniy russkikh i
indiyskikh pisatel'nits sovremennosti**

**Autobiographical Writings: A Comparative Study of Contemporary
Russian and Indian Women Writers**

Thesis submitted to Jawaharlal Nehru University for the award of the degree of

DOCTOR OF PHILOSOPHY

Submitted by

Shraddha Pal

Supervisor

Prof. Ranjana Banerjee

Centre of Russian Studies

School of Language, Literature and Culture Studies

Jawaharlal Nehru University

New Delhi

110067

2019

Date: 04.07.2019

Declaration

I, Shraddha Pal, hereby declare that the thesis titled, **Автобиографизм: сравнительное изучение произведений русских и индийских писательниц современности** **Autobiografizm: Sravnitel'noye izucheniye proizvedeniy russkikh i indiyskikh pisatel'nits sovremennosti** **Autobiographical Writings: A Comparative Study of Contemporary Russian and Indian Women Writers**, submitted to the Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi-110067, for the award of the degree of Doctor of Philosophy, is an original work and has not been submitted so far in part or full for any other degree and diploma of any university

Shraddha

Shraddha Pal

(Candidate)

Certificate

We recommend that this dissertation may be placed before the examiners for the evaluation of the degree of Doctor of Philosophy.

Ranjana Banerjee

Prof. Ranjana Banerjee

(Supervisor)

PROFESSOR
Centre of Russian Studies
School of Language
Literature & Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi - 110067

Ranjana Banerjee

Prof. Ranjana Banerjee

CHAIRPERSON
Centre of Russian Studies
School of Language
Literature & Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi - 110067 (India)

Содержание

Глава 1. Введение	1-15
Глава 2. Автобиография: понятие и особенности жанра	16-47
2.1 Автобиографизм и автобиографические письма как литературный жанр: теоретические вопросы.....	16-36
2.2 Автобиография и феминистская критика.....	36-47
Глава 3. Автобиографизм и биографические практики русских женщин- писателей	48-119
3.1 Ранняя история и современность.....	48-54
3.2 Автобиографическое начало в письменности русских женщин- авторов.....	55-89
3.2.1 Предыстория.....	55-63
3.2.2 Женские тексты и начало автобиографической традиции	63-67
3.2.3 История ранних автодокументальных писем русских женщин XVIII- XIX веков.....	68-74
3.2.4 Автобиографическая литература после 1812 года.....	74-82
3.2.5 Автобиографическая литература XX века.....	82-85
3.2.6 Становление принципа автобиографизма в русской словесности XX века.....	85-87
3.2.7 Автобиографизм в современном русском литературоведении.....	87-89
3.3 Автобиографизм и творчество современных русских женщин- писателей.....	90-119
3.3.1 Автобиографизм и современные русские женщины- писатели.....	90-99
3.3.2 Автобиографизм и творчество Л. С. Петрушевской: «Маленькая девочка из Метрополя».....	99-119
Глава 4. Автобиографизм и биографические практики индийских женщин- писателей	120-168
4.1 Ранняя История и современность.....	120-149
4.1.2 Автобиографическое начало в письменности женщин древней Индии.....	124-128
4.1.3 Автобиографическое начало в письменности женщин средневековой Индии.....	129-146
4.1.4 Автобиографизм и творчество современных индийских женщин.....	146-149
4.2 Автобиографизм и творчество Наянтары Сахгал: «Тюрьма и шоколадный торт».....	150-168
Глава 5. Заключение	169-183
Библиография	184-202

Глава 1

Введение

Один из самых известных кинорежиссеров Италии Федерико Феллини сказал в своем интервью, что «все искусство автобиографично; жемчужина-автобиография устрицы». Это мнение режиссера о том, что все работы могут быть названы автобиографичными является общим в современном литературоведении. Например, литературный критик Дональд М. Мюррей имеет схожие взгляды с итальянским режиссером. Он также считает, что все произведения автобиографичны, объясняя это на примере своих собственных произведений.¹ В своей статье «Всякие письма - автобиография» Дональд М. Мюррей утверждает, что все письма можно считать автобиографическими, потому что каждый компонент письма, способ, которым писатель пишет, как он смотрит и понимает вещи, его собственный способ использования языка, его религиозные и политические убеждения, идеологии, являются индивидуальными для каждого писателя. Этот аргумент критика ставит под сомнение обоснованность канонических и теоретических рамок жанра автобиографии.

Многие другие литературные критики Запада, такие как Сидони Смит и Джордж Гусдорф, и русские литературоведы, такие как М. Медарич, Ирина Савина и другие, считают, что автобиографический модус письма² является одним из первых модусов письма и какой бы текст не стремился написать писатель, его жизненный опыт неизбежно выступает важным фактором в формировании его творчества. В современном западном литературоведении критики серьезно занимаются разнообразностью автобиографических писем. В западном литературоведении создано более пятидесяти терминов для классификации различных видов автобиографических произведений, среди которых наиболее употребительными являются «автобиография»,

¹ Murray, Donald M. "All Writing Is Autobiography." *College Composition and Communication*, vol. 42, no. 1, 1991, pp. 66–74. JSTOR, www.jstor.org/stable/357540.

² Здесь автобиографический модус письма обозначает способ письма, при котором автор сознательно или бессознательно использует свои жизненные материалы в своих письмах. Писатель может использовать автобиографический способ письма в своих вымышленных и не вымышленных произведениях. Здесь также необходимо пояснить слово «письмо», которое появляется в нашей работе многократно. Это слово используется как нейтральный термин обозначающий все вымышленные и не вымышленные письма любого писателя, потому что слова «работа», «произведение» «творчество» нагружены своими специфическими коннотациями.

«автобиографическое письмо» и «автобиографическая художественная литература». Термин автобиография является наиболее популярным в западной, русской, а также в индийской литературной критике. Некоторые литературные критики, такие как Филипп Лежун и Линда Андерсон, попытались определить термин узко и классифицировать его как нехудожественное, документальное и фактическое повествование истории жизни. С другой стороны, многие другие ученые, такие как Бейтс и Джордж Гусдорф, подчеркивая пористый характер жанра и соотношение художественности и документальности в автобиографии, поставили под сомнение каноническое определение жанра.

В русском литературоведении критики разработали разные трактовки для изучения автобиографических писем. Наиболее популярными терминами в русском литературоведении являются «автобиография», «автобиографическое письмо», «автобиографическая проза», «автобиографичность» и др. Наличие такого количества терминов само по себе объясняет сложный и межжанровый характер автобиографических произведений. В современном русском литературоведении термин «автобиографичность», который может быть переведен на английский язык как «autobiography», часто используется как синоним термина «автобиографизм». Русский критик М. Медарич размышляя над особенностями термина «автобиографизм», заявляет, что эти особенности в свою очередь проявляются как «эхо жанра автобиографии»³ в тех письмах автора, которые не могут быть автобиографиями. Иными словами, можно сказать, что «автобиографизм» как определённое литературное явление в той или иной мере проявляется в любых письмах автора и автобиография могла бы стать высшим воплощением автобиографизма. Учитывая сложный и межжанровый характер автобиографических писем, а также необходимость обсуждения всех вышеперечисленных вопросов, мы посвятили следующую главу изучению этих жанровых вопросов.

В настоящее время автобиографические письма очень популярны среди читателей. В книжных магазинах можно найти целые разделы автобиографических писем, таких как автобиографии, биографии, дневники и собрание писем. Основной причиной популярности автобиографических писем является то, что они позволяют читателям услышать разные «голоса» и узнать жизненный опыт других людей. Кроме

³ Горбунова, А.Н. «Автобиографизм и автобиографические жанры в творчестве А.Н. Герцена, 1840-1850-х годов» скч. <https://core.ac.uk/display/42051940/> 20.10.2015

того, автобиографические письма - это рассказы о жизни автора. Это окно в прошлое писателя, которое позволяет читателям войти в реальный мир другого человека и понять личность автора. Письма также помогают читателю узнать о прошлом: о политике, социальной среде и культуре того времени.

Автобиографические письма женщин в современной литературной критике рассматриваются как «богатый источник», который позволяет исследователям получить информацию о жизни женщин, работы которых очень часто игнорировались и редко находили свое место в истории. Во второй половине XX века произошло стремительное увеличение числа исследований женских автобиографических писем. Критики считают, что автобиографический метод, как литературный приём письма, широко распространен и используется в произведениях как мужчин, так и женщин-писателей, но более популярен среди женщин-писательниц.

Дневники и мемуары являются самыми популярными формами автобиографического письма среди женщин-писательниц. Причиной их популярности может быть тот факт, что традиционно женщины-писатели не имели доступа к равному пространству в социальной сфере, как мужчины-писатели. Они не имели возможности посещать литературные салоны, публиковать свои письма в журналах, поскольку их письма считались не достойными публикации. Женщины стали писать о своей жизни и делиться жизненным опытом в автобиографических текстах, потому что они не имели «публичной жизни». Если они не принадлежали к аристократии, их жизнь ограничивалась домом. Хотя женщины аристократии имели больший доступ к миру за пределами своих домов, они редко принимали непосредственное участие в общественной жизни. Вторая причина может заключаться в том, что личный опыт женщин редко описывался в литературе. Таким образом, женщины были просто зрителями в политике и других делах, а также читателями литературы без всякого права голоса в этих областях. Систематическое исключение женщин из всех сфер общественной жизни оставляла их на периферии жизни, в отличие от мужчин, которые находились в центре событий. В «основной литературе» мужчины-писатели конечно «рисовали» образы женщин, но они не были похожи на женщин из реального мира. Таким образом, женщины были лишены доступа к литературному миру как писатели, а также их описание в мужском письме не соответствовало реальности. Это актуально в отношении как русской, так и индийской литературы.

В России после реформ, проведенных Петром Великим, женщины получили доступ к образованию. Это определенно улучшило их жизнь. Стоит отметить, что женщины аристократии имели доступ к домашнему образованию до этих реформ, но после них учебные учреждения были открыты для женщин. Это также знаменует собой начало процесса демократизации образования женщин. Медленно, но неотвратимо горизонт очищался от туч и положение женщин в обществе изменилось. Они начали выражать себя через свои стихи и рассказы. Автобиографический способ письма продолжал оставаться одним из главных литературных текстов писателей-женщин. Русский критик Ирина Савина правильно замечает, что путём автобиографических писем женщина-автор «воссоздает себя»

«Автодокументальные жанры — письма, дневники, воспоминания и т. п. — это своего рода разговоры с зеркалом, со своим другим Я, отчужденным и возвращенным себе. Женщины пишут, осуществляясь в акте письма; увидев себя в зеркале и Зазеркалье автотекста, они воссоздают себя, утверждая: «я есть, я пишу, значит — существую»»⁴

В русской литературе существует ряд автобиографических писем женщин: дневники, автобиографии, семейные хроники, записки, мемуары и др. С XVII века есть свидетельства того, что русские женщины запечатлевают свой жизненный опыт в воспоминаниях и мемуарах. Большинство из этих писем принадлежат женщинам, которые были в основном из высших слоев общества, например, Екатерина II, Екатерина Дашкова и княгиня Наталья Долгорукая. Женщины из среднего и низшего слоев общества начали писать немного позже, только после демократизации образования. Вполне возможно, что они писали в то время тоже, но не могли опубликовать своих произведений.

Изначально женщины писали дневники и мемуары, которые предназначались в основном только для себя и своих родственников. Они не собирались их публиковать. В России вступление женщин в «основную литературу» стало возможным только тогда, когда их автобиографические произведения стали привлекать внимание

⁴ Савина, Ирина Л. Разговоры с зеркалом и зазеркалем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половине XIX века. <https://www.libfox.ru/473350-irina-savkina-razgovory-s-zerkalom-i-zazerkalem.html>. Accessed. 22.02.18

читателей. Исследования литературоведов Барбары Хельдт⁵ и Ирины Савкиной⁶ показывают, что первое поколение писательниц-женщин в основном писали автобиографические тексты: заметки, дневники, воспоминания. История письменности женщин в России начинается с автобиографических писем некоторых женщин аристократии того времени. С изменением времени и социальной системы женщины-писатели начали медленно выходить из домашней сферы и писать также вымышленные произведения, в которых изображали свой личный опыт и повседневную жизнь, которую обычно не обсуждали в «основной литературе». Письма женщин стали занимать значительное место в литературных дискуссиях.

Многие культуроведы считают, что в Индии женщины были довольно молчаливыми в вопросах, касающихся их самих. Критик Джеральдина Форбс не согласна с этим мнением. Она считает, что в современной Индии зарождался феминизм, который вскоре стал все более и более напористым. Кроме того, в женской литературе конца девятнадцатого и начала двадцатого веков обнаруживается сокровищница сложных способов, которые женщины использовали для создания своих произведений, создавая таким образом свои традиции в литературе. Самым главным из них является автобиографический способ, который помог женщинам внести свой вклад в литературные традиции Индии.

Автобиографические письма женщин занимают значительное место в литературной традиции как в России, так и в Индии. Эти письма требуют внимания исследователей для углубленного изучения их истории и специфики письма. Настоящее исследование посвящено автобиографическому творчеству русских и индийских писательниц. В частности, в нашем исследовании мы рассмотрим подробно труды русской писательницы Людмилы Петрушевской и индийской писательницы Наянтары Сахгал.

Как свидетельствует история развития автобиографии в мировой литературе, а также в литературе Индии и России, эта форма письма является одной из первых форм

⁵ Heldt, Barbara, *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987

⁶ Савина, Ирина. ""Пишу себя": Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. [Description: Die Dissertation von Irina Savkina über ego-dokumentarische Frauentexte in der russischen Literatur der 1. Hälfte des 19. Jahrhunderts]". (URL: <http://web.archive.org/web/20041213080905/http://acta.uta.fi/pdf/951-44-5059-0.pdf>, last accessed: 11-09-2015)

исторической памяти цивилизации. При изучении истории любой страны автобиографические заметки, эссе, письма, дневники, мемуары, несомненно, помогают узнать многое о прошлом. Можно также сказать, что автобиография является основой духовного общения между поколениями. Автобиографические письма также показывают уровень развития самосознания в обществе. Дневники, письма, автобиографии - это литературные факты, содержащие важные и существенные элементы для развития собственно литературных особенностей, граней, аспектов, принципов. Автобиографический метод письма - это художественный прием, который помогает писателю выразить свое «Я» в своих произведениях. В своей автобиографии автор записывает обычно в хронологическом порядке важные истории из своей жизни и его личные переживания.

В современном литературоведении существуют различные трактовки понятия «автобиография». Поэтому необходимо представить обзор теоретических работ, в которых рассматриваются вопросы жанра автобиографии. Многие критики сконцентрировали свое внимание на происхождении автобиографических писем и на том, как можно определить их жанровые специфики.

В западном литературоведении первым автобиографическим произведением считается «Исповедь» Святого Августина. Ранние западные литературоведы определяли трактовки жанровых специфик автобиографических писем по автобиографическим письмам, то есть «Исповедям» святых. До второй половины XX века, особенно в западном литературоведении, автобиографические письма изучались как исторический документ, поскольку они считались чисто документальными текстами. Критики, такие как В. Дильтей и Джордж Миш, спорили о том, что в автобиографических текстах не может быть вымышленных элементов. Они считали, что в автобиографических текстах должны быть сохранены исторические факты, которые могут быть изучены как исторические документы.

В западном литературоведении ранние литературоведы больше всего обращали внимание на происхождение жанра автобиографии. Критик Анна Рабесон Бер в своей книге «The Autobiography: A Critical and Comparative Study» занималась происхождением автобиографии. Она подчеркивает в своей работе, что в трактовках жанра автобиографии западных критиков совсем игнорируются автобиографические письма древней Египта, где это форма написания уже была популярной в шестой династии Уны Абебы, и автобиографические письма буддийских монахов древней Индии. Термин «автобиография» был употреблен западными критиками только в

XVIII веке. В индийской литературе этот термин не употреблялся до второй половины XIX века. Многие критики считают, что по сути, этот термин возник и развивался прежде всего в европейской литературной критике.

Первая волна критиков автобиографии подчеркивала творческие аспекты автобиографического письма с акцентом на исторический аспект. В западном литературоведении трактовки историков В. Дильтея и его ученика Джорджа Миша являются самыми влиятельными. В. Дильтей главным образом занимался темой перехода от «описания бытовой жизни к научно-теоретическим структурам гуманитарных наук»⁷. По его мнению, индивидуальное повседневное существование, по сути, является основной моделью гуманитарного познания. Он разработал концепцию исторической биографии и написал много биографий, например, Лейбница, Бруно, Фредрика Великого, Лессинга, Гете, Гегеля и других. Его теория «исторической биографии» является актуальной теорией в современной историографии. Его ученик Джордж Миш подчеркивал роль общественной жизни автобиографа. В свою монументальную работу «A History of Autobiography in Antiquity» Джордж Миш включил работы только «влиятельных людей». По его мнению, автобиография великого человека обобщает достижения культуры и поэтому должна принадлежать людям с высокой репутацией или людям, жизнь, которых имеет какое-то историческое значение.⁸ Он продвигает теорию индивидуализма, которая была неотъемлемой характеристикой «Исповедей» святых, то есть индивидуальная жизнь автора должна иметь смысл и быть образцом для других. При изучении развития автобиографии отдается предпочтение автономному или метафизическому «Я» как агенту своих собственных достижений. Автобиография способствует концепции человеческого существа, которая ценит индивидуальную целостность и обособленность, а также обесценивает личную и общинную взаимозависимость.

Именно на основе этих размышлений, западные критики изучали жанровые специфики автобиографических писем. Тем не менее, много критиков не согласны с этими мыслями, особенно постструктуралисты. Они ставили под сомнение теорию

⁷ De MUL, Jos. "DAS SCHAUSPIEL DES LEBENS: Wilhelm Dilthey and Historical Biography." *Revue Internationale De Philosophie*, vol. 57, no. 226 (4), 2003, pp. 407–424. JSTOR, www.jstor.org/stable/23955842.

⁸ Misch George, *A History of Autobiography in Antiquity: Part One*, England: Routledge and Kegan Paul Ltd, 1950, Print. Pp.208

индивидуальности в автобиографии и универсальность, предложенную европейскими теоретиками. Работа Георга Гусдорфа по этой теме является новаторской.

Джордж Гусдорф в своей статье «Условия и пределы автобиографии» пишет, что, несмотря на свою популярность на Востоке (особенно в колониях Англии), автобиография по существу является западным жанром, отражающим интересы колонизаторов. Он считает, что прежде всего необходимо отметить, что жанр автобиографии кажется ограниченным во времени и пространстве, то есть этот жанр не существовал всегда. Он считает, что если западные критики основывают свои размышления о жанре автобиографии на «Исповеди» Святого Августина, то это значит, что феномен автобиографических писем появился уже поздно, то есть в христианскую эру. Далее он замечает, что евроцентричный взгляд на автобиографические произведения делает этот жанр исключительно европейским жанром, то есть автобиография не может быть вне западной литературной традиции и она выражает интересы, свойственные западному человеку. Гусдорф рассматривает эти интересы западных людей как интересы, которые были полезны в «интеллектуальной колонизации» других культур.⁹

Гусдорф также не видел универсальности в автобиографических произведениях, как это предлагали западные критики. Скорее, он отбрасывал теорию индивидуализма, которая занимала центральное место в Западной литературной критике. По его словам-

«The concern, which seems so natural to us, to turn back on one's own past, to recollect one's life in order to narrate it, is not at all universal. It asserts itself only in recent centuries and only on a small part of the map of the world. The man who takes delight in thus drawing his own image believes himself worthy of a special interest. Each of us tends to think of himself as the center of a living space: I count, my existence is significant to the world, and my death will leave the world incomplete. In narrating my life, I give witness of myself even from beyond my death and so can preserve this precious capital that ought not disappear. The author of an autobiography gives a sort of relief to his image by reference to the environment with its independent existence; he looks at himself being and delights in being looked at—

⁹ Gusdorf, George. "Conditions and Limits of Autobiography" in *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. James Olney(ed). Princeton: Princeton University Press, 2014. Pp.29

*he calls himself as witness for himself; others he calls as witness for what is irreplaceable in his presence.*¹⁰

Критикуя теорию индивидуализма, Гусдорф заявляет, что индивид не противопоставляет себя другим. Он не может существовать вне других, а очень часто в любом обществе человек менее против других, а напротив существует с другими и являются «взаимозависимым». Вот поэтому никто не может быть полноправным хозяином своей жизни. Итак, отвергая теорию индивидуализма, Гусдорф считает, что судьба людей сливается друг с другом. Вместо самосознания одного человека он сделал акцент на сознании целого сообщества -

*«The important unit is thus never the isolated being—or, rather, isolation is impossible in such a scheme of total cohesiveness as this. Community life unfolds like a great drama, Each man thus appears as the possessor of a role, already performed by the ancestors and to be performed again by descendants. The number of roles is limited, and this is expressed by a limited number of names. Newborn children receive the names of the deceased whose roles, in a sense, they perform again, and so the community maintains a continuous selfidentity in spite of the constant renewal of individuals who constitute it»*¹¹

По мнению критика, «автобиография», особенно в западном литературоведении, продвигает понятие самосознания, в которой высоко ценится «индивидуальная целостность», и обесценивает личную и общинную взаимозависимость. Эта постструктуралистская мысль Гусдорфа указывает на открытие «Я» посредством проблематизации понятия субъективности.

В отличие от критиков первой волны, которые подчеркивали творческий аспект автобиографического представления, а в автобиографических письмах особое внимание уделяли историческим аспектам. Критик Джордж Гусдорф сосредоточился на эстетических аспектах автобиографического письма. По его мнению, автобиография является прежде всего «культурным артефактом», а исторические и творческие элементы играют второстепенную роль.

¹⁰ Gusdorf, George. "Conditions and Limits of Autobiography" in *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. James Olney(ed). Princeton: Princeton University Press, 2014. Pp.29

¹¹ Там же.

Джеймс Олни продвигает центральную роль творческих элементов в теории автобиографии. Он считает, что эти творческие элементы являются «метафорами себя».¹² Олни подразумевает, что автобиография — это уникальный жанр, учитывая то, что она обладает потенциалом постулировать саморефлексию как процесс, а не как сущность. Таким образом, он предлагает понятие саморефлексии из идеи самопредставления. Джеймс Олни уделял большое внимание стремлению автора при написании своей автобиографии. Исследуя намерение автора автобиографического письма, Фрэнсис Харт выделил три формы: исповедь, апологию и мемуары.¹³ Он заметил, что намерение авторов постоянно изменяется и в ходе этого процесса автобиограф обнаруживает свой собственный стиль написания, в котором смешиваются исповеди и мемуары.

Во второй половине XX века, с развитием теорий постструктурализма и экзистенциализма, теоретики сосредоточились на определении и переосмыслении концепции «Я», которое революционизировало изучение автобиографических произведений. Критики начали воспринимать автобиографические письма еще более серьезно. Переосмысление концепции «Я» вызвало оживленный спор среди феминистских критиков, которые начали обсуждать женское «Я» в автобиографических произведениях и заниматься историей традиции автобиографического письма женщин. Западные феминистки начали свои поиски гораздо раньше, чем русские или индийцы.

Философы-постструктуралисты, такие как Деррида и Гусдорф, подвергли сомнению концепцию "Я". Их взгляды позже дали большой толчок феминистской критике автобиографических произведений. Изолированный индивидуализм-это иллюзия, так как человек не может быть совсем изолированным существом. Прославление индивидуализма ранними критиками автобиографии, также показывает, что индивидуализм был привилегией власти.

Западные историки литературы согласны с тем, что в XVI, XVII и XVIII веках, особенно в Англии, люди начали рассматривать истории своей жизни как потенциально ценные для своей культуры и поэтому начали писать о себе с возрастающей регулярностью.

¹² Olney, James. *Metaphors of Self: The Meaning of Autobiography*. Princeton University Press, 1972.

¹³ Hart, Francis R. "Notes for an Anatomy of Modern Autobiography." *New Literary History*, vol. 1, no. 3, 1970, pp. 485–511. JSTOR, www.jstor.org/stable/468268.

Первая волна критиков также поместила свои интерпретации появления жанра в новую концепцию человека, который имел репрезентативную жизнь. Автор также трактует автобиографический субъект, как всегда, по-мужски и тем самым игнорирует взаимозависимость идеологии пола и идеологии индивидуализма, породивший новую дискурсивную форму. Таким образом, история автобиографии показывает, что привилегия дается патрилинейному происхождению и андроцентрическому дискурсу, в то время как матрилинейный след женской субъективности не принимается во внимание.

В доминирующем литературном дискурсе женские произведения почти не обсуждались и игнорировались. Автобиографические письма не были исключением. Критики-феминистки призывают к построению своей собственной традиции. В автобиографических текстах размыта грань между фактом и вымыслом, личным и социальным. Это дает ученым-феминисткам много возможностей рассматривать автобиографический текст не только как литературный жанр, но и как письменную практику, охватывающую многие сферы жизни женщин. Джулия Уотсон и Сидней Смит замечают, что маргинализированный субъект, то есть женщины, занимают центральное место в дискурсе автобиографических практик. Автобиографические письма обеспечивали пространство женщинам, где они могли заниматься творчеством, а также участвовать в политике.

Актуальность работы

Актуальность темы работы заключается в том, что в современном литературоведении России и Индии автобиографические письма изучаются с большим интересом. Автобиографический способ написания является одним из самых популярных форм среди женщин-писателей. В современном литературоведении не только на Западе, но также в России и Индии интенсивно обращаются к новаторскому инструментарию в процессе изучения автобиографических текстов, разрабатывая новые подходы.

Данная работа является дополнением к существующему дискурсу автобиографических сочинений. Мы проводим сравнительный анализ автобиографических писем двух разных стран и культур. Помимо типологических различий и сходства, эта работа также дает обзор развития и истории автобиографического письма женщин в Индии и в России. В настоящей работе, чтобы

раскрыть тему более подробно, мы решили изучить автобиографии индийской писательницы Наянтары Сахгал «Тюрьма и шоколадный торт» и русской писательницы Л. С. Петрушевской «Маленькая девочка из «Метрополя»». Сравнительный анализ этих двух автобиографий позволит нам понять особенности жанра автобиографии и ее традиции. Западная литературная критика полностью игнорировала автобиографическую традицию, существовавшую в России и Индии. Наша работа даст возможность взглянуть на развитие традиции автобиографии женщин в этих странах.

Научная новизна работы

Научная новизна нашей работы определяется как формулировкой теоретической проблемы, так и материалом, на основании которого изучается эта проблема. В современном западном литературоведении рассматриваются различные аспекты автобиографических писем и разрабатываются разные подходы к изучению жанровых и гендерных специфик. К сожалению, в русском литературоведении автобиографические письма женщин очень мало изучены, а в индийском литературоведении, автобиография обычно считается прерогативой лишь влиятельных людей и знаменитостей. В нашей работе мы попытались изучить традицию автобиографического письма женщин в Индии и в России, а также понять как она развивалась на протяжении веков. Мы выбрали для изучения эти работы, чтобы понять современные тенденции в понимании автобиографических произведений женщин России и Индии.

Цель и задачи работы

В настоящей работе мы проведем всестороннее исследование теории и практики автобиографии в мировой литературе. Нами будет изучен термин «автобиография», история его модификации в текстах разных культур и различные интерпретации. Цель данной работы заключается в изучении работ западных, русских и индийских теоретиков и их размышлений.

Автобиографические письма женщин мало изучены в отношении жанровых вопросов автобиографических писем. Западные феминистки утверждают, что в основной литературе и литературоведении не уделялось должного внимания автобиографическим письмам женщин. В России и Индии автобиографическое письмо

женщин очень мало изучено. В Индии написание автобиографии всегда было прерогативой богатых и влиятельных людей, и женщины, которые писали автобиографические произведения, редко публиковались. Для изучения всех этих проблем феминистская критика служит теоретической базой.

Мужская традиция автобиографического письма доминирует в истории литературы. Все теории основаны на письмах мужчин, которые не могут быть применены к автобиографическим произведениям женщин, поэтому первым делом необходимо восстановить автобиографические произведения женщин, а также сформировать отдельную литературную традицию.¹⁴ Поэтому мы попытались изучить историю традиции автобиографического письма женщин в России и Индии.

Нами будет проведено сравнительное исследование автобиографических писем русских и индийских писателей на примере автобиографий «Тюрьма и шоколадный торт» индийской писательницы Наянтары Сахгал и «Маленькая девочка из «Метрополя»» русской писательницы Л. Петрушевской. В рамках данного исследования нами будут рассмотрены сходства и различия, которые существуют в структуре, форме и содержании в автобиографических письмах русских и индийских писателей-женщин.

Методология

Сложность организации жизненного материала в автобиографии требует построения различных моделей анализа, которые основаны на дискурсивных, нарративных методах и интерпретативном феноменологическом анализе. Методология исследования основана на необходимости решения этих проблем и на комплексном подходе, синтезирующем различные методы. Теоретико-методологическую базу работы составили труды западных, российских и индийских литературоведов, разрабатывающих методологию анализа автобиографических писем.

Поскольку настоящее исследование представляет собой сравнительный анализ двух разных литератур, сравнительные методы исследования были основными подходами к изучению. Исследование является индуктивным на основе типологического сходства, прослеживаемого в работах русских и индийских

¹⁴ http://homepage.westmont.edu/hoeckley/Readings/Symposium/PDF/201_300/219 29.05.2018 «Toward a Feminist Poetics» in Showalter (ed.), *The New Feminist Criticism*, New York: Pantheon Books, 1985, pp.

писателей-женщин. Феминизм и автобиографические труды разделяют симбиотические отношения. Женские автобиографические сочинения процветали во время второй волны феминизма в 1960х-1970х годах. Женщины-писатели (например, Симона де Бовуар и Сильвия Плат) выпускали автобиографические тексты, которые давали им пространство для изучения их субъективности и гендерной идентичности. Автобиографическое письмо по-прежнему остается привилегированным местом для женщин-писателей, которые «текстуализируют» себя и обсуждают свою гендерную идентичность. Чтобы изучить все эти черты в автобиографических трудах русских и индийских женщин, рассматривается теория гинккритицизма Элейн Шоултер. Подробное исследование теории Сидония Смита и Джулия Уотсона о сближении класса, пола и жанра в автобиографическом письме женщин дает очень важную теоретическую перспективу этому исследованию. Критическая структура этого сравнительного исследования включает области гендерных и автобиографических исследований, а также теории жанров. Для понимания принципа автобиографизма в письмах любого автора совершенно необходимо изучить их автобиографические произведения, в которых автобиографизм фигурирует в максимальном количестве. Само собой разумеется, что писатель может использовать максимум жизненного материала в своих автобиографиях. Именно поэтому мы решили изучить в нашей работе автобиографические произведения «Маленькая девочка из «Метрополя»» Л.С. Петрушевской и «Тюрьма и шоколадный торт» Наянтары Сахгал.

Структура работы

Данная научная работа состоит из пяти глав:

Глава 1. Введение

Глава 2. Автобиография: понятие и особенности

Эта глава состоит из двух частей:

2.1. Автобиографизм и автобиографические письма как литературный жанр: теоретические вопросы;

2.2. Автобиография и феминистская критика;

В первой части будут рассмотрены вопросы жанра автобиографии. Мы представим обзор существующих теорий автобиографических произведений в мировой литературе, в частности, в западной литературе. Во второй части этой главы, мы

обсудим феминистскую критику автобиографических писем, а также гендерные вопросы.

Глава 3. Автобиографизм и биографические практики русских женщин-писателей

В этой главе мы обсудим традиции автобиографических писем женщин-писателей России. Мы изучим историю и развитие этой традиции в русской культуре. Данная глава состоит из трех частей. В ней будет представлен обзор автобиографических писем женщин, а также процесс развития жанра автобиографии в русской литературе. Будет рассмотрено понятие термина «автобиографизм» в современной русской литературе. Также будет проанализирована автобиография современной русской писательницы Людмилы Петрушевской «Маленькая девочка из «Метрополя»».

Глава 4. Автобиографизм и биографические практики индийских женщин-писателей

Данная глава состоит из трех частей. В первой части мы изучим жанровые особенности автобиографии в индийских литературных традициях. Мы также рассмотрим традицию автобиографических писем в древней Индии и как она развивалась со временем. Во второй части, в центре внимания находится традиция автобиографизма в работах современных индийских женщин-писателей. В третьей части, мы проанализируем автобиографию Наянтары Сахгал «Тюрьма и шоколадный торт».

Глава 5. Заключение

Глава 2

Автобиография: понятие и особенности жанра

2.1. Автобиографизм и автобиографические письма как литературный жанр: теоретические вопросы

Автобиографическое повествование является одним из самых популярных модусов в литературной традиции. В западном литературоведении этому жанру исследователи уделяли особое внимание. Автобиографическое повествование является достаточно сложным, поскольку в нем писатель выступает и как объект наблюдения, и как субъект/предмет своего письма.

В истории литературоведения автобиография представлена как одна из старейших форм повествования, которая играет важную роль в сохранении исторической памяти поколений. Термин «автобиография» («autobiography») состоит из трёх греческих слов: *autos*-сам, *bios*-жизнь, *grapho*-пишу. Таким образом, автобиография буквально обозначает «самому писать свою жизнь». Существуют разные точки зрения о происхождении этого жанра. Некоторые критики считают, что «Исповедь» Святого Августина является первым автобиографическим произведением. Другие считают, что ранние работы греческой литературы являются первыми автобиографическими трудами. Джордж Миш считал работы известного греческого риторика Сократа одними из первых автобиографий.¹⁵ Но многие критики не согласны с точкой зрения Миша. Сидони Смит и Джулия Уотсон в своей книге «Reading Autobiography» считают, что этот жанр был распространён в устной традиции: в песнях индейцев и туземных австралийцев, устных рассказах о генеалогии и происхождении африканцев. Автобиографическая традиция наблюдалась не только в устной традиции, но также письмах в Китае и Японии две тысячи лет назад. В Индии традиции автобиографического письма развивались в средних веках, в период «святых бхакти» (Bhakti Saints).¹⁶ Анна Рабесон Бер в своей книге «Автобиография: критическое и сравнительное исследование» пишет, что в Европе христианская эпоха открывает

¹⁵ Misch George, A History of Autobiography in Antiquity: Part One, England: Routledge and Kegan Paul Ltd, 1950, Print. Pp.554-555

¹⁶ Smith Sidonie, Watson, Julia., Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives, London: University of Minnesota Press. 2002, pp.84

начало традиции автобиографических писем, но «зародыш» автобиографического письма встречается в египетской литературе уже в шестой династии Уна и Абебы¹⁷-

*«Egyptian literature contains records of the individual, even as early as the sixth dynasty are of those Una and Abeba. A Papyrus of the twelfth dynasty contains partially autobiographic, romantic narrative by a soldier named Suneha, and similar statements with the names of Ameni and Kuhmhetp. And in the eighteenth Dynasty, besides the general Ahmes, more definite types of such records are credited to Thothmes III and the great Rameses II.»*¹⁸

Хотя автобиографический модус повествования был популярен в древних веках, термин «автобиография» появился только в восемнадцатом веке. Джеймс Тредуэлл отмечает, что этот термин впервые употребил литературовед Уильям Тейлор в своем комментарии к работе Исаака Дизраэли «Observations on Diaries, Self Biography, and Self- characters». Тейлора смущало образование словосочетания «Self-Biography» и он предложил использовать вместо него термин «autobiography».¹⁹

Происхождение термина «автобиография» также обсуждает Роберт Фолкенлик в своей книге «The Culture of Autobiography: Construction of Self Representation». Он отмечает, что не только термин «автобиография», а также синонимический его термин «самостоятельная биография» (Self -Biography), появились только в XVIII веке.

*«...the term autobiography and its synonymous self-biography, having never been used in earlier periods, appeared in the late eighteenth century in several form in isolated instances in the seventies, eighties, and nineties in both England and Germany with no sign that one use influenced another.»*²⁰

Фолкенлик также заметил, что хотя этот термин был употреблён сначала Уильямом Тейлором, но прилагательная форма «автобиографический» (autobiographical) впервые была употреблена в английском литературоведении.

¹⁷ Burr, Anna Robeson Brown. The Autobiography: A Critical and Comparative Study. Boston: Houghton Mifflin, 1909. 33-34

¹⁸ Там же.

¹⁹ Treadwell, James., Autobiographical Writing and British Literature 1783- 1834, New York: Oxford University Press, 2005,Print. Pp.2-3

²⁰ Folkenflik, Robert., The Culture of Autobiography: Construction of Self- Presentation, California: Stanford University Press. 1993. Print. Pp.1-2

«The First Published use of the term Autobiography in any language, however, occurred in the adjectival form in the preface to the 1786 edition of Ann Yearsley's Poems as an «Autobiographical Narrative» of her strained relation with her patrons, Hannah More. Hence, the first use of any form of the term appeared in the apologia of a lower class woman poet generally condescended to in literary histories under the name Lactilla, the Milkmaid poet.»²¹

В первой четверти XIX века термин «автобиография» уже был установлен и стал общепризнанным термином для всех автобиографических писем.²² Джеймс Тредуэлл в своей книге «Autobiographical Writing and British Literature 1783-1834» отмечает, что между 1797-1834 годами автобиографические письма развивались весьма плодотворно.²³ Растущее число автобиографических писем вызвало ряд размышлений/теорий по поводу жанра «автобиография». Ряд критиков, таких как Джонсон, Джон Локхарт, Карлайл, Мэри Буск и другие, были первыми, которые пытались определить закономерность автобиографических писем. Суть размышлений большинства критиков романтического периода заключается в том, что в автобиографических письмах обязательно обсуждается проблема «собственной личности».²⁴

Все теории основывались на концепции индивидуализма. Что было впервые реализовано в эпоху Просвещения, а затем в литературе романтического периода. В литературоведении восемнадцатого века «Исповеди» Руссо и «Жизнь» Дэвида Юма считались образцовыми автобиографическими письмами. Эти произведения носят конфессиональный и религиозный характер. Они больше о религиозных верованиях, чем о писателе. Даже если их жизнь обсуждается, то всегда в связи с религиозными событиями. Эти конфессиональные тексты были оценены как первые автобиографии, потому что они были основаны на «истине» и «высоко оцениваемой общественной жизни» их автора, играющего важную роль в обществе. На этих текстах основан

²¹ Там же

²² Там же 3-8

²³ Treadwell, James., Autobiographical Writing and British Literature 1783- 1834, New York: Oxford University Press, 2005,Print. Pp.8-9

²⁴ Там же 10, 11,14

первый этап исследования жанровых особенностей автобиографических писем. Критики позднего периода пытались расширить жанровые границы автобиографических произведений, например, критик Джеймс Тредуэлл усомнился в размышлениях о жанре «автобиографии» в период романтизма, поскольку не было подробного дискурса. По его мнению

«Sustained critical reflections on the practice of autobiography are scarce during the Romantic period. The huge majority of comments on the subject occur in the context of particular works: as apologetic introductions to autobiographical, or at the beginning of review articles.»²⁵

В западном литературоведении серьёзно начали заниматься автобиографией только во второй половине XX века. До этого времени автобиография изучалась как исторический документ, поскольку она считалась не вымышленной, а рассказом о прошлом автора. В литературоведении восемнадцатого века особое внимание уделяли «ценности общественной жизни» автора и «полезности» его жизни в обществе.²⁶ Это означает, что считались важными только автобиографические письма выдающихся людей в обществе, а именно политиков, философов и писателей, так как общественная жизнь этих людей представляла собой «полезность» в обществе. «Достоверность» их автобиографии не могла вызывать сомнений и ее было не возможно исправить. То есть можно сказать, что в литературоведении XVIII века, автобиографией занимались только «важные» люди общества. Анна Робенсон Бэр писала об этих особенностях автобиографии в своей книге «The Autobiography: A Critical and Comparative Study»:

«A sincere autobiography is not written save by an important man; and, in truth, one of the tokens of his importance is the seriousness that such a work appears to have for him. The quality of our witness, therefore as against the quantity of the satisfaction, is our first claim; the ore from this mine must essay to a certain degree value.»²⁷

Таким образом, чтобы написать честную автобиографию автору требовалось много мужества, ведь часто он был известный человек в обществе. Так «собственная личность» автора изображалась в отношении к публичной жизни самого автора. В

²⁵ Там же 12

²⁶ Там же 10-24

²⁷ Burr, Robenson Anna., The Autobiography: A Critical and Comparative Study., Boston and New York: Houghton Mifflin Company, The Giberside Press Cmabridge, 1909. Pp.

период романтизма начался процесс «самоутверждения» и «самореализации», который в свою очередь, возбуждал самосознание человека. В первой половине XIX века стало развиваться литературное течение романтизма во французской литературе. Смит и Уотсон, обсуждая развитие принципа индивидуализма, замечают, что после французской революции артисты и писатели, которым до тех пор покровительствовала аристократия, освободили себя от классицистических мотивов и стали свободно писать о своей «субъективности». Итак события из собственной жизни начали играть значительную роль в процессе романтических стремлений

«The struggle of marginal subjects for spaces of inscription becomes more prominent in the nineteenth century as, with the post- Revolutionary decline of aristocratic patronage. Artists and writers move increasingly to the social margin. More dependent on selling their works in this less secure, social position, writers began to rework the Romantic quest narrative to explore their own subjectivity outside the mainstream of national life....»

*... In the Romantic quest narrative, the autobiographical becomes an allegorical pursuit of an ideal or transcendent self desiring to merge with some “absolute” of nature, love, or intellect that is beyond the ego that is sublime. The legacy of Rousseauian radical individualism was reshaped by Goethe in *The Sorrows of Young Werther* an epistolary fictionalized life narrative of self – preoccupation to the point of suicide. *Werther* powerfully influenced the artistic self- portrayal of passionate obsession. Such Romantic writers as Novalis, Byron (in the pseudo-autobiographical *Don Juan*), and Mary Robinson in *Europe* all in different ways engage this model of a self on a solitary quest. And Walt Whitman in *Specimen Days* and “*song of Myself*” and Henry David Thoreau in *Walden* adapt the quest of the introspective seeker to the landscapes, both rural and urban, of the American republic in crisis and transformation.»²⁸*

Помимо этого автобиография проникала в художественную литературу. Повествовательная структура автобиографии сильно повлияла на возникновение романа и сыграла важную роль в его развитии. Русский литературовед и известный критик Михаил Бахтин в своем сочинении «Формы времени и хронотопа в романе»

²⁸ Smith Sidonie, Watson, Julia., *Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives*, London: University of Minnesota Press. 2002, pp.99-111

подробно обсуждает форму и повествовательную структуру автобиографии и как она развивалась от древности до современности, а также как тесно автобиография и роман связаны. Бахтин отмечает много общего между автобиографией и романом по организационной структуре. Автобиография не обсуждалась как литературный жанр ещё до появления литературного движения романтизма. Современная автобиография развивалась с развитием литературного течения «романтизма», когда поэты и писатели начали давать свое личное мнение, описывать опыт и страсти в своих работах. Критики считают, что жанровая специфика автобиографии начала серьёзно обсуждаться только после появления «Исповеди» Жан-Жака Руссо. В своем сочинении «Формы времени и хронотоп в романе» Бахтин обсуждает самые ранние формы автобиографии и выделяет три основных типа: **платоновский, риторический и мемуары**. Он пытается установить момент, когда автобиографическое сознание и самосознание стали проникать в культуру и в конечном итоге в художественную литературу. Бахтин также изучает развитие автобиографического модуса повествования, который играет основную роль в развитии художественной прозы. Он считает «Апологию» Платона и «Федо» Сократа платоническими автобиографиями. Объясняя этот тип автобиографии, Бахтин пишет

«Этот тип автобиографического самосознания человека связан со строгими формами мифологической метаморфозы. В основе ее лежит хронотоп-«жизненный путь ищущего истинного познания». Жизнь такого ищущего расчленяется на точно ограниченные эпохи, или ступени. Путь проходит через самоуверенное невежество, через самокритический скепсис и через познание самого себя к истинному познанию (математика и музыка).»²⁹

Вторым типом автобиографии, отмеченным Бахтиным, является риторическая автобиография. В ней человек/индивид дает публичный отчет о себе: словесная похвала о гражданских или политических совершенствованиях, успехах или любом самопрославлении. Так как риторические автобиографии являются индивидуальными отчетами о самих писателях и пишутся не для себя, а для людей, поэтому они очень часто полны самовосхваления. Бахтин отмечает, что риторические автобиографии являются «словесными гражданско-политическими актами», главной целью которых

²⁹ <http://philolog.petsu.ru/filolog/lit/bahhron.pdf>. Retrieved. 12.12.18

является «публичное прославление или публичный самоотчет реальных людей».³⁰ В риторических автобиографиях самым важным является не внутренний мир, а внешний реальный мир изображаемой жизни. Бахтин считает, что «Исповедь» блаженного Августина является ярким примером риторической автобиографии, потому что в этом произведении индивидуальность писателя имеет общественный характер. Цель самовосхваления в риторической автобиографии - представить людям образцовый образ жизни святых, их нравственные качества которые могли бы вдохновить людей. Со временем изменилось мировоззрение о реальности и о человеке. Частный мир человека стал очень комплексным, появилось много новых явлений, понятий, объектов и внутренний мир человека утратил публичный характер. Как говорит Бахтин «разделились ядро и оболочка, внешнее и внутреннее»³¹ в человеке. Появление «внешнего и внутреннего» стало причиной развития третьего типа автобиографии — мемуаров. По Бахтину этот тип автобиографии наблюдается в римских автобиографиях, в которых описывается римская семья или клан через описание судьбы самого автора.

В римских автобиографиях человек вспоминает своё прошлое и свою семью. Эти автобиографии более ориентированы на описание истории семьи или клана и не являются интимно-личными. Данные автобиографии были более «о других», чем «о себе». Бахтин подробно обсуждая три основные типа автобиографических повествований, указывает, что до средних веков личность человека обсуждалась только в отношении общественного самосознания индивида. Со временем мемуары стали одними из излюбленных модусов повествования и изображения личной жизни человека, в которых он мог выражать интимно-личные чувства и описывать свой опыт, которые считались табу и не обсуждались на публике. Это получило своё отражение в литературных произведениях писателей романтизма. И так появилась новая форма автобиографии – автобиографические произведения - в которой, надевая литературные маски, писатели выражали свою личность и страсти. Принцип автобиографизма появился в литературоведении.

Автобиографические письма одновременно являются очень комплексными и неуловимыми текстами. Очень часто трудно определить их жанровые специфики, так как в них обычно сливаются элементы как различных жанров, так и элементы из

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

разных областей знания. Это очевидно, что в автобиографических повествованиях писатель описывает свой жизненный опыт и впечатления. Его жизненный опыт может включать различные сферы знания, что делает автобиографию разнообразной.

Исследователи ощущают дискомфорт при решении стандартного подхода к изучению автобиографических произведений, так как их можно читать как документ истории, антропологии, географии, записки путешествий, теологии и т.д. В западном литературоведении «Исповедь» Святого Августина считается первым автобиографическим повествованием. В то время исповеди писались с двумя целями – давать отчет о своих недостатках Богу и хвалить Бога. «Исповедь» Святого Августина является сборником из 13 сочинений, в которых он исповедуется в своих грехах, а также хвалит Бога и пишет о его величии. В большинстве сочинений он признает свои грехи, рассказывая о своей жизни и обсуждая философские и теологические вопросы. На самом деле, его искупление является глубоко философским и религиозным вопросом, поэтому трудно определить жанровую специфику его «Исповеди». То есть можно ли отнести ее к теологии, философии или можно назвать ее автобиографией? Конечно, трудно решить, используя стандартный подход к изучению таких произведений. Большинство критиков считают, что в автобиографических произведениях необходимо ощущать осознанность писателей. Это является самой главной, фундаментальной характеристикой автобиографических повествований. Вот поэтому «Исповедь» Святого Августина причисляют к жанру «автобиографии». Тем не менее, осознанность писателей без сомнений является самой главной, но не может быть решающей характеристикой автобиографических произведений. В современном литературоведении жанр «автобиографии» является значительно комплексным. Жанровыми спецификациями и нюансами автобиографии начали серьезно заниматься только во второй половине XX века. Как обсуждалось ранее, в русском литературоведении Михаил Бахтин глубоко занимался связью между романом и автобиографией в своей статье «Формы времени и хронотопа в романе» (1973 г.). До второй половины XX века автобиография считалась правдивым повествованием жизни автора. В западном литературоведении, критики имея в виду «достоверность» автобиографии, воспринимали ее как историю. Джордж Миш в своей книге «History of Autobiography in Antiquity» утверждает, что эволюцию западного общества можно изучать при помощи автобиографий того периода.

«Though essentially representation of individual personalities, autobiographies are bound always to be representative of their period, within a range that will vary with the intensity of the authors' participation in contemporary life and with the sphere in which they moved...»

But when an autobiography is produced independently, out of his own life and by the application of his own gifts, by a person of exceptional calibre it provides a supreme example of representation – the contemporary intellectual outlook revealed in the style of an eminent person who has himself played a part in the forming of the spirit of his own time. »³²

Таким образом, Миш размышлял о том, кто может быть автором автобиографии и какие автобиографические письма могут быть правдивыми. Джордж Миш был учеником немецкого историка Вильгельма Дильтея, который при изучении теории историографии провозгласил тесную связь между автобиографией и историей. Он определил жанр автобиографии как «highest and most instructive form»³³ и уточнил пользу автобиографии в историографии, поскольку и во всех личных записках, и в автобиографии не только описывается внутренний мир писателя, но и его окружающей мир. Следовательно, можно сказать что все личные и автобиографические записки не только являются «личной историей», но также «свидетельством публичной истории» писателя.

Современные историки серьезно занимаются связью между историей и автобиографией, например такие как Джереми Д. Попкин в своей книге «History, Historians and Autobiography» и Жауме Аурел в своей статье «Autobiography as Unconventional History: Constructing the Author». Они пытаются исследовать личные записки, чтобы понять опыт других историков и их отношение к истории. По мнению Джереми Д. Попкина: «The relation between history and autobiography are unique, because their common claims to capture the truth about the past ».³⁴ Хотя Джереми Д. Попкин согласен с тем, что и в истории, и в автобиографии описывается прошлое, он также

³² Misch George, A History of Autobiography in Antiquity: Part One, England: Routledge and Kegan Paul Ltd, 1950, Print. Pp. 5

³³ Smith Sidonie, Watson, Julia., Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives, London: University of Minnesota Press. 2002, pp. 111

³⁴ Jeremy D. Popkin. History, Historians, and Autobiography. Chicago: University of Chicago Press. 2005. pp.14

подчеркивает разницу между ними и то, что они не могут быть взаимозаменяемыми.

Он пишет

«The wall between history and autobiography has been constructed largely from the historian's side. As history separated itself from literature in nineteenth century and sought to establish its claim to the status of a scientific discipline, apprentice historians were taught to subject all the documents to rigorous criticism. Who made this document, when, where and for what purpose? Above all the historian was to be on guard against the biases of those who had produced the records from which the past had to be recreated. No category of document seemed more full of these biases than memoirs and autobiographies, whose authors were quite explicitly trying to tell the story of the past from their point their own particular point of view. The fact that memoir literature had long saved the function that scientific history now sought to monopolize- recording past events and transmitting them to posterity – made it special target for historians, a competitor that had to be discredited in order to establish the claims of the historical discipline on a firm basis. Historians were thus taught to treat first person writing with particular suspicion. »³⁵

Необъективность в автобиографических записках отличает их от истории. Современные критики деконструировали размышления Миша и Дильтея. Карл Дж. Вайнтрауб в своей статье «Autobiographical and Historical Consciousness» (1975 г.) пишет, что автобиография играет значительную роль в историографии, но тем не менее существуют различные виды автобиографических писем, но не все из них несут пользу в историографии. Современные критики согласны с размышлениями Джереми Д. Попкина, что история и автобиография не могут быть взаимозаменяемыми³⁶.

Смит и Уотсон не согласны с мнением Джорджа Миша и резко критикуют его за элитарный подход к изучению жанра автобиографии. Критикуя размышления Миша, о том, что автор автобиографии должен быть «важным человеком» и иметь «репрезентативную жизнь» (representative life), Смит и Уотсон пишут

«...Misch's other prescriptive definition, the "representative" nature of autobiography, additional problems become evident. His definition of the "supreme example" of human accomplishment is "the contemporary intellectual outlook

³⁵ Там же. Стр. 15-16

³⁶ Там же.

revealed in the style of an eminent person who has himself played a part in the forming of the spirit of his time". Consider the trouble the term representative makes for women or the formerly enslaved or colonized. In what ways could they compose a "representative" narrative of a period? Prior to the twentieth century, few women, former slaves, or colonized people achieved the status of "eminent people", and those who did were usually labelled "exceptional" rather than "representative". Perhaps the life narratives of such people, had they been written, would more have been "unrepresentative" of their times.»³⁷

Французский литературовед Джоржд Гюсдорф провозгласил, что «Objective place of history is always a projection of the mental space of the historian»³⁸. Однако, он отрицал размышления Миша об авторитете автора. Обсуждая вопрос, кто является писателем автобиографии, Гюсдорф подтверждает, что это человек «... who takes delight in thus drawing his own image believes himself worthy of a special interest».³⁹ Он объясняет психологию писателей автобиографии и почему именно человек считает себя достойным автобиографии

«Each of us tends to think of himself as the center of a living space: I count, my existence is significant to the world, and my death will leave the world incomplete. In narrating my life, I give witness of myself even from beyond my death and so can preserve this precious capital that ought not disappear. The author of an autobiography gives a sort of relief to his image by reference to the environment with its independent existence; he looks at himself being and delights in being looked at—he calls himself as witness for himself; others he calls as witness for what is irreplaceable in his presence.»⁴⁰

Гюсдорф разработал демократичный подход к изучению жанра автобиографии. Он считал, что главной ее задачей является не объективное повествование окружающего мира, а описание прошлого человека и то как он реагирует на ситуации,

³⁷ Smith Sidonie, Watson, Julia., Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives, London: University of Minnesota Press. 2002, pp. 115

³⁸ Olney, James (ed). Autobiography: Essays Theoretical and Critical. Princeton: Princeton University Press, 2014 pp.44-45

³⁹ Там же. Стр. 29

⁴⁰ Там же. Стр. 29

влияющие на его жизнь. Конечно случаи, происходившие в жизни и реакция на них, очень влияют на жизнь человека. Всё это, по мнению Гюсдорфа, невозможно описать объективно. При написании автобиографии, писатель использует свой уникальный стиль. Гюсдорф, обсуждая значимость автобиографии, утверждает, что она в первую очередь является свидетелем жизни определённого персонажа и поэтому

«... autobiography should therefore be sought beyond truth and falsity, as these are conceived by simple common sense. It is unquestionably a document about a life and the historian has a perfect right to check out its testimony and verify its accuracy. But it is also work of art and the literary devotee, for his part, will be aware of its stylistic harmony and the beauty of its images.»⁴¹

Французский философ Гюсдорф считает, что литературные и художественные функции автобиографии являются более важными, чем «исторические и объективные функции».

В 1960 году французский литературовед Рой Паскаль в своей книге «Замысел и правда в автобиографии» (англ. «Design and Truth in Autobiography») обсуждал жанровые специфики автобиографических текстов. Паскаль согласен с мнением Гюсдорфа, что автобиография не может быть чисто объективным повествованием, но автор всегда является уполномоченным выбирать факты из своей жизни, распределять акцент на той или иной случай и поэтому необходимо до какой-то степени «правдивое» повествование, то есть согласованность с биографическими фактами жизни.⁴² Рой Паскаль определяет автобиографию как

«... Autobiography is a shaping of the past. It imposes a pattern on a life, constructs out of it a coherent story. It establishes certain stages in an individual life, makes link between them, and defines, implicitly or explicitly, a certain consistency of relationship between the self and the outside world...».⁴³

Джордж Гусдорф считает, что автобиография всегда ограничена местом и временем, так как в ней описывается жизненный опыт и переживания, проявляющиеся в ограниченном месте и времени, в самом центре, которого находится писатель. Вне

⁴¹ Там же. Стр. 43

⁴² Pascal, Roy., Design and Truth in Autobiography, London:Routledge&Kegan Paul,1960,Print. Pp.111

⁴³ Там же. Стр.09

данного ландшафта и времени, в котором находился или находится писатель, автобиографии не может быть. Конечно, самосознание человека может извлекать многое из своей жизни, являющееся достойным автобиографии, и то что он может передать другим. Самосознание писателя является самым важным условием. Этим отличается автобиография от биографии. В биографии писатель описывает жизненный опыт других людей, а не свой собственный. Биография не может проникать внутрь душевного мира человека. Гюсдорф подробно обсуждает цель биографии. В своей статье он отмечает, что в биографиях не описываются интимно-личные аспекты жизни и в этом ее главное отличие от автобиографии. Он также утверждает, что биографии имеют эгоистические мотивы и в них можно найти посмертную пропаганду

*«biography provides only an exterior presentation of great persons, reviewed and corrected by the demands of propaganda and by the general sense of the age».*⁴⁴

Не только автобиография, но и все личные жизненные записки, такие как дневники, мемуары, письмо, все они отличаются по этим принципам от автобиографии. В дневниках и даже в мемуарах можно найти описание последовательности хронологических событий и их неразрывность, но в автобиографии трудно найти эти элементы. Гюсдорф, объясняя эту разницу между автобиографией, дневниками и мемуарами говорит, что

*«The author of a private journal, Noting his impressions and mental states from day to day, fixes the portrait of his daily reality without any concern for continuity. Autobiography, on the other hand, requires a man to take a distance with regard to himself in order to reconstitute himself in the focus of his special unity and identity across time. ».*⁴⁵

Паскаль тоже имеет схожее мнение с Гюсдорфом. Он пишет-

*«The formal difference between diary (personal journals) and autobiography is obvious. The latter is a review of a life from a particular moment in time, while the diary, however reflective it may be move through a series of moments in time.»*⁴⁶

⁴⁴ Olney, James(ed). *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton: Princeton University Press, 2014 pp. 35

⁴⁵ Pascal,Roy.,*Design and Truth in Autobiography*, London: Routledge and Kegan Paul,1960. Pp.3

⁴⁶ Там же. Стр.3-4

Рой Паскаль в своей книге «Замысел и правда в автобиографии» уделяет особое внимание классификации автобиографических писем. По мнению литературоведа, классификация автобиографических писем необходима, потому что автобиография включает в себя «своеобразное отношение со стороны автора» и также «своеобразный способ представления» его жизни.

Критики сошлись во мнении с тем, что не все личные записи, например, дневники, могут называться «автобиографией». Но они не могли игнорировать смешанный характер автобиографии и то как в ее проникают дневники и другие личные записи. Очень часто когда автор собирался написать свою автобиографию, ему помогали его дневники, в которых он ежедневно описывал весь свой жизненный опыт. Однако некоторые критики считают, что вставка отрывков из дневника или писем, написанных и полученных автором вносит «непоследовательность» в повествование автобиографии.⁴⁷

Исследователям трудно объяснить разницу между автобиографией, мемуарами и воспоминаниями. По мнению литературоведа Роя Паскаля, они отличаются друг от друга по «намерению» писателя. Он считает, что

«There is no autobiography that is not in some respect a memoire and no memoire that is without autobiographical information; both are based on personal experience, chronological, and reflective. But there is a general difference in the direction of the author's attention. In the autobiography proper, attention is focused on the self, in the memoir or reminiscence others.»⁴⁸

До конца XX века автобиография определялась как не литературный жанр. Хотя критики, такие как Гюсдорф, Бахтин и Рой Паскаль, признали тот факт, что автобиография является своеобразным элементом искусства и не может быть полностью информативной и документальной. Они также увидели «взаимосвязь между фактом и вымыслом в автобиографии». Как было отмечено ранее, по мнению Бахтина, роман развился из автобиографии.

Французский литературовед Рой Паскаль в своей книге «Замысел и правда в автобиографии» отмечает, что автобиография имеет литературный характер и в ней наблюдается слияние вымышленных элементов вместе с фактами. По его мнению, в

⁴⁷ Там же pp. 3-4

⁴⁸ Там же pp. 4-5

автобиографии писатель не только всё выражает на сознательном уровне, но и также на уровне бессознательной памяти. В его понимании автобиография помогает в реконструкции жизни с помощью литературных приёмов.

В. С. Шпенгеманн в своей книге «Формы автобиографии: эпизоды в истории литературного жанра» (The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre, 1980) обсуждает неуловимый характер жанра автобиографии. Он замечает, что автобиография больше не будет означать «a self-written biography». По его мнению, любая работа, вымышленная или не вымышленная, имеющая тему самостоятельного изображения, должна быть включена в жанр автобиографии.

Одно из самых подробных исследований автобиографического письма сделано американским критиком Элизабет Брюс. Определяя жанр автобиографических текстов в своей книге «Автобиографические законы: меняющаяся ситуация литературного жанра» (Англ: «Autobiographic Acts: the changing situation of a literary genre»), она обращает особое внимание на сложный характер автобиографических повествований и мотивов в них, а также пытается провести четкую грань между автобиографией и художественными произведениями. Она считает, что автобиография должна быть документальной, а писатели должны включать в свою автобиографию документальную истину, поскольку читатели воспринимают каждое слово как истину, а не как вымысел. Вот поэтому Брюс разработала несколько четких правил и для автора и для читателя автобиографии

“Rule 1. a) Author claims individual responsibility for the creation and arrangement of his texts. b) the individual who is exemplified in the organization of text is purported to share the identity of an individual to whom reference is made via the subject matter of the text. C) the existence of this individual independent of the text itself is assumed to be susceptible to appropriate public verification procedures.

Rule 2. Information and events report in connection with the autobiographer or asserted to have been, to be, or to have the potential to be the case. (a) Under existing conventions, a claim is made for the truth-value of what the autobiography reports no matter how difficult that truth value might be to ascertain, whether the treats of private experiences or publicly observable occasions. (b) the audience is expected to accept these reports as true, and free to “check up” on them or attempt to discredit them.

*Rule 3. Whether or not what is reported can be discredited, whether or not it can be formulated in some more generally acceptable way from another point of view, the autobiographer purports to believe in what he asserts.*⁴⁹

Таким образом, Элизабет Брюс утверждает, что автобиография не является художественным жанром. Это значит документальность является самой главной ее чертой, и поэтому читатель может проверить «достоверность» написания. Автор должен придерживаться правды, чтобы он мог легко защитить свою автобиографию, а именно то, что она содержит только факты, а не художественные вымыслы.

Луи А.Ренца в своём сочинении «Вето воображения: теория Автобиографии» (Англ: «The Veto of the Imagination:A Theory of Autobiography») исследует акт мышления и воображения автора при написании автобиографии, в которой автор воспроизводит свое прошлое с помощью памяти. В этом процессе, по мнению Луи А. Ренца, автор не может избежать "эстетической среды". Ренца утверждает, что в процессе написания автор собирает важные и значимые события, опыты из прошлого и в этом процессе

«...he concedes his life to a narrative «design” in tension with its own postulations, the result being an autobiographical text whose references appear to readers within an aesthetic setting, that is, in terms of the narrative’s own “essayistic” disposition rather than in terms of their nontextual truth or falsity»⁵⁰

Итак, Луи А. Ренца утверждает принцип «индивидуалистического предубеждения» автора в автобиографических письмах. По мнению литературоведа, в автобиографических письмах можно проверить текстовую ложность или истину, но будут и не текстовые предубеждения (такие как идеологические предубеждения), которые неизбежны.

Чтение автобиографии как документального текста, в котором главным образом обсуждаются принципы индивидуализма и индивидуалистические предубеждения, помогло сформировать жанр литературной автобиографии и определить лингвистические конвенции в них. Но индивидуалистическое предубеждение также имеет свои ограничения. Кроме того, эта теория индивидуализма была основана на концепции единого «Я» (то есть авторского «Я»), но в последние годы начали

⁴⁹ Bruss, E.W. Autobiographical acts. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003. pp.10-12

⁵⁰ Renza, Louis A. The Veto of the Imagination:A Theory of Autobiography in Autobiography: Essays Theoretical and Critical. James Olney(ed). Princeton: Princeton University Press, 2014. Pp.270-271

обсуждать концепции прерывистого и децентрализованного множественного «Я» в автобиографии.

Критики Деррида и Поль де Ман, можно сказать, провели самый детальный анализ автобиографии. Деконструктивные критики глубоко обсуждали следующие вопросы - понятие «Я», граница между жизнью и текстом, значение имени автора или собственного имени" в его автобиографии, положение автора в тексте, а также поэтику памяти. Многие из перечисленных выше проблем касаются вопросов субъективности и идентичности. Теория Дерриды, предлагает, что границы жанров являются очень пористыми и границы различных жанров очень часто сливаются друг с другом. Деконструктивная критика рассматривает как романтизм, так и автобиографию как определенные по существу через их проблематизацию субъектно-объектного отношения. Самосознание и самоотчуждение становятся в некотором смысле общими характеристиками как романтической литературы, так и автобиографии. Традиционно идентичность писателя и субъекта в его автобиографии рассматривалась как обеспечивающая одну из форм единства субъекта и объекта. В недавней критике, с противоположной точки зрения, автобиографический метод должен воплощать "раскол между субъектом и объектом, мной и другим, первым и третьим лицом". Пол де Манн в своей статье «Автобиография как искажение» (англ. «Autobiography as defacement»)⁵¹ критикует современные теории автобиографии, а также предлагает свои собственные идеи по этому поводу.

В этой статье он пишет, что автобиография не должна рассматриваться как отдельный литературный жанр. Он утверждает, что автобиографию можно рассматривать как элемент, присутствующий в той или иной степени во всех текстах и поэтому практически и теоретически не удастся определить единое статическое определение жанра автобиографии. Причиной этого, по мнению Пола де Мана, является текучесть и изменчивость жанра автобиографии, что представляет трудность при перечислении автобиографических писем, так как они размывают границу жанра и сливаются в себе элементы и другие жанры. Однако он не отрицает жанровый статус автобиографии. Он утверждает, что не только жизнь «порождает» автобиографию, а автобиография тоже «порождает и определяет жизнь». Учитывая аргументы критика, можно сказать, что все, что пишет автор в своей автобиографии, управляется жанровыми и стилистическими требованиями автопортрета. Деконструктивная критика

⁵¹ http://seas3.elte.hu/coursematerial/PeterAgnes/AutobiographyAsDe_facement.pdf Retrieved 10.12.18.

предоставила некоторые полезные инструменты для изучения автобиографии, хотя она имеет сложные понятия субъективности.

Филлип Лежен в своей статье «The Autobiographical Pact» возвращается к вопросу о жанре. Он определяет автобиографию как «пакт» (договор) между автобиографом и читателем, что подтверждается именем автора, который является как «протагонистом», так и рассказчиком своего автобиографии. Он утверждает, что в автобиографии «протагонист» не может быть вымышленным, так как автор сам является «протагонистом», собственное имя автора еще больше укрепляет это соглашение. По мнению Лежена, необходимым является «пакт» между автографом и читателем о существовании собственного имени а остальное всё решает читатель.⁵²

Литературовед Пол Джон Экин в своей статье «Fiction in Autobiography: Ask Mary McCarthy No Questions» пишет, что «правда о себе самом» в автобиографии не является статической, она эволюционирует в процессе «самообнаружения» и «самосоздания». Экин отметил, что в автобиографических письмах автору необходимо использовать вымышленные элементы, поскольку прошлое воссоздается с помощью памяти и в этом случае в автобиографию неизбежно проникают вымышленные элементы. Экин пишет, что

«Adventurous twentieth-century autobiographers have shifted the ground of our thinking about autobiographical truth because they readily accept the proposition that fiction and the fiction-making process are a central constituent of the truth of any life as it is lived and of any art devoted to the presentation of that life. Thus memory ceases to be for them merely a convenient repository in which the past is preserved inviolate, ready for the inspection of retrospect at any future date. They no longer believe that autobiography can offer a faithful and unmediated reconstruction of a historically verifiable past; instead, it expresses the play of the autobiographical act itself, in which the materials of the past are shaped by memory and imagination to serve the needs of present consciousness.»⁵³

Таким образом, Пол де Манн и Филлип Лежен намекали на присутствие «вымышленного» в автобиографии. В частности, Пол Джон Экин глубоко занимался этим принципом и заявил, что в автобиографии необходимо использовать

⁵² Lejune, Phillippe., “The Autobiographical Pact”, in On Autobiography, Paul John Eakin, ed., Katherine Leary, trans. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989.

⁵³ Там же pp.5

«вымышленное». К концу XX века появился термин «автовымысел» (автовымысел – есть даже слово «Автофикшн»(англ. «Autofiction»)). Этот термин был впервые употреблен французским писателем и литературным критиком Сержем Дубровским в его романе «Сын» (франц. «Fils»). Термин «автовымысел» образован из двух самостоятельных терминов «автобиография» и «вымысел», которые, в свою очередь, обозначают противоположные понятия. Подчеркивая «оксюморонический пакт» при создании термина «автовымысел», критик Карен Феррейра Майрс пытался объяснить разницу между автобиографией и автовымыслом. Он заметил, что

«... traditional autobiography tries to describe a character which really existed in the most realistic and effective way possible, autofiction fictionalizes a character which really lived.»⁵⁴

Определение «автовымысел», разработанное литературоведом Карен Феррейра Майрс, близко к жанру «автобиографического романа». Однако, французский литературовед отмечает разницу между «автовымыслом» и «автобиографическим романом»

«The only difference between the two competing models is that, in case of autofiction the staging of the subject's identity is clearly fictional while it remains ambiguous in the case of the autobiographical novel».⁵⁵

В вымышленных произведениях личность автора неизбежно проявляется, так как через них он передает своё понимание, своё восприятие действительности. Но в отличие от «автовымысла», в автобиографическом романе писатель, надевая литературную маску, изображает свои жизненные реалии и опыт. Это авторское «Я» очень важно в творчестве любого писателя. Если в эпоху романтизма писатели выражали свою душу, свои сомнения и мысли через описание главного героя (не только в романтических произведениях, но и в произведениях других направлений тоже), то в XX веке писатели открыто начали излагать свое мнение от первого лица в биографических/автобиографических произведениях.

⁵⁴ Meyers, Ferreira Karen., "Autobiography and Autofiction: No Need to Fight for a Place in the Limelight, There is Space Enough for Both these Concepts", in Writing the Self: Essays on Autobiography and Autofiction, Kerstin W. Shands, Giulia Grillo Mikrut, Dipti R. Pattanaik, Karen Ferreira-Meyers (ed.) Sodertorns Hogskola. 2015. Print. Pp 205.

⁵⁵ Там же. Стр. 19

В современной русской литературе принцип автобиографизма является очень популярным. В автобиографических произведениях отражаются события, которые сам пережил автор, его собственные воспоминания и личные впечатления. Большое значение имеет также встречи с близкими ему людьми и его личная переписка.

В современном литературоведении появилось множество новых понятий и терминов в сфере критики автобиографических писем. В книге «Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives» Сидони Смит Джулия Уотсон перечисляет пятьдесят жанров автобиографических писем.

Классификация видов автобиографических писем является очень сложной и проблематичной. Вышеупомянутые мнения и разные теории автобиографии показывают, что основные проблемы жанра автобиографии, с которыми до сих пор сталкиваются исследователи - это соотношение документальности и художественности, автор и его позиция при повествовании о своей жизни, роль реальных и вымышленных литературных средств при описании жизненного опыта автора. Автобиография является трудной темой для классификации и, следовательно, формулирования критической позиции. Находясь между художественной и документальной литературой, историей и субъективностью, жизнеописание включает в себя изменяющееся и сложное взаимодействие между индивидом и культурой. В современном литературоведении критики до сих пор спорят о том, как определить жанр автобиографии. Автобиография или автобиографические письма, как мы уже обсуждали являются по существу настолько разнообразными и межжанровыми, что исследователям трудно определить их границы.

Можно сказать, что различные термины, такие как «автобиографические письма», «автобиографическая проза» и «автобиография» в некоторой степени являются синонимами. Поэтому в нашем исследовании они используются как взаимозаменяемые термины.

В этой главе мы обсуждали развитие жанра автобиографии. В нашем исследовании мы рассмотрели различные жанровые специфики, установленные выдающимися учеными, такими как Гюсдорф, Олиний и другие. Однако, эти выдающиеся теории кажутся не применимыми к автобиографическим письмам женщин, так как мужчины-теоретики очень часто не уделяли им должного внимания. Жанровые размышления этих критиков основываются на понятии «Я», которое в свою очередь является европацентричным и индивидуалистическим. В отличие от мужчин-теоретиков, женщины-теоретики, такие как Шери Бенсток, Эстель Елинек, Шейла

Роуботэм и Элейн Шоуолтер подтверждают отдельную поэтику в изучении автобиографических писем женщин, которая является не андроцентрической или фаллоцентрической, а гиноцентрической. В следующей части этой главы мы подробно будем обсуждать феминистских теоретиков и их размышления об автобиографических письмах женщин.

2.2 Автобиография и феминистская критика

Все эти критики начали изучать автобиографию как самостоятельный определённый жанр и убедительно доказали разницу между автобиографическими письмами и историей. Но большинство критиков согласились с мнением Миша, что в автобиографии должна изображаться «представительская жизнь автора». Согласно данному мнению, не все автобиографические письма включаются в канон автобиографии, а лишь жизненные письма «важных» людей общества. Это люди, которые играли активную и значительную роль в формировании сознания общества. Всякое размышление об определении жанра автобиографии было основано на автобиографических письмах мужчин-писателей, при этом женские автобиографические письма полностью игнорировались в традиционном литературоведении. Поскольку автобиография всегда была связана с публичным показом, в частности празднованием личных достижений, она долгое время считалась неприемлемой формой для женщин. Женщины всегда были определены в основном как частные граждане без общественной роли. В своей статье «Условия и ограничения автобиографии» Жорж Гюсдорф утверждает, что автобиография встречается только «в определенных типах культуры с сильным чувством индивидуализма». По мнению критика, автор автобиографии должен быть-

*«a great person, worthy of men's remembrance even though in fact he is only a more or less obscure intellectual....(and) the autobiographer strains toward a complete and coherent expression of his entire destiny».*⁵⁶

Эти два наставления - сделать что-то «великое» и пересказать с чувством судьбы - дисквалифицировали многих писателей-женщин из формального принятия канона автобиографии. Конечно женщины не могли соответствовать этим критериям,

⁵⁶ Gusdorf, George. "Conditions and Limits of Autobiography" in *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. James Olney(ed). Princeton: Princeton University Press, 2014. Pp.28-49

потому что они обычно не занимали значительного места в обществе, их жизненный опыт обычно были ограничен домашней сферой. Личный опыт повседневной жизни не считался важным. Таким образом, автобиографические письма женщин были проигнорированы. В 1940 году Вирджиния Вулф замечает в письме к своей подруге, композитору Этель Смит, что «I was thinking the other night that there's never been a women's autobiography, nothing to compare with Rousseau.»⁵⁷ Вулф просила женщин писать автобиографии, так как по её мнению через автобиографии женщины смогли бы начать свою историческую традицию и также они смогли бы внести свой вклад в общую историю. Хотя женщины активно описывали свой жизненный опыт, их письма были проигнорированы и поэтому они остались невидимыми в каноне жанра автобиографии.

Вот поэтому многие феминистки-критики считают, что основной задачей исследователей является восстановление автобиографических писем женщин. Французская феминистка Элен Сиксу считает, что в «основной литературе» трудно найти женские письма, поэтому она предлагает найти невидимую область женского письма «в другом месте»⁵⁸. Современные феминистки-критики автобиографии изо всех сил пытались найти и записать это «другое место». Элен Сиксу ввела понятие «женское письмо», которое позволяет раскрыть женскую идентичность. Женщины обретают себя в своих письмах. По мнению критика «женщина должна вложить себя в текст -как в сущий мир и в человеческую историю - совершив самостоятельное движение»⁵⁹ Вот так феминистки предлагали восстановить автобиографическое письмо и написать больше новых.

Книга Джеймса Олина «Autobiography: Essays Theoretical and Critical» считается одной из основных работ в области автобиографических исследований. В эту книгу Джеймс Олин включил шестнадцать сочинений разных критиков, написанных мужчинами и большинство из них давно были опубликованы во Франции и Англии, и только одно сочинение написанное женщиной (The Other Voice: Autobiographies of Women Writers by Mary G. Mansot). Феминистки отреагировали на эту дискриминацию

⁵⁷ Virginia Woolf to Ethel Smyth, 24 December 1940, in The Letters of Virginia Woolf, ed. Nigel Nicolson and Joanne Trautmann, 6 vols. London: Hogarth, 1975–80)

⁵⁸ http://homepage.westmont.edu/hoeckley/Readings/Symposium/PDF/201_300/219 29.05.2018

⁵⁹ Там же.

в отношении женских автобиографических писем. Домна Стантон в своей книге «The Female Autograph» пишет

«The subject... – Female autobiographies, memories, letters and diaries- represents one of those cases of maddening neglect that have motivated feminist scholarships since 1970. This body of writing about the self has remained invisible, systematically ignored in the studies on autobiography that have proliferated in the past fifteen years.»⁶⁰

Почти все жизненные письма, которые считаются «ориентирами» в доминирующей традиционной критике автобиографии, такие как «Исповедь» Святого Августина, «Исповеди» Руссо, «Жизнь» Челлина, «Журнал» Фокса, «Автобиография» Франклина, «Истина и Поэзия» Гете, «Автобиография» Милля и другие, написаны авторами-мужчинами.

Автобиография, её жанровые специфики и гендерные вопросы, настолько тесно переплетены, что когда обсуждаются жанровые особенности автобиографии неизбежно обсуждаются и гендерные вопросы. Более того, в последнее десятилетие автобиография все чаще рассматривается как форма, которая является очень восприимчивой для женщин-авторов и актуальной для феминистских критиков. Феминистские чтения часто опираются на широкий диапазон различных дисциплин и теоретических рамок. Критики указывают на тот факт, что недавнее увеличение числа и видов автобиографических писем женщин-авторов, в свою очередь требует нового подхода к их изучению, так как автобиографические письма женщин-авторов тематически, структурно-стилистически бросают вызов теории автобиографии. В течение последних двух десятилетий с развитием теоретических тенденций, таких как постструктурализм и новый историзм, наблюдалось ослабление строгих дисциплинарных границ. В итоге автобиографические письма стали включаться в различные сферы знания, такие как культурология, историография, женские и гендерные исследования.

До второй половины XX века женская автобиография сталкивалась с проблемами определения и общего принятия в каноне, в котором доминировали размышления мужчин-теоретиков. Во второй половине XX века развивался интерес феминистических критиков к жизненным записям женщин. В 70-е годы феминистические критики, такие как Аннет Колодны, Дебора Розенфельт и Нина Бейм

⁶⁰ Stanton, Domna C. The Female Autograph. Univ. Of Chicago Press, 1995, p. vii.

начали глубоко изучать как в доминирующей традиции литературоведения игнорировались автобиографические письма женщин. Вообще не только автобиографические письма, а всякие письма женщин. Эти критики занимались британской и американской традицией автобиографизма и писали, что уже существующий канон автобиографии и традиционные подходы к изучению автобиографических писем не могут быть приняты по отношению к автобиографическим письмам женщин. Эти письма не могут быть включены в канон традиционной автобиографии, так все уже существующие размышления основаны на автобиографических письмах мужчин-авторов и письма женщин имеют своеобразные характеристики.

Сидони Смит и Джулия Уотсон критикуют несправедливое отношение мужчин-критиков к жизненным письмам. Смит и Уотсон в своей книге «Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narrative» приводят встречный аргумент к размышлению Миша о субъекте(subject) автобиографии, при котором основной характеристикой автобиографии считается «качество жизни автора» и какую роль он играл в обществе. Смит и Уотсон аргументируют, что традиционный канон автобиографии включает в себя только автобиографические письма людей, которые имели «представительскую жизнь» и поэтому этот канон является «a canon of representative life writings» (по-рус. «поэтому это канон является «каноном представительских жизнеописаний»). В этой канонизации меньшее значение было отведено другим видам жизненных повествований, которые не включались в этот канон, так как они не выполнили все критерии, установленные в критике автобиографии, чтобы квалифицироваться как «истинная автобиография». Смит и Уотсон отмечают

«What is at stake when a life is described as «representative»? Whose lives can be considered representative of a culture or a historical moment? Who determines which lives are representative? Where Life narratives of the past are concerned, should Misch's notion be definitive? As cultural critics have argued for well over decade? Such labelling of what is – or is not- representative is part of the cultural project of “naming, controlling, remembering, understanding” (Jardine, 118-19) that sustains the patriarchal, and imperial, power to produce “knowledge’ about the world.»⁶¹

⁶¹ Smith, Sidonie. Watson, Julia. Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives, London: University of Minnesota Press.2001. print. Pp.116

Смит и Уотсон категорично отказались принять мысль, что только «великие» люди писали автобиографии, а другие нет, но

«... their access was certainly constrained. Many people from diverse cultural locations, produced, wrote, and told their stories to confessors, amanuenses, and editors before the twentieth century. ... text produced, some quite popular and influential in their own times, did not acquire the status of “representative autobiographies”; these life narratives were not seen as formative of “civilization” and thus not celebrated as the appropriate subject of study.»⁶²

В то время, когда Вирджиния Вульф просила женщин писать свои автобиографии, чтобы документировать свою историю, она, конечно, намекала на дискриминацию, которую переживали письма женщин в традиционной литературной критике. С развитием феминистического движения, в середине XX века, развивалась и феминистическая критика, при которой критики-феминисты не только изучали изображение женщин в традиционной литературе и их место в литературоведении, а также начали архивирование писем женщин. Они пытались восстановить тексты, которые были потеряны. Феминисты-критики Лилиан Робинсон и Элейн Шоултер внесли значительный вклад в разработку этой феминистской критики. Они подчеркнули важность новой литературной практики для чтения и анализа писем женщин, которая отличалась от уже существующих подходов в доминирующем литературоведении. Феминистическая критика Элейна Шоултера является четко сформулированной феминистской литературной теорией. Шоултер предложила отдельную и независимую модель феминистской литературной теории и отвергала неизбежность мужских моделей и теорий на основе литературной традиции женщин. Она проповедала свою теорию «гинокритики», при которой женщины не только являются читателями, но и писателями своих писем.

Феминистские критики рассматривают тексты мужчин сквозь призму пола. Главным образом, они анализируют образы и стереотипы женщин в письмах мужчин. В традиционной феминистской критике письма женщин не были в центре внимания. Напротив, в гинокритике особое внимание уделяли авторам-женщинам, тому как они пишут, какие у них методы написания, и чем их письма отличаются от писем мужчин. В гинокритике «женщины становятся производителям текстового смысла, своей

⁶² Там же. Рр. 116

истории, темы и жанра». В этом смысле женская модель письма не зависит от мужских ценностей и норм, зафиксированные в традиционном литературоведении. В феминистской фазе «Гинокритики» больше всего обсуждается положение и важность письменности женщин в литературной истории. Феминистские критики не только отвергали теорию «представительской жизни» автобиографа, но также и пост-просветительскую политику «индивидуализма» автора.

Если в традиционной критике автобиографических писем центральное место занимала пост-просветительская политика/теория «индивидуализма», «идентичности» и «самовыражения» (эстетика романтизма) автора, то гинокритики стремились к тематической, формальной и эпистемологической согласованности во всех автобиографических письмах женщин. Феминистские критики утверждали, что теория индивидуализма неприменима к автобиографическим письмам женщин, так как теория «индивидуализма», не включает в себя письма женщин и ограничивает их как производитель своих текстов.⁶³ Признавая ограничения, ощущаемые женщинами-авторами, Сьюзен Стэнфорд Фридман пишет, что приходится расширять границы жанра автобиографии. Она отмечает, что

«The emphasis on individualism as the necessary precondition for autobiography is thus a reflection of privilege, one that excludes from the canons of autobiography those writers who have been denied by history the illusion of individualism.»⁶⁴

Таким образом, феминистские критики утверждают, что «индивидуализм» и «представительская жизнь» были привилегией для мужчин. Исторически эти привилегии были отказаны женщинам. Учитывая эти причины и гендерные аспекты автобиографических писем современные феминистские критики, такие как Эстель Еллинек, Шари Бенсток, Фелисити Нуссбаум, Домна С. Стентон, Патриция Мейер Спакс и др. утверждают, что традиционные теории автобиографии не могут использоваться при изучении автобиографических писем женщин. Эти теоретики признают необходимость отдельной поэтики, чтобы оценить автобиографические письма женщин. Эти письма женщин, как и их жизнь, управляются их гендером и

⁶³ Friedman, Susan S. "Women's Autobiographical Selves: Theory and Practice" in Smith, Sidonie, and Julia Watson (ed.). *Women, Autobiography, Theory: A Reader*. Madison: University of Wisconsin Press, 1998. Pp. 75

⁶⁴ Там же

поэтому приходится изучать тексты женщин принимая также во внимание гендерные аспекты.

Так американский литературовед и гинокритик Элейн Шоуолтер предложила альтернативный канон, который ориентирован на женщину. Шоуолтер признавала широко распространенное значение гендера/пола в литературоведении. По её мнению, в гинокритике гендерно-нейтрального голоса не может быть. Гинокритики ценят и уделяют особое внимание опыту и интересам женщин, а также стремятся изменить положение женщин с объекта в литературном процессе на один из субъектов. Шоуолтер в статье «Toward a Feminist Poetics» пишет, что

«The program of gynocritics is to construct a female framework for the analysis of women's literature, to develop new models based on the study of female experiences, rather than to adapt male models and theories. Gynocritics begins at the point where we free ourselves from the linear absolutes of male literary history, stop trying to fit women between the lines of male tradition, and focus instead on the newly visible world of female culture.»⁶⁵

Таким образом, гинокритика сознательно избегает неизбежности мужских моделей и теорий и ищет чисто женскую модель.

Письма авторов-мужчин в традиционном литературном дискурсе считаются значимыми и более каноничными, а письма авторов-женщин часто считают «особыми» или «неуниверсальными». Причиной этой смещения, по мнению критика Шоуолтера, является то, что при исследовании текстов авторов-женщин в традиционном литературном дискурсе большое внимание уделяли биологическим критериям (женственности), а не профессиональным достоинствам женщин. Вот поэтому современные феминистские критики разрабатывают отдельную поэтику, чтобы оценить письма авторов-женщин. Среди них теория Элейна Шоуолтера широко принята и поддержана другими феминистскими критиками. Шоуолтер показала, что автобиографические письма женщин отличаются от писем авторов-мужчин биологическими, лингвистическими, психоаналитическими и культурными критериями.

Многие критики спорят о том, что тело является важным источником «образов» (imagery) при написании текстов. Американский литературовед Алисия Острикер в

⁶⁵ «Toward a Feminist Poetics» in Showalter E. (ed.) The New Feminist Criticism, New York: Pantheon Books, 1985, pp. 131

своей статье «Язык тела: образ тела в женской поэзии»⁶⁶ пишет, что американские поэты-женщины используют более анатомические образы, чем поэты-мужчины.

Критик Нэнси К. Миллер не согласна с этим аргументом и утверждает, что особенности женских писем не в «биографических образах письменности, а просто в написании»⁶⁷. Другие радикальные феминистки считают, что при исследовании писем женщин невозможно помещать тело в центр, но в то же самое время они не отрицают важную роль, которую эти изображения играют в письме. Хотя изучение биологических образов необходимо, но важно понимать, что другие и факторы помимо анатомии играют важную роль. При рассмотрении женских писем, понятие тела играет значительную роль, но оно не находится изолировано от других языковых, социальных и литературных элементов.

Многие феминистские теоретики/гинокритики также пытались обсуждать языковые особенности женских писем, например, такие как: используют ли женщины языковые средства в своих письмах по-разному, какую роль играют половые различия в использовании языковых средств и можно ли исследовать их по принципам социологии и культурологии? Гинокритики уделяют особое внимание языковым средствам авторов-женщин. Мэри Якобус предлагает, чтобы авторы-женщины разрушали традиционные языковые средства и «писали, что не может быть написано». Во второй половине XX века выросло число исследований, посвященных тому, как по-разному используются языковые средства авторами-женщинами и мужчинами. В качестве примера можно назвать теоретиков Андрея Най (1981г.) и Робина Лакоффа (1989 г.), которые провели эмпирические исследования о том, какую роль играет пол при использовании языковых средств. Они считают, что женщины делают мало грамматических ошибок в сравнении с мужчинами, и они чаще используют слова выражающие эмоции, например, такие словосочетания как «могло бы быть», которое по существу указывает на неопределённость и нерешительность. Эти исследования дали большой толчок в исследовании автобиографических писем женщин. Языковые особенности писем женщин рассказывают об идентичности и месте автора в обществе (к какому слою общества принадлежит автор-женщин, какая её окружающая среда и т.д.).

⁶⁶ Ostriker, Alicia. "Body Language: Imagery of the Body in Women's Poetry" in Michaels, Leonard and Ricks, Christopher. *The State of the Language*, University of California Press, California. 1980. Pp. 247-264

⁶⁷ Miller, Nancy K. *The Poetics of Gender*, New York: Columbia UP, 1986.

Теория психоанализа тоже помогает при исследовании автобиографических писем женщин. Повествование, в смысле пересказа историй и стремления к повествованию, является важным измерением обеих этих сфер знания. При этом принципы «образы» и «память», которые выделяются на фоне прошлого, также являются общими для обеих сфер. В автобиографии и психоанализе неизбежно реконструируется жизнь, анализируются рассказанные события, в итоге создаются осмысленные рамки и телеология. Хотя эти две практики значительно расходятся во многих других отношениях, ряд автобиографических теорий основан на психоанализе. Нэнси Ходорова в своем исследовании «Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола» отвергает традиционные психоаналитические теории Фрейда. Психоаналитическая теория детского развития Фрейда является одной из самых популярных теорий. Фрейд обсуждал понятие «дифференциации» при развитии «эго» и сознание «гендера» в детстве. Процесс дифференциации «эго» происходит по отношению к матери, так как она является первым «объектом», который находится очень близко к ребёнку. Сознание гендера у ребёнка проявляется в отношении к матери во время «процесса дифференциации». Однако, сознание гендера по разному реализуется мальчиком и девочкой. Мальчик узнает свою гендерную идентичность в противоположность гендера матери, девочка узнает свою гендерную идентичность по отношению к матери. Нэнси Ходоров пишет о том, что если отец будет играть традиционную роль матери, то есть будет воспитателем ребёнка, то ребёнок узнает свою гендерную идентичность по другому.⁶⁸ Эти теории гинокритиков, разработанные на основе психоаналитических теорий, помогают нам изучать тексты авторов-женщин, принадлежащих к разным культурам. Психоаналитические теории помогают нам при исследовании автобиографических писем женщин. Эта теория критика Нэнси Ходорова позволяет переосмыслить динамику отношений между матерью и дочерью при исследовании автобиографических писем женщин.

Следующим критерием, по которому можно определить автобиографические письма женщин – это культурно-социальное положение. Культура играет важную роль в жизни любого человека, в его понимании «биологических образов», языковых средств и психике народа. Сознание гендерной идентичности также очень зависит от культуры. Культурные теории позволяют найти различия, которые существуют между

68 Смт. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and Sociology of Gender. Berkeley: U of California P, 1978.

авторами-женщинами. Различия в классовой принадлежности, расе, национальности являются важными детерминантами в письмах женщин. Письма женщин в основном отличаются от писем мужчин по этим критериям.

Как мы уже обсуждали в предыдущей части этой главы, автобиография как определённый литературный жанр привлекала большой интерес исследователей и критиков больше всего в XX веке. Разные критики по-разному пытались определить жанровые специфики автобиографии. Первая волна критиков изучала взаимодействие между историографией и автобиографией, а также проповедовала такое мнение, что автобиография является значительным источником истории и обогащает её. Одним из ведущих критиков автобиографии был немецкий историк Вильгельм Дильтей. Он считал, что автобиографией является «наивысшая и самая поучительная форма понимания жизни».⁶⁹ Эти размышления В. Дильтея дальше были развиты его учеником Джорджем Мишем. В своей двухтомной книге «A History of Autobiography in Antiquity», Миш исследовал развитие исторического процесса и как развитие индивидуальной личности среди значительных людей доисторического мира стимулировало историческое сознание. По мнению Миша, объект автобиографии определяется откровением полного содержания жизни человека, рассматриваемого как «характеристическое целое». Размышляя о субъекте автобиографии, Миш утверждает, что субъект, то есть автор автобиографии, имеет «представительскую жизнь» и :

*«Among the special relationships in life it is chiefly the self-assertion of the political will and the relation of the author to his work and to the public that show themselves to be normative in the history of autobiography. ... Though essentially representations of individual personalities, autobiographies are bound always to be representative of their period, within a range that will vary with the intensity of the authors' participation in contemporary life and with the sphere in which they moved».*⁷⁰

Миш попытался связать разнообразие автобиографического письма с историей человеческого разума и представить его в исторической перспективе. Наивысшее выражение личности в отношении к истории своего времени, Миш нашёл в исповедях

⁶⁹ Dilthey, W. The formation of the Historical World in the Human Science. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 1985

⁷⁰ Misch, Georg. A History of Autobiography in Antiquity Part-1, London: Routledge, 2002. Print. 12, 14.

Августина и других религиозных признаниях.⁷¹ Согласно размышлений историков Дильтея и его ученика Миша, автобиографические письма являются фактическим документом о жизни автора и содержат в себе историю того времени. Но оба они изучали только жизненные записи, больше всего исповеди значительных людей, которые были признаны в обществе. На основе размышлений Дильтея и Миша развивался дискурс о жанровых спецификах автобиографии до 1980х годов. Критики больше всего интересовались определением автобиографических писем и очень часто автобиографические письма считались дополнительным предметом к хорошо зарекомендовавшим себя жанрам, таким как история, антропология и т.д. Поскольку автобиографические письма рассматривались как дополнительная часть истории, рассуждение об определении жанра всегда основывалось на «правде» и «лжи». Французские литературоведы Рой Паскаль в своей книге «Замысел и правда в автобиографии» (Англ. «Design and Truth in Autobiography») и Джорж Гюсдорф в своей статье «Условия и пределы автобиографии» (Англ. «Conditions and limits of autobiography») первыми написали о том, что автобиография не может быть чисто документальной, так как в процессе описания жизненного опыта субъективность автора играет важную роль. Эти критики были первыми кто размышлял о роли «самосознания» автора в автобиографии.

И так если ранние критики уделяли основное внимание историческо-фактической информации в автобиографических текстах, то во второй половине XX века они начали обсуждать вопрос об «идентичности» автора и «форме» автобиографии. Французский литературовед Филлип Лежен обсуждает роль читателя и утверждает, что между читателем и автором существует «договор идентичности». Этот договор утвержден личным именем автора. Это, по его мнению, называется «автобиографическим пактом». В 1985 году Пол Екин в своей книге «Фантастика в автобиографии: исследования в области самообучения» (англ. «Fiction in Autobiography: Studies in the Art of Self Invention») глубоко изучает процесс, при котором жизненный опыт передается в автобиографии и какую роль играет «самосознание» автора в этом процессе.

Феминистские критики попытались переосмыслить, и в то же самое время дестабилизировать доминирующие традиционные теории автобиографических писем, в центре внимания которых находились работы мужчин, а письма женщин-писателей

⁷¹ Там же.

были проигнорированы. В феминистской фазе гинокритики основное внимание уделяли тому, как женщины пишут свои тексты, то есть в центре их внимания находились женщины как «производители» своего текста. Феминистские критики уделяют большее внимание письмам мужчин. Чтобы исследовать письма женщин их разнообразность и специфику, необходимо восстановление их прошлого и повторное открытие множества женщин-писателей. Особенно американские феминистические критики обратили особое внимание на те жанры, которые считались достойными эстетической валоризации, то есть жизненные записи, дневники, мемуары и т.д. Первая задача перед феминистками-критиками заключалась в сборе письменных работ женщин. Вот поэтому в первой части следующей главе мы пытаемся дать целостный обзор традиции автобиографических писем женщин в России и как она развивалась со временем, а вторая часть посвящена исследованию автобиографии современной русской писательницы Л. Петрушевской.

Глава 3

Автобиографизм и биографические практики русских женщин-писателей

3.1. Ранняя история и современность

К концу XX века, автобиографические тексты были глубоко изучены феминистскими критиками. В западном литературоведении критики уже изобрели отдельную автобиографическую традицию, которая резко отличается от автодокументальных текстов «писателей-мужчин» или как ее называет Элен Сиксу «mainstream literature». В западном литературоведении феминистская литературная критика рассматривает с разных сторон женские письма, делая акцент на пол и восприятие автора, взаимодействие между полом и стилем написания. В отличие от западного литературоведения, в русском литературоведении феминистские критики не пытались находить отдельные литературные традиции в письмах писателей-женщин.

Как мы уже обсуждали во второй главе, основой в западной феминистской литературной критике является «феминистский пересмотр» традиционного мышления, практики и теории письма, чтобы в итоге установить социальную и собственную/отдельную литературную историю женской письменности. Особенно автобиографические письма женщин привлекали большой интерес критиков, в которых они находили отличительные черты. В русском литературоведении женские письма вызывают особое внимание и оживлённые дискуссии.

В русском литературоведении существуют две группы критиков: одна группа полностью отрицает отдельную литературную традицию женских писем, а другая ее безоговорочно признаёт.⁷² В отличие от западной феминистской литературной критики, в русском литературоведении одним из спорных вопросов является разделение литературы по полу авторов. Вторая группа литературоведов, признающих отдельную женскую литературную традицию, рассматривает эту традицию не полностью независимо от мужской литературы, которая считается им собственно литературой (mainstream literature). На самом деле, в русской словесности мужчины-авторы начали обсуждать и изображать женские образы, их восприятия, чувства и т.д.

⁷² Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) *Women Writers In Russian Literature*. Praeger, 1994.

В своей книге «Terrible Perfection: Women and Russian Literature (русс. «Ужасное совершенство: женщины и русская литература») Барбара Хельдт пишет, что

*«There is no lack of general pronouncement about how women act or feel or think in Russian literature: these, however, have been overwhelmingly made by men. The unflattering have been more than amply “balanced” by the flattering.»*⁷³

Барбара не полностью отвергает мужской взгляд на проблему женщин и изображение женских образов, но все-таки она находит, что изображения женщин в большей мере являются нелестными. Фактически женщины не считаются равными мужчинам: либо они «павшие женщины», либо они настолько возвышены самоунижением мужчин, что очень часто не являются простыми женщинами. По мнению критика Барбары Хельдт, этот феномен «героини» был очень «лестным» и очень идеализированное, но не является истинным изображением русских женщин. Выражая свое недовольство, Хельдт пишет

*«For the male writers who dominate the tradition of fiction (including the novel, the novella or Povest’ as it is called in Russian, and the short story), women is a kind of paradigm or shorthand. There is no novel of gradual female development, of rebirth or transformation as we find in Austen or Eliot; while some male characters learn and grow through intellect or experience, the changes in women are mysterious givens of nature, of womanhood. The heroine of male fiction serve a purpose that ultimately has little to do with women: these women are lavishly in a discourse of male definition.»*⁷⁴

Многие ученые поддерживают мнение Барбары Хельдт. Например, Тоби Климан имеет сходные с ней взгляды, по его мнению идеализация женщин в русской литературе была одной из основных причин отсутствия женщин в русской литературе.⁷⁵ Не то чтобы в русской словесности не было «женщин-писателей», пытающихся подорвать доминирующие стандарты литературы, установленные мужчинами в своих письмах, но они не успевали так же как мужчины доминировать в

⁷³ Heldt, Barbara, *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. Pp. 2

⁷⁴ Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987.pp. 2

⁷⁵ Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) *Women Writers In Russian Literature*. Praeger, 1994.

русской литературной критике. Русская литературная критика контролировалась мужчинами, то есть большинство критиков и издателей были мужчинами.

Критики и издатели высоко оценивали феномен «героини» в русской литературе, он был установлен как модель женственности. Конечно в такой патриархальной среде «женщинам-писателям» было очень сложно представить альтернативную картину женской реальности. В своем исследовании «Ужасное совершенство: женщины и русская литература» Барбара Хельдт утверждает, что «There is no “women’s movement” in Russian writing, no group of writers with the common goal of producing texts that exemplify women’s experience or view of self».⁷⁶ Барбара Хельдт пришла к такому заключению, потому что в русской литературе писательницы находились под влиянием писателей-мужчин.

В западной литературе, особенно в английской и французской литературе, писатели-женщины отвергали стандарты литературных произведений, когда их не включали в так называемую «основную литературу» (mainstream literature). До XIX века русская женская письменность обычно игнорировалась критиками. Но при развитии литературного течения реализма критики начали уделять внимание женской письменности. Работы женщин сильно критиковались, потому что в них не обсуждались социальные проблемы.⁷⁷ Писатели-женщины не отвергали установленные принципы «основной литературы», поскольку женская письменность всегда взаимодействовала с мужскою, составляющей доминирующую часть основной литературы. Адель Мариный Баркер и Джехани М. Гхит в своей книге «A History of Women’s writing in Russia» пишут, что женская письменность не имеет своих литературных традиций, а заимствует многое из «основной литературы», то есть мужской письменности. Объясняя взаимосвязь и взаимодействие между женской и мужской письменностями Адель Мариный Баркер и Джехани М. Гхит пишут, что

«From the second third of the nineteenth century and perhaps even earlier, women writers were influential and widely read. Their writings interacted with those penned by men at every level; men and women read each other’s drafts, their published works, reviewed each other’s works in the literary journals of the day, and were

⁷⁶ Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987.

⁷⁷ Kelly, Catriona. “Sappho, Corinna, and Niobe: genres and personae in Russian women’s writing, 1760–1820” in *A History of Women’s Writing in Russia*, Cambridge University Press, 2004. Pp.75-76

influenced by each other's literary productions. In the twentieth century Russia's women writers have likewise been powerfully engaged with the male tradition. »⁷⁸

Однако разные критики по-разному понимают это взаимодействие между женскими и мужскими письмами. В своей статье «Sappho, Corinna, and Niobe: genres and personae in Russian women's writing, 1760–1820» Катриона Келли пишет, что писатели-женщины не могли опубликовать свои работы самостоятельно, опубликование их работы зависело от мужских писателей и критиков. Катриона Келли пишет, что

« they (women writers) depended on the goodwill of the male writers who edited journals, if they did not have the resources to publish themselves. Almost every book published by a woman writer opened with an apology for the writer's modest talents.»⁷⁹

Барбара Хельдт также подчеркнула взаимодействие между женскими и мужскими письмами. Она отдает должное феминистским чувствам русских мужчин-писателей, которые редко встречаются у европейских писателей.

«All the most memorable heroines of Russian Literature appear in works by men. Equally strange is the fact that the most famous feminist novels in Russian literature have been written by men. Further, the remarkable heroines of Russian literature appear, not in feminist novels, but rather in works generally conservative on political issues pertaining to women. Thus, the shapers of the tradition of prose fiction in Russia have always been men. This is certainly not the case in France, England or Japan: Russia has no Mme. De Stael, Jane Austen, George Eliot, Emily or Charlotte Bronte, Hayashi Fumiko, or Murasaki Shikibu. It does have some George Sands, women writers popular in their day who took up such themes as social oppression and inequality. But male voices spoke with greater consistency and volume on these issues.»⁸⁰

⁷⁸ Barker, M. Adele, Gieth, M. Jeanne, A History of Women's Writing in Russia, Cambridge University Press, 2004, pp.2-3

⁷⁹ Kelly, Catriona. "Sappho, Corinna, and Niobe: genres and personae in Russian women's writing, 1760–1820" in A History of Women's Writing in Russia, Cambridge University Press, 2004. Pp.75-76

⁸⁰ Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) Women Writers In Russian Literature. Praeger, 1994.

В русской литературе мужская традиция была настолько сильной, что женщинам-писателям приходилось следить за нормами установленными мужчинами. Несмотря на преемственность этих двух традиций (женского и мужского письма), женские произведения были в значительной степени утрачены, а когда их начали восстанавливать, то редко изучали по сравнению с произведениями мужских авторов. Женские письма редко изучались и анализировались по полу или повествовательному стилю. Именно потому, что русские женщины-писательницы были частью так называемой «основной литературной традиции». На самом деле «утрата» женских писем в истории русской литературы оставляет радикально незавершенной картину русской литературы в процессе ее развития. В своей статье «Women's Poetry Since the Sixties» Стефани Сандлер пишет, что

«Women poets' primary allegiance is not to other poets, and none of them makes genuine and complete sense outside the context of their male contemporaries and precursors. But contemporary women poets require separate attention because surveys still do not integrate them into the history of Russian culture»⁸¹

Как мы видим, в русской литературе мужская и женская традиции не полностью независимы друг от друга. В русском литературоведении никогда не пытались рассматривать литературные традиции по признаку пола. Хотя существует повсеместное присутствие мужской традиции в женском письме, писатели-женщины имели собственные модели авторитетного женского голоса в своих письмах. Существует повсеместное присутствие мужской традиции в женском письме, но некоторые критики попытались изучать отклонение женщин-писательниц от основной литературы. Так критик Стефани Сандлер считала, что женщины-поэты нуждаются в отдельном внимании, так как их произведения до сих пор не вошли в историю русской культуры. Многие другие критики также чувствовали необходимость в отдельной традиции изучения женской письменности, в которой наблюдается её полный авторитет и она полностью независима от мужской традиции. Критики пытались найти места, где женщины-писатели стремились к установлению своего авторитета. По этому поводу Кэтрин Ходжсон пишет:

⁸¹ Sandler, Stephanie. "Women's Poetry Since the Sixties." A History of Russian Women's Writing. Cambridge, Eng. Cambridge University Press, 2004. pp. 265

«In their search for models of the authoritative female voice, some looked back to folklore, where genres such as the lament were traditionally women's exclusive preserve. There is, however, little evidence that they wanted to be part of a separate, female canon. Stylistically and thematically many women poets allied themselves with the dominant cultural heritage, in which women were spoken of, but rarely spoke themselves. Yet while male predecessors and contemporaries were acknowledged as mentors and sources of inspiration, women also began to acknowledge their female contemporaries and to be aware of and respond to one another's work. The tradition of women's poetry that began to emerge is the creation of a loose association of women who were influenced by each other's writing and responded critically to what other women wrote, without feeling the need to separate themselves from the Russian literary tradition as a whole.»⁸²

Здесь Кэтрин Ходжсон обсуждает литературную деятельность русских женщин XX века. Она считает, что женщины-писатели следовали нормам основной литературной традиции и в отличие от западных женщин-писателей не почувствовали необходимости в отдельной литературной традиции.

Однако, Барбара Хельдт вела монументальную работу над описанием русской женщины. В поисках женских литературных традиций она возвращалась к фольклору и пыталась найти другие жанры, в которых женщины писали самостоятельно и авторитетно, то есть независимо от идеальных норм основной литературы.

Она считает, что женщины выбрали поэзию и автобиографическое/конфессиональное письмо, поскольку они были свободны от всяких зафиксированных норм мужской традиции. По её мнению, в художественной литературе женщины-писатели не могли полностью оспаривать нормы основной литературы, но в автодокументальных письмах им не надо было никаких зафиксированных правил. Многие критики, такие как Тони Климан, Катриона Келли и Розалинд Марш тоже согласны с мнением Барбары Хельдт, что автобиографический модус повествования освободил женщин от высоко оцененных норм основной литературы, описания реальной жизни и проблем русских женщин.⁸³

⁸² Hodgson, Katherine, "Women and Gender in Post-Symbolist Poetry in Stalin Era", A History of Russian Women's Writing. Cambridge, Eng. Cambridge University Press, 2004.pp. 208

⁸³ Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) Women Writers In Russian Literature. Praeger, 1994.

Как мы видим, что в отличие от западной феминистской критики, где большое внимание уделяется тому, что в основной литературе женский образ и женственность низко оценены, в русской литературе настаивают на превосходстве женщин. Барбара Хельдт называет это превосходное изображение женских образов в русской литературе как «ужасное совершенство». Как говорит Хельдт: « they (women) could not or would not match the artificially high standards(for women)»⁸⁴ Это была одна из причин того, что автобиографический модус повествования и поэзия стали предпочтительными модусами написания. Барбара Хельдт пишет

*«The poetic and the autobiographical writings of Russian women bypass the need for perfection within a fictive world: they proceed directly to the world of reality or to a world composed of words arranged with the precise perfection of craft. Direct, unmediated by narrative other than self-narrative, immediate, and self-defining, the lyric and the autobiography freed women writers to say something which proceeded from the female self and which elaborated its own self-creativity, the perfection of verbal art in the service of that self.»*⁸⁵

Таким образом, можно сказать, что хотя в русской литературной традиции женщины-писатели и находились под влиянием норм основной литературы, установленных мужчинами-писателями, тем не менее, женщины-писатели не имели влиятельного авторитета. Автобиографические письма и поэзия были теми формами письма, в которых они смогли заслужить полный авторитет и создали большое наследие. Можно сказать, что исторически автобиография и поэзия представляют собой отдельную женскую литературную традицию в русской литературе. Конечно существует и современная феминистская литературная критика, в которой критики исследуют и уже успешно устанавливают женскую традицию в художественной литературе. Это, в сущности, просто то, что написано женщинами-писателями. Но идёт ещё и острый дискурс по этой терминологии, то есть о женской литературе. Во второй части данной главы мы сконцентрируемся на диахронном изучении традиции автобиографических писем женщин-писателей.

⁸⁴ Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. pp. 5

⁸⁵ Там же стр.9

3.2 Автобиографическое начало в письменности русских женщин-авторов

3.2.1 Предыстория

Уже в XI веке женщины имели значительный статус в российском обществе. Есть четкие доказательства того, что в Средневековой России женщины были грамотными и почти все они принадлежали к привилегированному классу. Анна Ярославна, дочь Киевского правителя Ярослава Мудрого, была замужем за Генрихом I. Она была не только грамотной и написала много документов, у нее даже была своя библиотека. После свадьбы она привезла свою библиотеку во Францию. В своей исследовательской работе «Женщины древней Руси» Н.Л. Пускарева подробно обсуждает наследие Анны Ярославны.

«Более доказательно предположение о том, что киевская княжна привезла во Францию свою библиотеку. От нее в настоящее время сохранилась лишь часть единственной книги, известной среди историков и языковедов как Реймское евангелие. Анализ лингвистических особенностей евангелия привел к заключению: рукописный памятник создан на Руси в первой половине XI в. На Реймском евангелии короли Франции приносили присягу при вступлении на престол. Существует предание, что Реймское славянское евангелие показывали Петру I в знак того, что память об «Анне Русской» живет по-прежнему во Франции»⁸⁶

Предслава, сестра Ярослава Мудрого, тоже было грамотной. Исследователи нашли много ее писем, написанных своему брату.⁸⁷ Уже в XI веке была основана первая школа в монастыре для девочек дочерью Всеволода Первого (1078-1093 гг.). Пускарева перечисляет других женщин привилегированного класса, которые были грамотными и занимались литературной деятельностью. Имея в виду тот факт, что письменный язык развивался только во второй половине X века, доступ женщин к литературной деятельности, даже если только из привилегированного класса в XI веке Средневековой России, очень впечатляет критиков. В образовании не было гендерного

⁸⁶ Пускарева, Н.Л. Женщины древней руси, Москва «Мысль», 1989. pp.68

⁸⁷ Там же.

предубеждения. Дети привилегированного класса имели доступ к образованию. По этому поводу Пушкарева пишет, что

«Обучение княжеских детей, в том числе девочек, происходило главным образом в домашних условиях. И тем не менее уровень их образованности был достаточно высоким для средневековья. Княжон учили так же, как и княжичей: не только грамоте, но и математике, азам философии, «врачебной хитрости», календарной астрономии, «риторики», «глаголению инемними языками». Обучение иногда велось по «елиньским книгам», т. е. на греческом языке, и начиналось с раннего возраста. Об этом свидетельствует, например, изображение дочери киевского великого князя Святослава Ярославича с пергаментным списком в руках на одной из миниатюр в Изборнике Святослава 1073 г. Подтверждают раннее обучение княжеских детей грамоте и жития, например Евфросиньи суздальской.»⁸⁸

Тем не менее, почти нет вклада женщин в литературную деятельность с XIII-XVII веков средневековой России. По мнению Маргарет Зиолковски, причиной отсутствия женщин в литературе является слияние религиозных, социальных и политических факторов. Зиолковски в своей статье «Women in Old Russia» пишет, что

«The apparent absence of women from the Russian medieval literary scene resulted from a confluence of religious, social and political factors. Most importantly, this absence of women is linked to a pervasive deterioration in their position in Russian society from the period before the invasion of the Tartars in the 13th century to the heyday of Moscovy in the sixteenth and seventeenth centuries. ...

... Women were increasingly excluded from public life. They were also object of intense and growing suspicion by the Orthodox Church, which encouraged patriarchal regimentation of their domestic existence. Ecclesiastical hostility was such that even women who entered convents did not enjoy the same respect as did their western sisters.»⁸⁹

⁸⁸ Там же стр.17

⁸⁹ Ziolkovsky, Margaret, "Women in Old Russia", in Women Writers in Russian Literature, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp 2.

В средневековой России церкви играли самую главную роль в социально-политических сферах. Мужчины и женщины должны были следовать определенному кодексу поведения, установленному русской православной церковью в повседневной деятельности и также в монастырях, где монахи и монахини должны были соблюдать установленные правила поведения. Поскольку у самого важного учреждения общества, то есть церкви, были гендерные предубеждения, то конечно они должны были повлиять на культурное развитие общества. В средневековой литературе России значительное место занимают жития святых. Это были исследовательские документы монахов и святых, в которых они описывали свою жизнь и то как они боролись против всяких вызовов жизни в процессе своего духовного развития. Эти тексты были высоко оценены среди простых людей. Однако, эти жития имели чисто христианские мотивы. Это был один из самых канонизированных жанров, так как целью жития святых было нравоучение простых людей. Люди должны были следовать примерам святых и подражать им.⁹⁰ Нет никаких сомнений в том, что были и женщины-святые, они были грамотными тоже, но едва ли можно найти их письменные документы. Причиной отсутствия жития женщин-святых объясняется тем, что женщины-святые не были «избраны Богом». Они не считались людьми «высокого жития».⁹¹ Маргарет Зиолковская пишет, что

«The marginalization of women by medieval Russian literary culture extended not only to authorship, but also to subject matter. The official state culture was vehemently religious in its orientation. This extreme religiosity meant that there were no romances or love lyric available in translation. Russian scribes who scorned the classical heritage of Byzantium because it had been produced by pagans limited themselves mostly to the dissemination of biblical and patristic works and edifying parables.»⁹²

По этим всем вышеперечисленным причинам женщины почти отсутствуют в средневековой русской литературе как авторы. Несмотря на восторженное начало в XI

⁹⁰ Демин, А.С. Древнерусская литература, Издательства Московского университета, Москва, 2000. Pp. 40-45

⁹¹ Thomas, Marie A. "Muscovite Convents in the Seventeenth Century". Russian History, vol. 10, no. 2, 1983, pp. 230–242. JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/stable/24652662.

⁹² Ziolkovsky, Margaret, "Women in Old Russia", in Women Writers in Russian Literature, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp 2-3

веке, женщины были поставлены на пьедестал общества в средневековой России. В средневековой литературе огромное влияние оказали пословицы/притчи Соломона, в которых только два типа женщин: добрая и злая. В одной из самых популярных работ средневековой литературы «Повесть временных лет» Святого Нестора развивалась тема «доброй и злой» женщины. Изображение женщин в средневековой литературе было очень регрессивным. По словам Маргарет Зиолковской

«-the wantonness, deceptive charm, foolishness, and unreliability of the evil woman and the piety, industriousness, charity, and wisdom of the good woman- reflect the duality that often characterized both ancient and medieval perceptions of the female sex. Such motifs are reiterated countless times in medieval Russian chronicles, homiletic works, and didactic compositions of various kinds. The most notorious example of a didactic work is sixteenth century prescriptive manual, the “Domostroi” (Household management), a joyless guide to domestic existence that outlines the recommended behaviour for women and insists on the complete subordination of wife to husband.»⁹³

После крещения Руси были приняты новые моральные правила, которые повлияли благоприятно на женщин и резко изменили их положение в обществе. Но в то же время православная церковь поощряла патриархальное регулирование повседневной жизни. Женщины, которые входили в монастыри, сталкивались с дискриминацией, потому что они не пользовались таким же уважением, как мужчины.

С принятием монотеизма и установлением доминирующей роли мужчины, женщина в семье стала восприниматься в какой-то степени как низшее существо. Предполагалось, что муж должен заботиться о своей жене, о ее нравственности и «спасении души».⁹⁴ В своей книге «Государство и церковь Древней Руси X-XIII веков» Я. Шапов размышляет о взаимодействии между государством и церковью. Дидактическая работа «Домострой», которая было составлена в конце XV – начале XVI вв. и новая редакция, которой было собрана попом Сильвестром, произвела большое влияние на общество. Так как поп Сильвестр был советником и воспитателем русского царя Ивана Васильевича, известного как «Иван Грозный». Современные критики резко критикуют эту дидактическую работу и считают, что это она способствовала укреплению

⁹³ Там же.

⁹⁴ Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997

патриархальных ценностей в обществе.⁹⁵ По мнению феминистской критики Дарьи Менделеевой

«Домострой» открывает для нас своеобразный, уже немного странный и непривычный круг представлений своей эпохи – времени строжайшего патриархата, когда обязанности женщины замыкались исключительно в пределах дома. Времени, когда жизнь была настолько сурова, что каждый шаг принято было оценивать, взвешивать и просчитывать заранее. Приданое для дочери здесь начинали собирать с момента её рождения, а в случае смерти девочки это же имущество шло для раздачи «за упокой». Ветхая «поплаченная» одежда старательно сохранялась для раздачи «сироткам» (это не только разумно, но и богоугодно), а безрассудным поступком для приглашённого на пир считалось даже брать без разбору первый кусок с каждого предложенного блюда, ибо нетронутое после пира могли убрать на ледник и назавтра предложить бедным.»⁹⁶

Изображение женщин в средневековой русской литературе стало все более христианизированным. Мы видим, что средневековые русские женщины после крещения потеряли свой голос в доминирующей культуре, которая управляется церковью. Христианская мораль постепенно проникала в фольклорную традицию, которая до крещения Руси было до какой-то степени демократичной. Женщины пользовались значительным влиянием во многих сферах жизни, но после прихода православной церкви на Руси начался длительный процесс эрозии имиджа и полномочий женщин.⁹⁷ Наталия Кононеко своей статье «Women as Performers of Oral Literature: A re-examination of Epic and Lament» пишет, что в дохристианскую эпоху славяне были первоначально матриархальными и патриархальное сознание развивалось после крещения Руси. Она отмечает, что

«... pre-Christian Slavs were not only matriarchal, but they also practiced goddess worship. Traces of goddess beliefs among the Slavic peoples are numerous: from

⁹⁵ Ziolkovsky, Margaret, "Women in Old Russia", in Women Writers in Russian Literature, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp 2-3

⁹⁶ <http://www.matrony.ru/domostroj-nekniga-poleznyx-sovetov/20/11/2017/19:54>

⁹⁷ Ziolkovsky, Margaret, "Women in Old Russia", in Women Writers in Russian Literature, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp 3-4

archaeological evidence to attestations of female supernaturals in nineteenth – and twentieth century folk belief. »⁹⁸

Церковная пропаганда питала женоненавистнические взгляды в обществе. Учитывая тот факт, что женщины были грамотными уже в XI веке, нельзя сказать, что женщины вообще не писали в этот период. Но, очевидно, что из-за регрессивного социально-политического обстоятельства их письма были неучтенными и проигнорированными.

В этот период, то есть с X – по XVII вв., мужчины-авторы написали много автодокументальных текстов, которые называются «жития». Женщины могли бы также быть частью этой автобиографической традиции, если бы им разрешали участвовать в литературном процессе. Таким образом, женщины были исключены из первой волны автобиографической традиции в русской письменности.

К концу XVII- началу XVIII вв. наблюдались радикальные изменения, происходившие в российском обществе и в литературной культуре из-за социально-политических экономических реформ, проводимых Петром I. В семнадцатом веке старомодные стереотипы женщин постепенно начали уступать место новой радикально иной литературной героине. В ранней современной русской литературе, женщины заново изображались, и мужчины-авторы до какой-то степени отказывались от стереотипного изображения русских женщины. Авторы –мужчины, в свою очередь, создали несколько сильных женских литературных прототипов и пытались подчеркнуть традиционные фольклорные элементы наряду с церковным образом женщин. Итогом этого нового развития в русской письменности, несмотря на своё оскорбление в средневековой литературе, женщины медленно научились функционировать в рамках новых параметров христианства и вместе с тем пытались найти своё место и голос в обществе. Вестернизация русской культуры, которая была результатом великой реформы Петра I, в конечном итоге помогла русским женщинам найти светское пространство в обществе.

Можно сказать, что «феминизм»⁹⁹ в России начался уже в XVIII веке из-за ослабления ограничений в отношении образования и личной свободы женщин.

⁹⁸ Kononeko, Natalie, "Women as Performers of Oral Literature : A Re-examination of Epic and Lament" in Women Writers in Russian Literature, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp.27

Женщины находились под влиянием западного Просвещения и как женщины во время Французской революции стали символами свободы и демократии. Некоторые аристократические женщины даже поднялись до очень сильных позиций, как Екатерина Великая, другие вошли в сферу литературы и стали авторами и поэтами.

В течение всего семнадцатого века появилось несколько важных женских литературных образов, которые отражают современную и реалистичную форму выражения и жанра в истории русской литературы. Слова предупреждения Мономаха, наконец, оказались анахроничными и излишними. Ранняя русская литература выражала мятеж против семейного рабства женщин и требовала их эмансипации. Многие из ранних русских писателей, таких как Фонвизин, Радищев, Карамзин, Пушкин, Гоголь и Гончаров, хорошо знали о положении женщин дома и в обществе. Эти авторы уделяли особое внимание проблемам женщин. Женщины как «субъект» заняли достойную позицию в ранней русской литературе, которая со временем дала им достойное место в русском обществе.

Нет никаких сомнений в том, что русское общество развивалось в ритмической взаимосвязи с художественной литературой. В классицистической эстетике, которая доминировала до конца восемнадцатого века, женщины как «субъект» в литературных произведениях до сих пор не занимали достойного места. М.В. Ломоносов, который является одним из самых влиятельных экспонентов классической эстетики, разбирал иерархию языка и жанра в своей работе «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». В классической эстетике торжественные оды (песни в честь русских героев и воинов) считались предпочтительным жанром, то есть высоким жанром, а песни о любви - низким. Женщины были связаны с низким жанром, то есть поэзией, песнями о любви и т.д. В низком жанре не пользовались высоким стилем языка, использовали разговорные и повседневные слова простых людей.¹⁰⁰ Строгие нормы классицизма не были демократическими и исключали женщин из литературного процесса в социальном пространстве. Классицисты резко критиковали присутствие женщин в обществе. Елизавета Хераскова пыталась вступить в

⁹⁹ Конечно в то время это не было признано, но это термин обозначает тот процесс, при котором русское общество стало более светским и демократичным.

¹⁰⁰ Vowels, Judith. "The "Feminization" of Russian Literature: Women, Language, and Literature in Eighteenth Century Russia" in *Women Writers in Russian Literature*, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp. 36-37

литературный процесс, её поддерживал муж поэт Михаил Херасков, но они оба подверглись резкой критике классицистов

«Despite the seriousness and piety of Elizaveta Kheraskova, Kheraskov's wife, the original "intelligent Russian women" and a minor poet in her own right, the writer Vasilii Maikov, a member of Kheraskov's circle and a friend of Novikov, attacked her as " a dandified young lady. If she writes her husband won't have good cabbage soup: he writes, she writes, so who is going to cook the soup?»¹⁰¹

К концу XVIII-го века и с возникновением сентиментализма, классицистическая эстетика подвергалась сомнению по своему иерархическому характеру. Была создана эстетика сентиментализма, которая расширила горизонт для всех людей общества. Это было проигнорировано в классицизме. В результате чего в литературных произведениях начали говорить о крепостных и женских вопросах.

При развитии сентиментализма в литературной сфере стало наблюдаться много положительного в русском обществе. Сентименталисты с большим уважением относились к женственности. Стиль письма, язык, жанры, которые считались «низкими» и женскими, находились в центре внимания в сентименталистской эстетике. Критики единогласно сошлись во мнении с тем, что «феминизация» русского общества началась при сентиментализме. Один из самых влиятельных экспонентов сентиментализма Николай Михайлович Карамзин -пропагандировал идею, что только женщины должны быть читателями и авторами художественных работ.¹⁰² Как отмечает Джудит Воулз

«Karamzin's careful cultivation of what he termed a "tender style" in prose was directed at this ideal reader, the woman whose naturally refined feminine taste he sought to please and whose language he sought to emulate.»¹⁰³

К концу XVIII века женщины более активно начали участвовать в культурной деятельности. Особенно светский характер литературы стимулировал интерес женщин к чтению. Учебные заведения, книжные магазины, издательства и публичные библиотеки начали появляться даже в провинциальных городах. В 1780-х годах

¹⁰¹ Там же стр. 38

¹⁰² Там же. Стр. 38-39.

¹⁰³ Там же. Стр. 39.

Екатерина II начала создавать школы, которые повышали образовательные возможности девочек. Таким образом, в XVIII веке произошли громадные изменения в русском обществе, которые помогли расширить участие женщин в литературе, а также в других сферах общественной жизни.

3.2.2 Женские тексты и начало автобиографической традиции

Нет сомнений в том, что эгалитарный аспект литературы создал возможность более широкой доступности материалов для чтения. Женщины 18-го века сами писали во все большем количестве, но их работы принимались, как произведения низкого качества. Световая фантастика, доступная любому грамотному человеку с «чувствительным сердцем»,¹⁰⁴ стала преобладающим литературным жанром сентиментализма и была особенно популярна среди молодых женщин, которых исключили из классического образования. Несмотря на улучшенное изображение женщин в литературе и их статус в обществе, женщинам пришлось бороться за своё место в основной литературе в качестве писателей художественных произведений. Сентименталисты Н.М. Карамзин и П. И. Макаров надеялись, что русские женщины (особенно из дворянства) смогут сыграть значительную роль в развитии русской культуры, также как французские женщины во Франции. П. Макаров верил в то, что женщины поднимут русскую культуру до тех высот, к которым французские женщины привели французскую цивилизацию. Не все сентименталисты согласились с мнением П. Макарова. Некоторые из них рассматривали это как «распространение чумы, называемой женщинами-писателями»¹⁰⁵, которое было отмечено только во Франции в то время. Многие критики, издатели, писатели, такие как К.Н. Батюшков и А.Шишков, тоже резко критиковали женщин-писателей, так как они представляли их только как читателей (потребителей) литературы, но не как писателей - «производителей» литературы.¹⁰⁶

Критик Джудит Вовулс в своей статье «The “Feminization” of Russian Literature: Women, Language, and Literature in Eighteenth Century Russia» пишет о том, что нет

¹⁰⁴ Качеткова, Н.Д. Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма. http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/17_tom_XVIII/Kochetkova/Kochetkova.pdf.

¹⁰⁵ Vowels, Judith. “The “Feminization” of Russian Literature: Women, Language, and Literature in Eighteenth Century Russia” in *Women Writers in Russian Literature*, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp 39

¹⁰⁶ Там же. Pp 39-40

записей того, как женщины-писатели реагировали на женоненавистнический подход мужчин-критиков к их произведениям. Но многие критики, такие как Барбара Хельдт, Тоби Климан и Ирина Савкина полагают, что поскольку женщин-писателей подвергали жесткой критике и отклоняли их прозу из-за того, что они не соответствовали зафиксированным стандартам, установленными мужчинами, то они начали писать конфессиональные и автодокументальные тексты и достигли в этом «ужасного совершенства»¹⁰⁷.

Критик Джудит Воулес согласна с мнением Барбары Хельдт и отмечает, что женщины-писатели так сильно находились под давлением, чтобы следовать женским идеалам, которые воображали сентименталисты, что они пытались держаться подальше от прозаической фантастики и приняли конфессиональное письмо, то есть поэзию и автодокументальные тексты. Конфессиональные жанры, то есть записки, мемуары, дневники, были доступны женщинам-писателям, и здесь они имели свободу писать, так как эти автодокументальные жанры не были строго обусловлены, не было никаких норм. Женщины писали если не для публикации, то лично для себя.¹⁰⁸

От сентиментализма к реализму женщины как «субъект» в художественных произведениях были идеализированы до такой степени, что на самом деле ни одна обычная женщина не соответствовала литературному изображению женщин, ни одна женщина не могла напрямую относиться к литературным «героиням». Эти литературные героини были эпическим примером мужского вуайеризма.¹⁰⁹ Когда мы говорим о русских женщинах, особенно в XIX веке, мы не можем представить себе их за пределами памятных литературных героинь русских романов, написанных литературными гигантами, такими как Толстой, Достоевский и Тургенев. Без сомнения русская литература играла ключевую роль в формировании идеальной женственности

¹⁰⁷ Критик Барбара Хельдт утверждает, что женщины- писатели не преуспели в прозаическом жанре, так как мужчины-писатели доминировали и создали нормы, которые не разрешали женщинам свободно писать. Смотрите Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. Pp. 1-9

¹⁰⁸ Свидетельствует об этом тот факт, что существует огромное количество работ, которые были опубликованы посмертно. Смотрите статью Мэри Зирина « "A particle of our soul": prerevolutionary autobiography by Russian women writer»

¹⁰⁹ Мужской вуайеризм здесь обозначает то, что как мужчины понимали женщин, их поведение и как они должны вести себя в обществе.

в России. Литературные героини стали моделями женственности, и обычные женщины должны были быть до какой-то степени похожими на них. Как пишет Барбара Хельдт

*«Russian put their hope in the glory of Russian womanhood-in-fiction...
...Conservative or radical, religious or secular: these appellations matter little when
question of women's future are subordinated to social goals in a society where men
rule and men interpret.»¹¹⁰*

Женщины имели ограниченный доступ к другим местам в обществе за пределами своего дома. Даже если их пускали в литературные салоны, критики всегда сомневались в их компетентности как авторов художественных произведений.¹¹¹ Грамотные женщины XVIII века пытались описать свои собственные истории, свое мировоззрение, свое собственное изображение реальности, которое, конечно, строго отличалось от изображений реальности мужских писателей. Многие критики считают, что именно по этим причинам в основной литературе редко признавали женские письма. Джудит Вовлус утверждает, что не все женщины смогли отказаться от установленных норм основной литературы и писали, следуя нормам традиционной литературы, а те, кто не следовал этим нормам, не публиковались. В своей статье ««Феминизация» русской литературы: женщины, язык и литература в России XVIII века» Джудит Вовлус пишет, что-

*«... desperate views can be seen at the end of the century(XVIII) when the
“feminization” of Russian culture encouraged many women to take up the pen, but
provoked others to reject an ideal that seemingly offered authority and prestige.»¹¹²*

Барбара Хельдт и Джудит Вовулс резко критикуют сентименталистов и реалистов за того, что они не разрешали женщинам придумать свою судьбу в русской словесности, а наоборот создали высокие стандарты¹¹³, которые помогли в улучшении

¹¹⁰ Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. pp. 15, 23

¹¹¹ Vowels, Judith. “The “Feminization” of Russian Literature: Women, Language, and Literature in Eighteenth Century Russia” in *Women Writers in Russian Literature*, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp 40-41

¹¹² Там же. Стр. 40

¹¹³ Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. pp. 1-9 и Vowels, Judith. “The “Feminization” of Russian Literature: Women,

статуса женщин в обществе, но в то же время ограничили их стереотипами. Говоря о гендерных предубеждениях в издательской сфере Джудит Вовулс в своей статье «The inexperienced muse: Russian women and poetry in the first half of the nineteenth century» пишет, что

«Both men and women circulated their writings in manuscript or gave readings at such gatherings .Literary correspondence, albums, handmade books, and domestic journals and magazines were all common. In general it is difficult to gauge the extent and workings of that manuscript tradition; moreover, women’s manuscript writings were less commonly published subsequently. Sometimes only a few poems of a larger body of work are all that found their way into print.9When women began to publish work, they did so more slowly than men. The gentlemen’s disdain for commercial publishing was felt even more keenly by ladies as a violation of propriety. A white hand stained with ink and a frowsy woman who neglected her dress was common images for a woman who published. Even more forbidding was criticism likening a woman writer to an adventuress, an immoral creature.»¹¹⁴

Нет сомнения в том, что участие женщин в общественном пространстве возросло к концу 18 века и это стимулировало их рассказывать историю своими словами. Поскольку в литературе не было записей реальных женщин, они почувствовали необходимость писать о своей борьбе, об их жизни и создании своего собственного наследия. Но также нет сомнений в том, что русская литература XVIII и XIX вв. была настолько богатой и великой, что в литературной критике мало внимания уделялось автобиографическим письмам и критики тоже не воспринимали их всерьёз. Однако конфессиональные жанры, такие как «жития святых», были одними из самых популярных способов письма в X веке, но количество автобиографических писем (в современном смысле) росло большими темпами главным образом в XVIII веке. Автодокументальные жанры, то есть записки, мемуары, дневники и т.д., становились более предпочтительными жанрами среди женщин-писателей XVIII века. По мнению Ирины Савниной

Language, and Literature in Eighteenth Century Russia” ” in Women Writers in Russian Literature, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp 37-55

¹¹⁴ Vowles, Judith, “The inexperienced muse: Russian women and poetry in the first half of the nineteenth century” in A History of Women’s Writing in Russia, Cambridge University Press, 2004. Pp.65

«В XVIII веке записки и прочие автодокументальные жанры лежат вне канонизированной системы классицизма. Эта маргинальность делает их более свободным от сковывающего корсета нормативных предписаний и потому зачастую именно в них происходит инновативные процессы... Может быть, то, что эти жанры являются «непрестижными» делает их привлекательными для женщин.»¹¹⁵

История автобиографического письма женщин начинается с истории написания женщин. До XIX века женщины высшего класса, которые имели образование, пытались писать. Первое поколение русских женщин-писателей, очевидно, принадлежало к дворянским женщинам, которые первыми получили образование и умели читать и писать. В царской России, особенно в XIX веке, автобиографический модус повествования стал очень популярным среди русских женщин-писателей. Они писали множество автодокументальных текстов. В русской литературной критике эти тексты редко обсуждались. Однако, в русской историографии и культурологии, автодокументальные тексты всегда считались исследователям важным источником и глубоко изучались, как источники истории прошлого России.¹¹⁶ История автобиографической литературы часто делится критиками на два периода: дореволюционная автодокументальная литература и пост-революционная автодокументальная литература. Дореволюционную автодокументальную литературу можно поделить на две группы: до отечественной войны 1812 года и после этой войны. Также можно поделить пост-революционную автодокументальную литературу до и после второй мировой войны. Исторические события играют важную роль в развитии жанра автобиографии, так как они всегда взаимодействуют друг с другом.

¹¹⁵ Савина, Ирина. ""Пишу себя": Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. [Description: Die Dissertation von Irina Savkina über ego-dokumentarische Frauentexte in der russischen Literatur der 1. Hälfte des 19. Jahrhundert]". (URL: <http://web.archive.org/web/20041213080905/http://acta.uta.fi/pdf/951-44-5059-0.pdf>, last accessed: 11-09-2015)

¹¹⁶ В своей статье «Отечественные мемуары второй половины XVIII-XIX в. как исторический источник» И. О. Владимировна и Н. А. Владимирович делают вывод о том, что мемуары важные детали для исследователей, которые помогают создать более полный портрет Павла I и его эпохи.

А.Г. Тартаковский тоже рассматривал мемуары как исторические источники в своих исследовательских работах «1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения», «Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века», «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века.»

3.2.3 История ранних автодокументальных писем русских женщин XVIII- XIX веков

Исследования критиков, таких как Барабара Хельдт, Тоби Климан и Мари Зирин показывают, что в предреволюционном периоде женщины-писатели преуспели в жанре автодокументальных писем, чем мужчины-писатели. Кроме того, в России автобиографические письма не были написаны с целью опубликования, женщины писали в основном их для самих себя. Джейн Маркус в своей статье «Invincible Mediocrity: The Private Selves of Public Women» пишет

«Memoirs made no great claim to higher artistic achievement; consequently women could write in the genre without threatening male hegemony or offering claims to competition.»¹¹⁷

В XIX веке автобиографические письма игнорировались. Их не воспринимали всерьёз и они редко вызывали интерес издателей. На основе исследований А. Г. Тартаковского и Тоби Климан, Джудит Вовулс в своей исследовательской работе «Russia through women's eyes» рассматривает причины того почему «опубликовать» своё «Я» публично, как сделал Руссо и другие писатели Ренессанса, было трудно для русских писателей. Это считалось непрестижным актом самовосхваления. Мужчины-писатели не могли позволить себе такого, а женщинам-писателям письма считались не особо значимыми. Тоби Климан и Джудит Вовулс пишут, что

«For men or women to put themselves before the public eye in this fashion (Like Rousseau's Confessions) was considered unacceptably egoistical, a sign of self-love and self-glorification. This prohibition acted upon men and women alike, as late as 1869, a male auto biographer found it necessary to apologise for publicizing his reminiscences in his lifetime and for breaking the custom of reading one's memoirs only to friends and family.»¹¹⁸

Русские автобиографии по существу были частными по своей природе. Они не были написаны для публикации. Они были в основном для самих писателей, для

¹¹⁷ Jane, Marcus. "Invincible Mediocrity: The Private Selves of Public Women" in the Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings, ed. Shari Benstock. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987. Pp.120

¹¹⁸ Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) Women Writers In Russian Literature. Praeger, 1994. PP.

удовольствия воскрешать прошлое в старости, для назидания своим детям и внукам, с целью записи семейной истории для своих потомков. Автобиографии в основном существовали как рукописи, они не предназначались для копирования или распространения и сохранения только среди семейных хроник. Ранние автобиографы редко воображали, что их работы будут опубликованы для читателей. Очень часто автобиографические письма были ограничены семьями авторов. В отличие от автобиографической литературы запада, которая уже в восемнадцатом веке была популярным жанром среди издательств, писателей и читателей, русская автобиография не была установлена как определённый самостоятельный жанр.

В Европе, особенно во Франции и Англии, уже в восемнадцатом веке было много читателей автобиографического письма, которых ещё не было в России.¹¹⁹ Следовательно, по этим причинам трудно найти много опубликованных автобиографий русских женщин. Тем не менее, самыми популярными автобиографиями русских женщин являются «Записки» (1767 г.) княгини Натальи Борисовны Долгорукой, «Мемуары» (1771-1791 гг.) императрицы Екатерины II и «Мемуары» (1804-1805 гг.) княгини Екатерины Дашковой.

Наталья Долгорукая

«Своеручные записки» княгини Натальи Борисовны Долгоруковой (Долгорукой) являются первыми опубликованными автобиографическими письмами в истории автобиографической литературы русских женщин. Она написала свой записки в 1767 году во время своего проживания в монастыре в конце своей жизни. «Своеручные записки» княгини изначально не были предназначены для опубликования, они были ее частными записками. Долгое время записки Натальи Долгорукой принадлежали Екатерине Дмитриевне Долгорукой, потом она поднесла их Великому князю Сергею Александровичу, который хранил рукописи в библиотеке в Ильинском. Сергей Александрович потом вручил их княгине Елизавете Федоровне.

Рукописи «своеручные записки» были опубликованы только после её смерти через 43 года в 1810 году её внуком Иваном Михайловичем Долгоруким. Он включил записки Долгорукой полностью в свои мемуары «Повесть о рождении моём,

¹¹⁹ Marker, Gary. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia 1700-1800. Princeton University Press. New Jersey, 1985

происхождении и всей жизни» и опубликовал их как «своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой» в журнале «Друг юношества».¹²⁰

«Своеручные записки»¹²¹ Долгорукой рассматривались критиками как бесхитрый отчет о крайне неудачной судьбе женщины, главной чертой характера которой было её безоговорочная преданность мужу. Её муж Иван Долгорукий был одним из любимцев Петра III, после смерти которого он был отправлен в ссылку в Сибирь Императрицей Анной. Наталья Долгорукая в своих записках описывает свою неудачную жизнь: как она сопровождала своего мужа в ссылку и с какими трудностями они столкнулись там. Во второй части «записки» Долгорукова описывает свою жизнь в монастыре.

Наталья Долгорукова принадлежала к первому поколению дворянских женщин, которых освободили из «терема»¹²² при петровских реформах. К второй половине XIX века «Своеручные записки Натальи Долгорукой» стали очень популярными среди читателей. Записки очень повлияли на жен декабристов, которые тоже сопровождали своих мужей в ссылку в Сибирь как и Наталья Долгорукая. Как отмечает Тоби Климан

«After 1825 in particular, Dolgarukova became identified with the “Decembrist women”, the wives and sisters of the Decembrists, ...Like Dolgarukova , the Decembrist women were honoured for voluntarily following their menfolk into exile and a life of hardship. A number of these women left reminiscences of their lives in exile that echo Dolgarukova’s Notes written a century before that aspire to the same ethos of selflessness and service to others.»¹²³

Екатерина II

Автодокументальные тексты императрицы Екатерины II являются одними из самых известных записок XVIII века. Эти записки были опубликованы только после её

¹²⁰ Kahn, A. Lipovetsky, M. Reyfman, I. Sandler, S. A History of Russian Literature, Oxford University Press, 2018. Pp. 6-10

¹²¹ Последняя версия опубликована как «Своёручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой: дочери Г. Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметьева.

¹²² Допетровских реформ русские дворянские женщины жили в закрытых помещениях. Это отдельное жилище называлось Терем. Для истории «Терем» в России, смт. Kollmann, Nancy Shields. “The Seclusion of Elite Muscovite Women” Russian History, vol. 10, no. 2, 1983, pp. 170–187. JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/stable/24652658.

¹²³ Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) Women Writers In Russian Literature. Praeger, 1994. PP.

смерти. Она начала писать их после восхождения на престол после дворцового переворота, в результате которого был свергнут император Петр III. В записках она описывает свои чувства и эмоции, которые она испытывает в ходе событий, происходящих в её политической и повседневной жизни.

Она была немецкой княгиней. Дочь прусского князя Ангальта Цербастского. Она родилась как София Августа Фредерика Ангальт Цербасеского в 1729 году в немецком городе Штеттин в Пруссии (нынешней Польше). В 1744 году, когда она путешествовала по России, она обратилась в христианство и взяла новое имя – Екатерина Алексеевна. В 1745 году она вышла замуж за русского князя Петра III и стала известна как Екатерина Великая. Но её брак с Петром III не увенчался успехом. Её муж Петр III считался недостойным, неумелым императором России. Екатерина II в 1762 году успешно взошла на трон в результате дворцового переворота. Екатерина II провела много реформ в России. Она финансировала и поддержала перевод иностранных классиков, в том числе произведения таких древних авторов, как Гомер и Цицерон, а также произведения недавних писателей Вольтера, Юма, Филдинга и Свифта. Она не только приказала построить новый оперный театр в неоклассическом стиле, но также написала и опубликовала свою первую работу «Наказ», которая была результатом её активного интереса к закону и социальной реформе. Однако, критики подвергли резкой критике её первую работу и даже сомневались в её авторской компетентности. Несмотря на критику она продолжала писать. Её художественные и документальные работы свидетельствуют о том, что через них она пыталась пропагандировать свои идеи и политику.¹²⁴ Она считается одним из самых плодовитых писателей восемнадцатого века. Она любила писать и раскрывала свое сердце в ее письмах и мемуарах. Её мемуары являются записями ее чувств и других политических событий, которые происходили во время её режима. В первой части своих мемуаров она описала своё детство и путешествие в Россию в 1744 году, а также свадьбу с Петром III. Во второй части - судебные интриги и людей. Её мемуары считаются беспрецедентными источниками, изображающими исторические события того времени. Исследование французской философии очень повлияло на неё и на её политику. Она много работала, чтобы продемонстрировать компетентность и актуальность своих реформ и культурных программ и то как они помогают привести

¹²⁴ А.Г. Тартаковский в своей исследовательской работе «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века» глубоко изучает «мемуары» Екатерины Великой.

Россию к просвещению. Она находилась под влиянием идей пионеров Ренессанса и Просвещения. Она даже поддерживала интеллектуальные отношения с великими философами Вольтером и Дидро. Сама Екатерина II писала дидактические сатиры. Её литературное стремление в области русского языка и истории, а также сбор основных лексических слов из более двухсот языков и диалектов заслужили похвалы критиков.¹²⁵

На протяжении всего своего царствования она пыталась продолжить наследие Петра I в вестернизации русской культуры: социально, политически, экономически и культурно. Ее работа «Наказ» стала первым шагом к приближению российского законодательства к политической философии Европы. Она прилагала усилия, чтобы просветить Россию как Европу. Многие критики признали историческую значимость и политическое мастерство Екатерины II, но очень критически относились к ее письму и усилиям по участию в Просвещении. Она считалась автором «дилетантом». Многие критики, например, такие как К. Валишевский и Г. Гуковский, критиковали её за то, что она пишет по-французски и плохо по-русски.¹²⁶

Наиболее обсуждаемой ее работой была «Наказ». В этой книге Екатерина II отстаивала, что русская система царствования является устаревшей и нерелевантной. В книге она пропагандировала необходимость критических реформ. Если к предложениям ее реформ относились критически в России, то в Европе ее наоборот очень хвалили и считали, что она предлагает очень продвинутую систему намного раньше времени.¹²⁷ Особое внимание во времена царствования Екатерины уделено искусству и науке, не только потому, что она считала их важными сами по себе, но она считала их средством, с помощью которого Россия могла бы заслужить репутацию центра цивилизации. Под её руководством город Санкт-Петербург превратился в одну из самых ослепительных столиц мира. Театр, музыка и живопись процветали при ее поддержке.

«Мемуары» Екатерины II содержат в себе все вышесказанные главные политические события того времени. В отличие от Натальи Долгорукой, которая

¹²⁵ Романов, Пётр. Россия и запад: От рюрика до Екатерины. Амфора: Москва. 2004. и Проскурина, Вера. Империя пера Екатерины II: литература как политика. ООО «Новое литературное обозрение», 2017.

¹²⁶ Гуковский Г. А. За изучение восемнадцатого века // Литературное наследство. 1933. Т. 9-10. С. 319.

¹²⁷ Колотов, П. С. Деяния Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссийския: Часть III. СПб. 1811

всегда поддерживала женские идеалы, Екатерина II была жестким правителем и очень часто разрушала женские идеалы.¹²⁸

Екатерина Романовна Дашкова

Екатерина Романовна Дашкова является одной из самых замечательных женщин своего времени. Она была первой женщиной, занимающей государственные должности не только в России, но и в Европе. Она работала директором Петербургской Академии наук и президентом Российской Академии. Екатерина была назначена на эти посты в 1783 году императрицей Екатериной Великой. Екатерина Дашкова любила путешествовать и с 1769 по 1782 года совершила много путешествий в европейские страны, такие как Германия, Швейцария, Франция, Италия, Голландия и Великобритания. Также как и Екатерина II, Дашкова была под влиянием просветителей Европы. Во время своих путешествий в европейские страны Дашкова встречалась с просветителями Вольтером, Дидро, Смитом, Руссо и другими. Поскольку Екатерина II и Дашкова имели аналогичные интересы, они стали близкими подругами. Дашкова участвовала в перевороте 1762 года, в результате которого Екатерина II стала императрицей России. Она была одной из фавориток императрицы, хотя в то время ей было только 19 лет.

Под её руководством выпустили много изданий Академий, сочинения и труды М.В. Ломоносова, И.И. Лепёхина и др. Она также создала новые общедоступные курсы и возобновила курсы по естественным наукам. Она начала издание журнала «Собеседник любителей российского слова» и печатала в нем сочинения и другие работы писателей и критиков, таких как Г.Р. Державин, М.М. Херасков, Д.И. Фонвизин и др. В 1789-1794 годах под руководством Дашковой издание российской академии выпустило шеститомный «Словарь Российской Академии». Это был первый толковый словарь русского языка.

После смерти императрицы, вступил на престол император Павел I. Он очень был обижен на Дашкову из-за её роли в перевороте его отца Петра III в 1762 году, поэтому отправил её в ссылку в Новгород. Во время своего изгнания Дашкова начала писать «мемуары» на французском языке. Она назвала их «Mon Histoire». Во время своего проживания в Троицком селе, Дашкова познакомилась с сестрами Мартой и

¹²⁸ Она не была простой женщиной: она устроила заговор с переворотом своего мужа, у неё был любовник. Интимная жизнь Императрицы было очень скандальной.

Кэтрин Уилмот, которые перевели «мемуары» с французского на английский. Тем не менее, Дáшковой пришлось уничтожить свои рукописи. Сёстры Уилмот сохранили копию рукописей и привезли их в Ирландию в 1807 году. В 1840 году, 40 лет после смерти Дáшковой, Марта Уилмот опубликовала её «мемуары». В них Дáшкова описывала свою прошлую прославленную жизнь при режиме императрицы Екатерины II, свои государственные должности и то как она выполняла свои семейные обязанности.

Автобиографическая литература первого поколения принадлежала дворянским женщинам, занимающим значительное место в обществе. В основном, все автобиографические письма были опубликованы только после смерти авторов. Как можно наблюдать, эти письма в сущности являются частными, авторы не стремились к их опубликованию. По сути они являются семейными хрониками, написанными для потомков самого писателя.

Стоит отметить, что автобиографические письма того времени не были представлены как определённый жанр. Существуют разные термины для автодокументальных писем, например, записки, мемуары, воспоминания, которые по существу взаимозаменяемые.

3.2.4 Автобиографическая литература после 1812 года

Автодокументальная литература «расцвела» после Отечественной войны. Если до войны автобиографические письма не принимались всерьёз, то после нее они заняли особое место в журналах. Характер автодокументальных писем также изменился. Как ранее было показано, раньше они в основном были приняты как частные записки, но после войны их рассматривали как историко-культурные источники. Нет сомнения в том, что отечественная война 1812 года возбудила национальное и историческое сознание России. По мнению Белинского

«(Отечественная война) по следствиям он был величайшим событием а истории России, после царствования Петра Великого...Мы разумеем здесь не только внешнее величие и блеск каким покрыла себя Россия в эту великую для неё эпоху, но и внутреннее преуспевание в гражданственности и образовании...

Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года.»¹²⁹

А.Г. Тартаковский в своей исследовательской работе «1812 год и русская мемуаристка» глубоко изучает взаимодействие между этими важными историческими событиями и развитием автобиографической литературы. Тартаковский считает, что Отечественная война как катализатор сыграла значительную роль в ускоренном развитии духовной жизни России и её национальной культуры. Тартаковский пишет, что

«Корпус мемуаров об эпохе 1812 года включает в себя 450 самых разнообразных по объёму, манере повествования и идейной направленности памятников, главным образом опубликованных, но так же рукописных, которые образуют весьма заметную долю в общем составе русских мемуаров, а процесс создания этих памятников растянула почти на целое столетие.»¹³⁰

До отечественной войны 1812 века, автобиографические письма были ограничены и часто считались частными по существу. Но после войны они считались источниками опыта войны и национального сознания. Как утверждает Тоби Климан и Джудит Вовулс в своей исследовании

«The year 1812 was a watershed in the history of (Russian) autobiographical literature... The sheer magnitude of events and the wave of fervent nationalism and patriotism that swept through Russian society gave many men and women a sense of history, of being participants in and eyewitnesses to major historical events, that encouraged them to record what they saw and experienced...

...In this climate the number of reminiscences, recollections, memoirs, and notes appearing in print grew slowly but steadily. Editors of the literary journals where these narratives generally appeared found their audiences increasingly eager to read such material. They encouraged people to submit their own recollections of recent

¹²⁹ Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений, Москва.1995, том.VII, с. 264, 446

¹³⁰ Там же с. 18

historical events and figures and to document firsthand various aspects of Russian mores and daily life.»¹³¹

История автобиографической литературы четко делится на два периода до и после отечественной войны. До войны автобиографические тексты считались эгоистичными и непрестижными, критиками полностью отвергались автобиографические жанры. Но после войны автобиографические письма приобрели социально-культурные и исторические характеры и критики начали обращать внимание на них. Однако, не все автобиографические письма были приняты с энтузиазмом издателями, критиками и читателями, а только те, в которых содержались главные исторические события и они были написаны важными военными деятелями периода отечественной войны. Читатели России заинтересовались автобиографическими описаниями. Все-таки частные автобиографические письма об индивиде до сих пор подвергались резкой критике. Однако по мнению Тоби Климана и Джудита Вовулса мемуары об отечественной войне сыграли значительную роль в развитии и становлении автодокументальных писем как определённого жанра

«...played an important role in establishing public acceptance to autobiographical writing by bridging the gap between history proper and subjective accounts of historical events and figures.»¹³²

Исследования А.Г. Тартаковского, Джудита Вовулса, Тоби Климана, Барбара Хельдта показывают, что после отечественной войны 1812 года военные мемуары доминировали в автобиографической литературе этого периода, то есть мемуары военных офицеров заняли значительное место в «Толстых журналах»¹³³. Война была главным образом мужским делом, а у женщин не было опыта войны, поэтому женщины не могли внести большого вклада в «военные мемуары». Критики утверждают, что женщины-писатели всё это время продолжали записывать свои

¹³¹ Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) Women Writers In Russian Literature. Praeger, 1994. PP.

¹³² Там же. Стр. 20

¹³³ Популярный термин для журналов, которые имели более 200 страниц. Они были высоко оценены, так как играли значительную роль социальных и культурных развитиях общества. В качестве примера можно назвать «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Московский телеграф» и т.п.

восприятия о войне 1812 года, но мало из их произведений вышли в свет.¹³⁴ Автобиографические письма женщин этого периода совсем отсутствовали в тогдашней литературной критике. Однако, некоторые женщины писали отличные автобиографические письма и заставляли критиков почувствовать их присутствие. Такими яркими примерами являются автобиографические письма Надежды Андреевны Дуровой и Надежды Степановны Соханской.

Надежда Андреевна Дурова

Надежда Дурова является первой русской женщиной, которая служила в армии и воевала на фронте во время Отечественной войны 1812 года. В то время женщины не служили в армии и даже не стремились воевать. Тем не менее, Надежда Дурова переделалась в мужской костюм и с одним казачьим полком бежала из дома, покинув своего мужа и сына. В 1807 году она поступила в конный польский уланский полк в Гродно под именем Александра Соколова. Она участвовала в нескольких военных походах в 1806-1807 годах против армии Наполеона. Случайно открылось, что «улан Александр» в действительности женщина. Её позвали в Петербург к царю Александру I, который разрешил ей продолжить службу под фамилией Александров, а также приказал назначить ее корнетом в гусарский полк. Надежда Дурова под именем Александров участвовала в военных походах в 1812- 1814 годах. В Бородинском сражении она была контужена и после этого начала служить как ординарец у М.И. Кутузова.

«Записки» Надежды Андреевны Дуровой являются свидетелями её подвигов во время службы в армии. Во время военных походов Надежда Дурова записывала свои впечатления в дневнике, который был опубликован в 1836 году в журнале «Современник». Редактор журнала Александр Пушкин был очень впечатлён её «записками» и дал ей прозвище «кавалерист-девица». Её «записки» были опубликованы под титулом «Записки кавалерист-девицы: происшествие в России» с предисловием Пушкина. Хотя, Дурова хотела опубликовать свои записки под псевдонимом «Русская амазонка, известная под именем Александров», но опубликовали её записки без имени автора.¹³⁵

¹³⁴ Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. pp.1-9 и Clyman, W.Toby, Vowles, Judith. *Russia through women's eyes*, Yale University Press: London, 1996. Pp. 18

¹³⁵ Там же. стр. 81

«Записки кавалерист-девицы» стали очень популярными среди читателей, но критики не верили в то, что эти записки были написаны самой Дуровой. Белинский считал это мистификацией со стороны редактора Пушкина. В своей рецензии Белинский писал, что

*«если это мистификация, то, признаемся очень мастерская; если подлинные записки, то занимательные и увлекательные до невероятности. Странно только, что в 1812 году могли писать таким хорошим языком, и кто же ещё? Женщина; впрочем может быть поправлены автором в настоящее время.»*¹³⁶

Белинский так высоко оценил записки Дуровой, то есть. «кавалерист-девицы», что даже назвал её «феноменом нравственного мира». Записки Дуровой можно разделить на две части: в первой она говорит о своём детстве, свадьбе и семье, а во второй части о своих подвигах на фронте, жизни в полке.

До Дуровой женщины-писатели просто не публиковали свои мемуары, так как писать о своей частной жизни и выставлять себя на публике не считалось престижным. Записки Дуровой являются первыми записками женщины, которые были опубликованы во время жизни самого автора, а не после её смерти как это обычно было.

Современные феминистские критики не только изучают литературное достоинство «Записок кавалерист-девицы», но также рассматривают их сквозь призму гендера.¹³⁷ Дурова отказалась принять предопределенные традиционные гендерные роли в обществе. Она нарушила гендерные границы. Барбара Хельдт отмечает, что

*«In her memoirs, Durova makes a significant contribution not only to Russian letters, but to our understanding of what women might have been capable of historically had the military life not been off-bound to them.»*¹³⁸

Дурова с детства ненавидела идеальный мир женщин своего времени. Она с детства увлекалась военным бытом, так как её отец был дворянином гусаром. В своих

¹³⁶ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том. 3, Москва., 1952–1959. С. 149

¹³⁷ Смет. Приказчикова, Е.Е. Женщина на фоне наполеоновской эпохи: социокультурный дискурс мемуарно-автобиографической прозы Н.А. Дуровой, Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 2015. С 118-188, и Пушкирева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997

¹³⁸ Heldt, Barbara. Terrible Perfection: Women and Russian Literature, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987.pp.81

записках она писала, что с детства идеализировала военный быт своего отца. По словам Барабара Хельдт, Дурова «dichotomizes her perception of the free, masculine world of her father and the restricted petty world of her mother»¹³⁹

Надежда Степановна Соханская (1823-1884 гг.)

Надежда Степановна Соханская является первой женщиной-писательницей, которая не принадлежала к высшему классу общества. Её отец был офицером в армии, он умер когда ей было только два года. У него было бедное детство. После смерти своего отца она со своим братом и матерью переселились к тётке в Волгоград. Когда ей исполнилось одиннадцать лет, она поступила в институт для девочек в Харьковской области. Там она познакомилась с произведениями Пушкина и других писателей того времени. Она окончила институт и возвратилась к своей семье в родовое село в Макаровке. Здесь она вела очень трудную и невеселую жизнь. Она увлеклась литературой и начала писать, хотя ей очень трудно было достать книги и бумаги.

В 1846 году она отправила своё первое произведение «Графиня Д...» под псевдонимом Кохановская редактору журнала «Современник» Плетнёву. Плетнёв просмотрел повесть и посоветовал ей, чтобы она не подражала стилю французских писателей, а писала о своей жизни. По его совету Соханская начала писать автобиографию. Она написала ее в пяти главах с 1847 по 1848 годы. Плетнёв дал ее автобиографии высокую оценку. Автобиография Соханской была опубликована только в 1896 году после её смерти. Автобиографические письма Соханской носят политический характер. В них она описывает как государственные политики не помогают простым людям удаленных уголков России. Автобиография Соханской также показывает трудности, с которыми сталкивались женщины, когда они намеревались что-то написать. Она также пишет о том, что «женщинам нельзя писать», потому что

«Этим нарушается её первое чувство и достоинство: скромность. ... Мир сердца, внутренний мир женщины священен, он должен быть известен только своей семье и никому более»¹⁴⁰

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Соханская Н.С. Автобиография Н.С. Соханской(Кохановской), Москва. 1896, Оцифровано Тартуским Университетом с.189.
file:///C:/Users/Shraddha/OneDrive/add%20in%20chapter%20%20russian%20auto/Princess%20Dashkova/utl14a004120.pdf/07.10.18

Это объясняет то, почему она не собиралась публиковать свою автобиографию. Тем не менее, она опубликовала свои художественные произведения под псевдонимом «Кохнавская». Ее автобиография в конечном счёте вышла в свет в 1896 году под редакцией С.И. Пономарёва при режиме Александра II.

Во второй половине XIX века в России произошло много различных исторических событий. Непродуманная репрессивная политика Николая I подтолкнула к необходимости реформ. Поражение в Крымской войне уничтожило экономику России и понизило моральный дух людей. Реформы, проводимые во второй половине XIX века, а именно крестьянская реформа 1861 года, судебная реформа и реформа образования, имели далеко идущие последствия для России. Именно в этот период в России начали заниматься «женским вопросом». В своей работе Ричард Стейтс замечает, что

«... (among) the problems of specific reforms suggested by the liberals to the more fundamental questions of life and social organization posed by the radicals. The “Women question” was one of these questions taking shape first as a limited probe into the problem of improving education for women, and later amplifying into a full scale anthropological discussion of women’s peculiar genius and destiny»¹⁴¹

Так в начале XX века женщины вошли в доминирующий дискурс, их проблемы начали обсуждаться. Именно в этот период русское общество резко трансформировалось. Все социально-общественные изменения способствовали поощрению женщин-писателей. Женщины стали писать много автобиографических писем, которые стали очень популярными среди читателей. С развитием реализма читатели начали интересоваться автобиографическими письмами как никогда раньше, их начали публиковать в «толстых журналах» более часто. Редакторы и издатели тоже начали интересоваться письмами, так как автодокументальная литература сыграла значимую роль в изучении русского общества того времени. Когда в России начали обсуждать «женский вопрос», то автобиографические письма стали единственными историческими документами и первоисточниками об истории женщин прошлого. Исторические журналы, такие как «Русский архив», «Исторический вестник» и «Русская старина», опубликовали большинство автодокументальных писем женщин по

¹⁴¹ Stites, R. Women’s Liberation Movement in Russia, Princeton University Press, New Jersey, 1991. Pp. 30

сравнению с другими журналами.¹⁴² Таким образом, чтобы изучить и понять историю русских женщин, историки использовали автобиографические письма.¹⁴³ Журналы «Современник» и «Русское слово» были более великодушными к женской автобиографии, чем другие. Когда эти журналы запретили в 60х годах, им на смену пришло много новых, также возродились старые журналы, например, такие как «Русский вестник» и «Вестник Европы», которые продолжили публиковать время от времени автобиографические письма. Также в первой четверти XX века журналы «Русское богатство», «Мир Божий», «Голос минувший», «Былое» и «Каторга и ссылка» публиковали автобиографические письма (большинство из них являются историко-революционными журналами).

Таким образом, с XVIII века до первой четверти XX века история автобиографической литературы женщин развивалась в реакции социально-политических изменений в обществе. В XVIII веке письма пережили патриархальные условия литературного процесса, канонизацию основной литературы, при которой личные записи не считались престижными и женщины-авторы не намеревались публиковать свои записки. Об этом свидетельствует тот факт, что автобиографические письма Наталии Долгорукой, Екатерины II, Екатерины Дашковой долго лежали у родственников или в семейном архиве и были опубликованы только через много лет после их смерти. Женщины-авторы последних веков намеревались рассказать о своих подвигах публике, как Надежда Дурова, или автобиография Соханской, которую очень высоко оценил Плетнёв, хотя автобиография и вышла в свет более 40 лет после ее смерти.

Автодокументальная литература расцвела быстро после «великих реформ» во второй половине XIX века. В результате реформ увеличилось участие женщин в социально-политической области. Критики Тоби Климан и Джудит Вовулс постарались назвать автобиографические письма женщин этого периода и они разделили их на группы, такие как «Семейные хроники», «мемуары детства», «рабочая

¹⁴² Смт. Rosenthal, Charlotte. "The Silver age: A Highpoint for Women?" in *Women and Society in Russia and the Soviet Union*. Ed. Linda Edmondson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. PP.34

¹⁴³ В своих исследованиях историки С.С. Шашкова и Елена Лихачева подробно обсуждают автобиографические письма русских женщин. Смт. Шашкова С. С. «История русской женщин, Издание второе, Санкт Петербург. 1879. И Лихачева, Е. О. «Материалы для истории русского женского образования в России 1828-1856», СПб. 1895.

автобиография», «Школьная автобиография»¹⁴⁴. «Дневники» русской художницы Марии Башкирцевой являются одними из первых автодокументальных писем, в которых автор описала свою жизнь. Её «Дневники» занимают особое место в истории автобиографической литературы русских женщин, так как в них она писала о своей интимной жизни, о своих стремлениях, откровенно говорила о своих мыслях, сексуальности и личных отношениях, которые были табу в обществе. «Дневники» Башкирцевой как будто играли роль дорожной карты для других женщин-писателей, которые бы осмелились писать о своей жизни. Темы, о которых писала Башкирцева, стали очень популярны среды женщин- авторов. Они тоже начали писать о своей личной жизни и стремлениях очень откровенно.

3.2.5 Автобиографическая литература XX века

К концу XIX века женщины начали поступать в университеты, служить в разных сферах. Новые образованные женщины также увлеклись мировой литературой и у них появилось чувство самосознания.¹⁴⁵ Они бросили вызов женским идеалам, установленным патриархальным обществом в литературе и других сферах. В предыдущих веках женские идеалы, такие как самоотверженность, самопожертвование и служение, отмечали индивидуальность женщин и в художественных работах и в автодокументальных письмах женщин.

После нескольких десятилетий улучшения образовательных и профессиональных возможностей очень много женщин стали писать о своей жизни. Среди этих автодокументальных писем профессиональных женщин, самыми популярными и знаменитыми являются автобиографические письма революционерок. Их письма являются важными документами истории коммунистической партии.

Социально-демократическая реформа 1903 года включила в себя избирательное право женщин, охрану женского труда и специальные положения о материнстве. В результате этих реформ, развилось участие женщин в революционной деятельности. Важное значение придавалось деятельности женщин путём создания специального женского отделения в местных партийных организациях. Многие революционерки писали о своей деятельности в Партии. Среди них самыми знаменитыми являются

¹⁴⁴ Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) *Women Writers In Russian Literature*. Praeger, 1994. PP.29-41

¹⁴⁵ Смт. Rosenthal, Charlotte. "Achievement and Obscurity: Women's Prose in the Silver Age" in *Women Writers in Russian Literature*, ed. Toby W. Clyman and Diana Greene, London: Praeger, 1994. 149-171

автобиографические письма Веры Николаевны Фигнер (1852-1943 гг.), Евы Львовны Бройдо (1876-1941 гг.), Веры Ивановны Засулич (1849-1919 гг.), Прасковьи Семёновны Ивановской (1852-1935 гг.), Ольги Спиридоновны Любатович (1853-1917 гг.), Елизаветы Николаевны Ковальской (1851-1943 гг.).¹⁴⁶

Автобиографические письма революционерок позволили нам узнать многое о революции и женщинах-революционерках. Однако, по мнению критика Барбары Хельдт, мемуары революционерок очень часто показывают «официальную личность» авторов-революционерок. Барбара Хельдт называет мемуары этих революционерок «Официальная автобиография». По её мнению

«There is a genre of “official” autobiography by women, however. In these the public self eclipses the private, and all conflicts is resolved and explained. As in much male autobiography. The memoirs of a female monarch, Catherine the Great, and those of a professional revolutionary, Vera Figner, are characterized by an official self that never wavers. These women feel no need to disguise their achievements, since they always felt certain of being on the side of progress and history. They easily put their public selves at peace with their private selves. When any disturbing recollections occur, these then become moral lesson on the path to right.»¹⁴⁷

Публичное и личное «Я» женщин-писателей в их автодокументальных произведениях всегда перемешивается, но в автобиографиях революционерки большое внимание уделяли своему публичному «Я». По словам Бета Хомгрена

«these writers(revolutionaries) deliberately tailor (and sometimes mutilate) their life story to provide supporting testimony for the cause they serve, they write not merely to testify, but to prescribe.»¹⁴⁸

Как мы уже обсуждали, после великих общественных реформ во второй половине XIX века, участие женщин в общественной жизни возросло. Они стали делать карьеру в различных областях, но только в литературе их усилия не получили

¹⁴⁶ Смт. Alpern Engel, Barbara & Rosenthal, N.. Five Sisters: Women Against the Tsar. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2013. Project MUSE,

¹⁴⁷ Heldt, Barbara. Terrible Perfection: Women and Russian Literature, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. pp. 68-69

¹⁴⁸ Holmgren, Beth. “For the Good of the Cause: Russian Women’s Autobiography in the Twentieth Century” in Women and Society in Russia and the Soviet Union. Ed. Linda Edmondson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. PP. 130-131

большого признания. В этой области они по-прежнему считались «дилетантами». От эпохи Екатерины Великой до революции женщин-писателей критиковали за литературные произведения. Женщины также продолжали заниматься автобиографической литературой и после революции 1917 века.

Если до революции 1917 года автобиографические письма женщин играли вдохновляющую роль для женщин, то после революции это было не так. Много женщин, их дети, мужья и родственники пострадали при тоталитарном режиме Сталина. При Сталинском режиме бесчисленное количество женщин потеряли своих близких или сами были арестованы, многие были отправлены в тюрьмы или сосланы. После смерти Сталина многие почувствовали, что необходимо записать все что с ними произошло и описать страдания, которые они и их семья пережили. Двухтомные мемуары «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург являются свидетелем жестоких сталинских лагерей. В своих мемуарах Евгения Гинзбург не только описала свои переживания в тюрьме, но также своих сокамерников и следователей. Автобиографические письма «Начало» Марии Михайловны Иоффе (1896-1989 гг.), «История одной семьи» Надежды Марковны Улановской (1903-1986 гг.) и других являются документами о ГУЛАГе и о судьбах не только этих писателей, ни и всех женщин, которые попали в ГУЛАГ. Таким образом, женщины-мемуаристы во время сталинского режима и пост сталинской эпохи протестовали против несправедливости в обществе и описывали свою судьбу и судьбу других женщин в своих текстах. Автодокументальная литература XX века в основном состоит из мемуаров революционерок, политических заключенных и культурных консерваторов.

Как мы уже обсуждали, автодокументальные письма революционерок и политических заключенных, женские мемуары всегда отражали социально-политическое положение своего времени. Большое количество автодокументальных писем женщин появилось как реакция на культурные репрессии¹⁴⁹ в период сталинской эпохи. В этих автодокументальных письмах женщины-писатели

¹⁴⁹ После революции приблизительно с 1928 по 1931 год состоялась в обществе и так же культурная революция. Художники экспериментировали с разными новыми идеями и имели творческую свободу. В ленинской эпохи цель культурной революции состояла в том, чтобы придумать какое будет социалистическое государство. И так же позволять людям задумывать о различных аспектах социализма. Но в эпохи сталина, искусство было способом показать величие социализма и самого Сталина. С тридцатых годов были приняты новые ограничения и правила для писателей, художников, артистов и. т. П. Они не могли отказывать изображать социалистическую жизнь. Если они не делали так как хотело государство, то они были бы арестованными.

попытались восстановить и утвердить работы тех писателей, артистов, художников, которых запрещало государство. Однако эти произведения были опубликованы только после смерти Сталина.

Например «Воспоминания» Надежды Мандельштам, жены писателя Осипа Мандельштама, являются ярким примером таких автодокументальных писем женщин-писателей, в которых она пытается восстановить работы своего мужа. Ее муж был арестован за то, что в своих стихах «Мы живём, под собою не чуя страны» он резко критиковал Сталина. Елена и Любовь Булгаковы (жены Михаила Булгакова), Лилия Юрьевна Брик (любовница поэта Владимира Маяковского), Тамара Ивановна, Лидия Чуковская и др. тоже играли роль культурных консерваторов. Эти женщины-писатели пытались защитить архив запрещенных писателей и художников, они писали о них в своих автодокументальных письмах, очень часто с целью повысить их репутацию. С помощью этих писем они пытались реконструировать прошлое и опровергнуть всё, что искажало репутацию своих любимых.¹⁵⁰

3.2.6 Становление принципа автобиографизма в русской словесности XX века

Во время культурных репрессий в период сталинской эпохи почти невозможно было опубликовать автобиографические письма, в которых можно было говорить о своей жизни свободно. В такой крутой социально-политической среде писатели непосредственно писали в своих художественных произведениях о своей судьбе в сталинской России. Сильная цензура сталинской эпохи стимулировала использование автобиографических элементов в художественных произведениях. Это метод повествования можно также найти в художественных произведениях реалистов XIX века. В XX веке он опять стал популярным методом написания среди писателей. Критик Шарлотта Розенталь пишет о том, что женщины-писатели XX века, занимающиеся прозаическими жанрами художественной литературы, страдали из-за популярности женской автобиографии, так как автобиографические письма серебряного века были более популярны чем их вымышленные работы (особенно прозаические работы). Розенталь также говорит о том, что изучение женской письменности является неполным без учёта их автодокументальных работ. Розенталь пишет, что

¹⁵⁰ Смт. Proffer, R. Carl. *The Widows of Russia and Other Writings*. Knopf Doubleday Publishing Group, 1992.

*«Women prose writers appear to have faced obstacles which they found more difficult to overcome than women poets. One of these obstacles may have been the very popularity and success of women's autobiography. The prominence of women's autobiography and 'pseudo'-autobiography in the Silver age is striking. This Preference needs to be explained. Perhaps it was an expression of a lack of self confidence in the creation of prose fiction and a comfort with the kind of writing that women had always practised at home and had had success in publishing: diary-writing, memoirs and letters. Perhaps it was also an expression of an intense interest in self-definition and the exploration of women's nature».*¹⁵¹

Многие критики спорят о том, что художественные работы женщин можно назвать «Псевдо-автобиографиями» (так как они часто выбрали темы из своей жизни). Конечно, это мнение было очень обескураживающим для женщин-писательниц, так как оно показывает, что критики сомневались в их литературном достоинстве.¹⁵² Однако, в русском литературоведении XX века «псевдо-автобиография» рассматривалась как отличительный жанр, который позволяет смешивать авторское и литературное «я» в художественной литературе.

Термин «псевдо-автобиография» исключительно был употреблён для произведений женщин-писателей, но он очень часто носил негативную коннотацию. В русском литературоведении термин «автобиографизм» обозначает тот же стиль повествования, который критик Эндрю Барух Бахтель называет «псевдо-автобиография». Объясняя разницу между автобиографией и «псевдо-автобиографией», критик Эндрю Барух Вахтель пишет, что они отличаются по повествовательному стилю

« The autobiography is based on a continual dialogue between the past and present selves of its author. Often those two selves are quite dissimilar. The pseudo-autobiography opens the potential for a complex relationship involving the author, the narrator and the protagonist. The protagonist is supposed to be the narrators past incarnation, but because the pseudo-autobiography is always based on autobiographical material, he is also partial incarnation of the authors own past self.

¹⁵¹ Rosenthal, Charlotte. "The Silver age: A Highpoint for Women?" in *Women and Society in Russia and the Soviet Union*. Ed. Linda Edmondson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. PP. 32-47

¹⁵² Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) *Women Writers In Russian Literature*. Praeger, 1994. PP.1-8

In the text of a typical pseudo-autobiography, all three voices have the opportunity to interact.»¹⁵³

«Сложное отношение» между автором, рассказчиком и литературным героем в художественных произведениях, о котором говорит Эндрю Барух Вахтель, всегда существовала в современной русской литературе. Когда говорят о «псевдо-автобиографии», то появляются имена Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и других женщин-писательниц того времени, так как в их произведениях наблюдаются автобиографические элементы, то есть принцип автобиографизма, являющийся основным творческим методом.

В своем исследовании Барбара Хельдт пишет, что общественная и личная жизнь женщин всегда сливаются, так как они переплетены друг с другом.¹⁵⁴ В своей статье «Diversity of Discourse: Autobiographical statements in Theory and Practice»¹⁵⁵, она подробно обсуждает возобновленный интерес к автобиографической литературе XX века и как автобиография и художественная литература взаимодействовали в работах писателей. Так мы видим, что в современной русской литературе писатели-женщины серебряного века, такие как Анна Ахматова и Мария Цветаева, являются пионерами, в произведениях которых изображается принцип автобиографизма.

3.2.7 Автобиографизм в современном русском литературоведении

На протяжении последних двух столетий критики пытались проанализировать автобиографическую литературу и определить её жанровые специфики. В семидесятых годах XX века восстановился интерес русских литературоведов к автобиографии, так как во время оттепели после сталинского режима начали публиковать автобиографические письма прошедшей эпохи.

Критики пишут, что в мемуарах авторы повествуют о реальных событиях, которые они сами переживали или которому были свидетелями. Очень часто в своих

¹⁵³ Wachtel, B. Andrew. *The Battle for Childhood: The Creation of Russian Myth*, Stanford University Press, 1990. Pp. 20-21

¹⁵⁴ Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. pp.64-76

¹⁵⁵ Harris, G. Jane. "Diversity of Discourse: Autobiographical statements in Theory and Practice" in *Autobiographical Statements in Theory and Praxis*, ed. Jane, G. Harris. Princeton: New Jersey. 1990. Pp. 3-35

мемуарах авторы дают субъективную оценку. Правдивость мемуаров является основной отличительной чертой. Конечно, правдивость мемуаров ожидается как в рассказе о реальных событиях, так и в восприятии автором действительности. Однако каждый человек по-разному относится к одним и тем же актуальным событиям и субъективно воспринимает и реагирует к реальности тоже. Вот поэтому не может быть установленных правил о том, как изображать реальность в автобиографии. Это, в свою очередь, делает жанр более демократичным. Именно поэтому мы видим, что в отличие от художественной литературы, мемуарно-автобиографический жанр давал возможность не только профессиональным писателям, но и простым, малообразованным людям, рассказать свою собственную историю. Доступность мемуаров всем людям делает их самым предпочтительным модусом написания среди женщин, которые долго боролись за своё право в канонизированной литературе.

Как мы видим, от древнерусской словесности до XX века проблема определения жанра автобиографии продолжается. В русском литературоведении автобиографические письма всегда считались частью документальной литературы, вот поэтому их больше изучали историки, чем литературоведы. Существуют разные термины для автодокументальных писем, такие как дневники, воспоминания, записки и т.д.

В XX веке жанр автобиографического письма очень быстро развивался. Этот жанр до сих пор более или менее рассматривался как жанр документальной литературы. Жанровые границы автобиографического письма являются условными. Критики до сих пор не уверены в «чистоте» жанра автобиографических писем и по каким принципам его необходимо классифицировать. Русские литературоведы, так же как западные литературоведы, используют гибридные термины для автобиографических писем, например, такие как автодокументальная литература, мемуарно-документальная литература, дневник-автобиография, автобиография-письмо, автобиографизм и т.д.

В сборнике сочинений по теме «Автобиографический модус повествования» редактор Джейн Гэри Харрис предпочитал употреблять гибридный термин «autobiographical statements», чем термин «автобиографизм». До сих пор этот термин мало изучен, но критики М. Медарич и О.А. Большев пытались определить значение этого термина. По мнению М. Медарича, автобиографизмом является

«Стилистически маркированный литературный приём, представляющий собой эхо жанра автобиографии; он проявляется в текстах, которые сами по себе

не являются автобиографией не писались и не воспринимались как автобиографии»¹⁵⁶

Это определение термина автобиографизма является самым распространённым, но не все критики согласны с М Медаричем. По мнению А.Н. Горбуновой, такая трактовка термина «не даёт полного представления о таком литературном феномене как автобиографизм». Но она согласна с мнением М. Медарича, что она

«Затрагивала базовый, основополагающий принцип автобиографизма–модус автобиографии как отправная точка для всех документальных жанров.»¹⁵⁷

В своей статье «Разнообразие дискурса: автобиографические высказывания в теории и практике» (Англ. «Diversity of Discourse: Autobiographical statements in Theory and Practice») критик Джейн Гарри Харрис отмечает, что модус автобиографии является отправной точкой для художественных жанров. В этой связи, принимая во внимание приведенные выше аргументы критиков М. Медарича и О. А. Большевик, можно сделать такой вывод, что автобиографизм - это отражение авторского «Я» в любом тексте. Вот поэтому в нашем исследовании мы используем термин автобиографизм, который выступает как зонтичный термин для всех видов автобиографических писем. В этой главе целью нашего исследования было обсуждение историко-литературных и культурно-исторических условий и контекстов развития автодокументальной поэтики в произведениях русских женщин-писателей. В следующей части этой главы будут рассмотрены те же вопросы в современном контексте.

¹⁵⁶ Горбунова, А.Н. «Автобиографизм и автобиографические жанры в творчестве А.Н. Герцена, 1840-1850-х годов» скч. [https://core.ac.uk/display/42051940./](https://core.ac.uk/display/42051940/) 20.10.2015

¹⁵⁷ Там же.

3.3 Автобиографизм и творчество современных русских женщин-писателей

3.3.1 Автобиографизм и современные русские женщины-писатели

В предыдущей главе было рассмотрено, что автобиографический модус написания является самым распространённым модусом повествования среди русских женщин-писателей. Параллельно с так называемой основной литературой, в русской литературе развивалась и автобиографическая традиция русских женщин-писателей. Особенно в литературном творчестве серебряного века обнаруживается проблема жизнетворчества как прием превращения бытия самого писателя в его текстах. В серебряном веке появился феномен «псевдо-автобиография», который главным образом был употреблён для прозы женщин-писателей. Исследователи, изучающие этот феномен в русской литературе XX века, обнаружили, что «псевдо-автобиография» женщин-писателей была более оценена чем их другие прозаические работы.¹⁵⁸

Автобиографизм, как художественный тип мышления писателя, широко обсуждается в современной русской литературной критике. Русские критики обычно пытались обуславливать жанровые границы автобиографии и, как мы уже обсуждали в предыдущей главе, в конечном итоге преобразили разные гибридные термины, такие как автобиографические письма, автодокументальная литература, дневники-автобиографии и. т. д. «Псевдо-автобиографизм» является ещё одним термином для тех художественных произведений, в которых автор рассказывает события из своей собственной жизни с помощью литературных фигур. Когда говорят о «псевдо-автобиографии» женщин-писательниц XX века, сразу же появляются названия произведений Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, в творчестве которых ярко проявилась проблема «жизнетворчества», с помощью которой они описывали свой жизненный опыт в художественных произведениях. Автобиографичность художественных произведений Анны Ахматовой и Марины Цветаевой является одной из доминирующих их творческих особенностей. В своей «Поэме без героя» Анна Ахматова писала о реальных событиях жизни. Она сама определила свой метод как «ничто не сказано в лоб»¹⁵⁹. Поэма «Реквием» тоже является свидетельством трагедии

¹⁵⁸ Смт. Rosenthal, Charlotte. "The Silver age: A Highpoint for Women?" in *Women and Society in Russia and the Soviet Union*. Ed. Linda Edmondson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. PP. 32-47

¹⁵⁹ Смт. Ахматова, А. Сочинение. Том.1. Москва, Изд. Правда. 1990. Стр. 364

ее собственной жизни, которую она написала после ареста её мужа Н.С. Гумилёва и сына Л. Н. Гумилева. Обсуждая поэтические методы Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, Барбара Хельдт замечает, что

«One is strongly tempted to view Akhmatova and Tsvetaeva as two complementary halves of the human psyche, just as Tolstoy and Dostoevsky have seemed an either/or alternative in the minds of their readers. Akhmatova's lyric heroine is the poet, speaking with cryptic simplicity of woman's reaction to love or of (and for) her time and her country- always aware of her symbolic role as mother, lover, witness, tragic actress. Tsvetaeva's lyric heroine is a poet, shaping life into words, trying out words for an emotion. Tsvetaeva, living actual exile and engaged in actual motherhood, reached out to other poets, using her poems, essays, and letters as urgent communications. The selves of the two poets differ radically: Akhmatova is both "I" and "she", watching herself being changed in order to meet a changed situation. Tsvetaeva meets the impossibility of the situation with her own obstinate self, head on.»¹⁶⁰

Лирические героини в творчестве Анны Ахматовой и Марины Цветаевой перекликаются с личностями самих поэтесс. Автобиографизм и интимность является отличительной чертой их творчества.

Многие критики считают, что особенно в XX веке женщины-писатели часто описывали свои жизненные события в художественных произведениях.¹⁶¹ Это было первое поколение женщин-писателей, которые объединили автобиографические элементы в своём художественном творчестве. Не только женщины-писатели, но также и мужчины-писатели использовали автобиографические элементы в своих вымышленных произведениях. В качестве примера можно называть творчество Андрея Белого, которое полно автобиографических элементов. В сборнике сочинений «Autobiographical Statements in 20th Century Russian Literature», разные критики обсуждают принцип автобиографизма с разных сторон в литературе XX века. Это показывает, что в современном русском литературоведении критики занимаются

¹⁶⁰ Смт. Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. pp.124

¹⁶¹ Смт. Rosenthal, Charlotte. "The Silver age: A Highpoint for Women?" in *Women and Society in Russia and the Soviet Union*. Ed. Linda Edmondson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. PP. 32-47

жанром автобиографии. Критик Джейн Харрис отмечает, что автобиографический модус повествования ещё более популярен в наше время, поскольку-

«...the persistent demand for new literary forms appropriate to the problems and perceptions of an age change and discontinuity... quest for new forms of literary expression so often inspired or mere satisfied by autobiographical discourse, sometimes fictional, sometimes non-fictional in intention.»¹⁶²

Критики выражают мнение, что автобиографические письма XX века приобрели эстетический, нравственно-философский и психологический характер. При помощи автобиографического модуса повествования писатели могли отказываться от ограничений канонических жанров, то есть выйти за рамки конвенций реализма XIX века, так как психологические герои реализма воспринимались неадекватными для представления требований новой эпохи.¹⁶³ По мнению Джейна Гарриса, особенно в XX веке автобиографические письма имели двойственную природу – исповедальную и мемуарную формы. По его словам

«On the one hand, is the confessional form, which delves more deeply into the psyche than the realist novels and emphasizes the subjective portrayal of consciousness or the subconscious. On the other hand is the memoir form, which gives primacy to the cultural dimension of a life by attempting to show how personal history is an integral part of history proper or how the individual life is determined by external force.»¹⁶⁴

Здесь Джейн Харрис признает двойственное происхождение автобиографических писем: художественную и документальную литературу. Эти две формы повествования автобиографических писем смешиваются в автобиографических письмах XX века. Смешивание этих двух форм написания больше всего наблюдается в литературе реализма, особенно в творчестве Лермонтова и Пушкина, где выявляются

¹⁶² Harris, G. Jane. "Diversity of Discourse: Autobiographical statements in Theory and Practice" in *Autobiographical Statements in Theory and Praxis*, ed. Jane, G. Harris. Princeton: New Jersey. 1990. Pp.12-13

¹⁶³ Смт. Там же.

¹⁶⁴ Там же. 14

разветвленные и сложные отношения между фактами биографии и художественными планами их приведений.¹⁶⁵

В послевоенной советской России критики обратили внимание на автобиографические труды. Одна из важнейших основополагающих работ по теме автобиографии выполнена в 1960 году советским критиком С. Машинским. В своей исследовательской работе «О мемуарно-автобиографическом жанре»¹⁶⁶, Машинский рассматривает разные этапы развития жанра и то как он стал одним из важных жанров в советской России. Машинский в своей работе главным образом обсуждает феномен «художественной автобиографии» в русской литературе XIX века. По мнению Машинского в автобиографии присутствуют художественные элементы, этот феномен он называет «художественный факт в автобиографии»¹⁶⁷. Мнение Машинского совпадает с мнением французского литературоведа Роя Паскаля, который в своей статье «Design and truth in autobiography» предполагал, что в автобиографии присутствуют художественные элементы.¹⁶⁸

В течение 1960-х годов и особенно во второй половине десятилетия, в ведущих журналах и в газете «Литературная газета»¹⁶⁹ появилось много статей, посвященных теме мемуарно-автобиографических произведений.¹⁷⁰ В этой эпохе шла живая дискуссия о мемуарной литературе. В журнале «Новый Мир» под редакцией А.Т. Твардовского были опубликованы произведения мемуарного жанра. С 1958 по 1970 года в этом журнале опубликовали около двухсот автодокументальных работ. Вместе с мемуарно-автобиографическими работами выдающихся писателей, таких как Б.

¹⁶⁵ В свою очередь, чтобы изучать распространение феномен автобиографизм в произведениях реалистов требует определённой самостоятельной академической попыткой.

¹⁶⁶ Машинский С. И. «О мемуарно-автобиографическом жанре» Вопросы литературы. 1960. № 6. с. 129–145. <https://dlib.eastview.com/browse/doc/12185734?searchLink=%2Fsearch%2Fsimple/24-12-17>

¹⁶⁷ Там же. Стр. 129–145.

¹⁶⁸ Смт. Pascal, Roy. Design and Truth in Autobiography, London:Routledge. 1960.

¹⁶⁹ Смт. В. Субботин и Л. Лазаров. «Диалог» Литературная газета. 8 маяб 1967.

¹⁷⁰ Смт. «Литература, документ, Факт». Иностранная литература, №8.. 1966. 63-117 и Манн Ю. «К спорам о художественном документе» Новый мир. 1968, №8. – С. 233 - 247. Retrieved: <http://novymirjournal.ru/index.php/allnewworld/385-1960#prim1968>

Пастернак, К. Чуковский, И. Эренбург, вышли и мемуарно-автобиографические письма военных, дипломатов, партийных деятелей, драматургов, сценаристов и др.

Таким образом, параллельно с печатью автодокументальных произведений в литературных журналах, тема жанра получила высокий приоритет в официальном советском литературоведении. В книгах, посвященных жанроведению, начали обсуждать разные аспекты жанра автобиографии. В своей двухтомной книге «Современная русская литература 1950-1990-е годы» Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий пишут, что появился в этой эпохе феномен «литературного дневника», который в основном показывает экспансию лирической тенденции на прозу. По их мнению

«Профессиональные литераторы, поэты со сложившейся репутацией, носители книжной культуры, в которой не только спрессован жизненный опыт, но и окаменели художественные клише и шаблоны, избрали независимо друг от друга жанр лирического дневника как форму, которая должна знаменовать выход за пределы беллетристических канонов, общение с жизнью напрямую, не посредственно, осязание её «в сыром виде»¹⁷¹

Русские литературоведы активно занимались проблемой «автобиографичности» в художественной работе и «художественности» в автодокументальной работе. В своей статье «Невыдуманная проза»¹⁷² Н. Дикушина писала, что «документальная проза» является требованием времени, которая по её мнению может расширять выбор художественных приемов для писателей. Она определяет термин «документальная проза» как «обширная мемуарная литература», и также признает и новый вымышленный жанр «документальная повесть». В своей статье «Мемуарная проза»¹⁷³ М. Кузнецов также обсуждает проблемы жанра автобиографических писем. В 70-х годах появились разные статьи с такими названиями как «автобиографическая проза», «мемуарная проза» и «литературная автобиография».

¹⁷¹ Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература 1950-1990-е годы. Асадема. Москва. 2003. С. 142

¹⁷² Дикушина Н. Невыдуманная проза// Жанрово-стилевые искания современной советской прозы. - М., 1971. - С.149-174

¹⁷³ Кузнецов М. Мемуарная проза// Жанрово-стилевые искания 1 современной советской прозы. - М., 1971. - С.142.

Проявление этих гибридных терминов для автобиографических писем показывает, что критики начали признавать двойной характер автобиографических писем, то есть смешение документального и художественного. Несомненно, в советской литературной критике автобиографические письма воспринимались как революционная новая форма. В 1977 году в статье «Художественная автобиография и документ»¹⁷⁴, советский критик Адольф Адольфович Урбан назвал разные виды автобиографической прозы: «досье автобиография», «автобиографические мемуары», «эстетически задуманная автобиография». По его мнению, «эстетически задуманная автобиография» (которую он рассматривает в трудах писателей XIX века Герцена и Короленко) должна быть на самом высоком уровне, затем «автобиографические мемуары» и на самом низшем уровне иерархии «досье автобиография». А.А.Урбан также создал термин «автобиографическая сказка», обозначающий те произведения, в которых автор использует свою собственную жизнь как основу художественного произведения. Э.А. Балбуров в статье «Поэтика лирической прозы» также изучил отношения между лирической поэзией и документальным беллетристическим жанром и обсудил проникновение надуманных документально-мемуарных элементов в художественные произведения.

Разные советские критики образовали разные термины, чтобы объяснить проникновение автодокументальных элементов в произведения. Термины «Документальная повесть», «литературная автобиография» «автобиографическая сказка» и др. Ключевым элементом этих терминов является «личный опыт» автора. До конца XX века в русском литературоведении критики не могли прийти к выводу, о том какой термин самый подходящий и полностью объясняет этот феномен. С развитием постмодернистской тенденции в литературном процессе продолжали использовать различные гибридные термины.

В современной литературной критике термины «автобиография» и «автобиографизм» используются противоположно. Так в «автобиографии» в большой степени существуют истинность и исповедальность, а «автобиографизм» используется при рассмотрении произведений с автобиографическим началом. В книге «Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века» А.О. Большева пишет, что «автобиографическое начало» (т.е. автобиографизм)

¹⁷⁴ Урбан, А.А. «Художественная автобиография и документ» Звезда. 1977. No 2. С. 87-95.

присутствует в большинстве художественных произведений, но «исповедальный автобиографизм», по её мнению, можно найти в таких произведениях,

*«...в которых количество проецируемого сокровенно-личностного переходит в качество, а установка (нередко бессознательная) на исповедь становится доминирующей».*¹⁷⁵

А. О. Большев подчеркивает основную проблему при становлении принципа автобиографизма в художественной работе - проблему референции, то есть взаимосвязи между лингвистической и экстралингвистической реальностью. Это значит, что автобиографизм можно понять с помощью символизма и прежде всего зафиксировать отношения между означающим и означаемым, найти реальность в художественном тексте. Однако, автобиографизм можно фиксировать с помощью биографии писателя, то есть «исповедальный автобиографизм» позволяет раскрыть в художественном произведении глубинные, душевные и сокровенные элементы личности самого автора.

В то время как все эти споры идут в русской литературной критике, жанр автобиографии не понимается как чисто документальная проза, в нем существуют художественные элементы. Автор не только описывает разные факты, случаи, события, социально-политические реалии того времени по своей памяти, но также свои воспоминания. Таким образом, автор описывает свое прошлое и в то же самое время оценивает его при описании. Вот поэтому можно сказать, что в автобиографии ощущается неизбежность художественности.

Ряд исследователей заново изучают «автобиографические элементы» в художественных произведениях не только современных писателей, но также и в произведениях романтиков XIX века. В статье «Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX века (Л.Н.Толстой «Детство»)¹⁷⁶ (2002 г.), Л.Н. Савина рассматривает художественность автобиографического письма. Л.И. Бронская в статье «Концепция личности в

¹⁷⁵ Большев, А.О. Исповедально-автобиографияческое начало в русской прозе второй половины XX века, Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. университета, 2002.

¹⁷⁶ Савина Л.Н. «Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX века Л.Н.Толстой «Детство» Монография. Волгоград. Перемена, 2002. С. 283

автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века»¹⁷⁷ (2001 г.) обсуждает границы «художественной автобиографии». Бронская, как и Савина, также глубоко изучает границу между «мемуаристкой» и «художественной автобиографией». Интересно заметить, что оба критика не использовали термин «автобиографизм» в своих исследованиях. Н. А. Николина в книге «Поэтика русской автобиографической прозы»¹⁷⁸ (2002 г.) обсуждает лингвистические и внелингвистические элементы в автобиографической прозе. В своем исследовании Николина использует термин «автобиографическая проза» для всех произведений.

Автобиографические произведения женщин-писателей редко обсуждаются. В русском литературоведении ряд исследователей изучают принцип автобиографизма в художественных произведениях XIX века¹⁷⁹ и в произведениях писателей XX века¹⁸⁰ и также нео-реалистов XXI века¹⁸¹, но автобиографические произведения женщин-писателей остаются мало изученными.

Одно из первых исследований в области женского автобиографического письма провели Барбара Хельдт и Ирина Савина. В своей книге «Terrible Perfection» Барбара Хельдт глубоко изучила отличительные традиции женского письма в русской литературе и обнаружила, что женщины-писатели достигли «ужасного совершенства» в поэзии и автобиографических письмах, поскольку эти две формы написания являются более субъективными и чувствительными, чем строго канонизированные формы, например, как роман.¹⁸² В русском литературоведении автобиографические

¹⁷⁷ Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин . Ставрополь. Изд. Ставропольского государственного университета, 2001.

¹⁷⁸ Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. Москва: Флинта; Наука, 2002

¹⁷⁹ Смет. Шалацкая Т. П. и Shalatskaya T. P. «Автобиографизм прозы А.И. Куприна», Гуманитарные исследования, 2018. No. 2(19) Retrieved: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtobiografizm-prozy-a-i-kuprina/20.10.2018>

¹⁸⁰ Смет. Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин . Ставрополь. Изд. Ставропольского государственного университета, 2001.

¹⁸¹ Смет. Богатырева, «А.И. Автобиографизм в творчестве «Новых реалистов»: На примере З. Прилепина, С. Шаргунова». Retrieved: <https://cyberleninka.ru/article/v/avtobiografizm-v-tvorchestve-novyh-realistov-na-primere-z-prilepina-s-shargunov/> 10.01.2015

¹⁸² Смет. Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987. pp.9

письма привлекали интерес исследователей, тем не менее, Ирина Леонардовна Савкина была первой женщиной, которая тщательно изучила автобиографические письма женщин-писателей XIX века. Хотя в современном русском литературоведении широко изучается проблема автобиографизма, но тем не менее письма женщин писателей редко увлекают исследователей. Более того в русском литературоведении часто уделяют внимание общим теоретическим вопросам, а половые/гендерные признаки обычно не обсуждаются. Исследовательская работа Ирины Савкиной является первым подробным исследованием, в котором обсуждаются гендерные вопросы.

В современной русской литературе стремительно росло число женских писем, а также было опубликовано множество антологий женских произведений. Женщины сформировали свою группу под названием «Новые амазонки». Причиной формирования этой группы стало то, что женщины-писательницы были отвергнуты издателями, которые считали, что женское письмо неинтересное и слишком личное, в котором женщины обсуждают семейную жизнь. Это принижение женской письменности стало причиной создания данной группы и издательства, чтобы создать отдельную литературную традицию, которую они назвали «женской прозой». Произведения современных писательниц Людмилы Улицкой, Татьяны Толстой, Нины Садур, Светланы Василенко, Людмилы Петрушевской и других считаются произведениями женской прозы.

Количество автобиографических произведений женщин возросло в этот период. Стоит отметить, что семейная жизнь не была основным направлением автобиографических трудов женщин. В их сочинениях были разные темы, такие как ретроспективный взгляд на русскую и советскую историю, воспоминания о сталинских временах, политические чистки, лагерные воспоминания и т.д. После перестройки русские женщины начали писать заново. Многие женщины писали о своем опыте в лагерях. Например, мемуары Евгении Гинзбург - одни из самых читаемых мемуаров о лагерях, опубликованных в 1980 году. Мемуары Тамары Петкевич - это мемуары о ее тюремной жизни в ГУЛАГе. Автобиографические произведения русских женщин во время и после перестройки в основном состоят из мемуаров, заметок и воспоминаний, в которых женщины-писательницы пытались описывать свои личные трагедии и собственный опыт тоталитарного насилия. Их автобиографии можно рассматривать как попытку переписать историю и дать свою версию, т.е. женскую версию советской истории. Однако, есть и другой тип автобиографических произведений, в которых

женщины-писательницы просто пытались рассказать о своей жизни в советское время. В качестве примера такого типа письма можно назвать воспоминания Елены Боннэр «Дочки-матери» (1994 г.), в которых она пишет о своем детстве в советское время. В автобиографическом тексте Людмилы Петрушевской «Маленькая девочка из «Метрополя»» на первый взгляд кажется, что писатель просто рассказывает о своей прошлой жизни, но на заднем плане дается описание советского времени и насилия тоталитарной власти. В следующей части мы обсудим автобиографию Л. С. Петрушевской «Маленькая девочка из «Метрополя»».

3.3.2 Автобиографизм и творчестве Л. С. Петрушевской

Традиции автобиографизма продолжают в творчестве современных русских писателей-женщин. Целью данной главы является исследование автобиографической прозы Л. Петрушевской с помощью её автобиографической работы «Маленькая девочка из «Метрополя»».

Известный драматург и прозаик Людмила Стефановна Петрушевская родилась в 1938 году в Москве. Л. С. Петрушевская является одним из самых ярких писателей современной русской литературы. Она начала писать в 1960-х годах, однако большая часть ее работ была запрещена к публикации до перестройки. В то время, когда власти призывали к рассказам о хорошей и простой русской жизни, Петрушевская непростительно изображала в своих произведениях мрачные реалии жизни. Это послужило причиной того, что имя Петрушевской появилось в правительственных списках наблюдения и ее телефон постоянно прослушивался. Тем не менее, она никогда не сдавалась, не потеряла духа, из-за того, что её произведения постоянно были отклонены журналами, ее пьесы были запрещены на больших национальных сценах. Она продолжала писать, и очень часто ее пьесы ставились незаконно. В современной русской литературной критике работы Петрушевской широко обсуждаются. Её работы представляют собой свои определённые черты и в них обнаруживается феномен автобиографического дискурса. Петрушевская является одним из писателей «жесткого реализма». Её произведения очень часто критиковались из-за того, что они очень мрачные и безнадежные. В современной русской литературной критике произведения Петрушевской считаются типичными образцами «другой прозы», так как в них обсуждаются запрещенные жизненные реалии.

Петрушевская неоднократно говорила, что она находит темы, мотивы, персонажей из своей жизни и из людей, с которыми она сама встречалась или

наблюдала на улице. В своем интервью ведущей интернет-газете, когда ее спросили о ее процессе написания, она прокомментировала, что

«В реалистических рассказах всегда что-то есть из настоящей жизни, из того, что было на самом деле, - в мистических, правда, тоже. Это истории, которые происходили на самом деле, пусть закамouflированные и измененные, перемешанные другими такими же. Как бы музыкальные произведения с разными темами...

- Мне все время свои и чужие люди рассказывали свою жизнь, везде меня находили- в поликлинике, в поезде, на каком-то скверике, но и я подслушивала(пьеса «Анданте» родилась после долгого стояния в очереди в универмаге «Москва», передо мной стояли две женщины, приехавшая домой жена посольского работника горячо жаловалась на мужа своей подруге. И мне- незапланированно.)»¹⁸³

В другом интервью она повторила тоже самое, что темы его произведений извлечены из повседневной жизни. Она пишет, что

«...Мое рабочее место на площади, на улице, на пляже. На людях. Они, сами того не зная, диктуют мне темы, иногда и фразы ... А я все равно поэт. Я вижу каждого из вас. Ваша боль – моя боль.»¹⁸⁴

Это утверждение автора также объясняет не только, откуда она берет свои темы, но и языковые материалы, такие как словарь и синтаксис определенного персонажа, о которых она намеревается рассказать в своих работах. Если мы тщательно проанализируем её произведения, то обнаружим, что Петрушевская старается изо всех сил, чтобы её работы и персонажи были как можно более реальными. Очень часто она рассказывает о судьбах людей, принадлежащих к «дну общества»: об алкоголиках, наркоманах, грабителях, проститутках, нищих и одиноких матерях. Петрушевская никогда не использует изощренный язык в своих работах, она позволяет своим персонажам говорить на их собственном жаргоне. Однако, очень часто Петрушевскую резко критикуют за такой метод написания и за сниженную лексику произведений. Лексический строй её произведений стимулирует к отдельному

¹⁸³ <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/characters/2018/05/25/770697-rasskazivali-istorii> 04.09.2018

¹⁸⁴ Сушилина, И.К. Современный литературный процесс в России, Москва, Изд-во МГУП, 2001.С.130

литературно–лингвистическому исследованию. Тем не менее, преднамеренная попытка Петрушевской выбирать темы, персонажей, мотивы и язык из своего окружения объясняет тот факт, что автобиографические элементы неизбежны в её произведениях. Вот поэтому книга «Маленькая девочка из «Метрополя»» является очень интересной, в ней вместе с её эссе и другими статьями опубликована её автобиография.

В книге «Маленькая девочка из «Метрополя»» Петрушевская рассказывает о своей жизни, а также о своих первых пьесах и рассказах. Большая часть посвящена тяжёлому детству автора в советской России. Начиная с названия книги, то есть «Маленькая девочка из «Метрополя»», каждая глава имеет определённое название и значение. Автор предпочитает писать о своей жизни не хронологически, а как произошли важные события в её жизни, то есть автор уделяет большое значение происходящим событиям, чем хронологическому повествованию её жизни. Вот поэтому каждая глава имеет свой собственный заголовок со значительным смыслом.

Жанровые специфики автобиографии Л. Петрушевской

Жанровая специфика этой автобиографической прозы заключается в том, что автор сама называет свою автобиографию «повесть о жизни», а не просто как автобиография. В 2009 году вышла в свет книга «История из моей собственной жизни», в которую она включила и повесть «Маленькая девочка из «Метрополя»: эссе, воспоминания, рассказы». Редактор Антонина Балакина назвала эту книгу «автобиографический роман».

Книга «Маленькая девочка из «Метрополя»» включает тексты на разные темы, которые были написаны по заказу разных журналов. На первый взгляд цель автора заключается в том, чтобы описать что она и её семья пережила во время войны, но с другой стороны она также позволяет читателями самим оценить описываемое.

Книга «Маленькая девочка из «Метрополя»: повести, рассказы, эссе» вышла в свет в 2006 году. Как видно из самого названия, эта книга является сборником «повестей о жизни», рассказов и эссе. Книга состоит из шестнадцати глав, автобиографическая повесть Петрушевской «Маленькая девочка из «Метрополя»» является одной из глав в этой книге. Каждая глава имеет самостоятельный жанровый статус, но они все объединены в единый текст, в котором представлены жанровые особенности автобиографического модуса написания.

Автобиографическая повесть о жизни автора «Маленькая девочка из «Метрополя»» вышла в свет как самостоятельный текст в 2004 году. Автобиографическая повесть стала очень популярной среди читателей, ее очень хвалили критики. За эту автобиографию Петрушевской присудили престижную Бунинскую премию в 2004 году.

Использование гибридных терминов, таких как «автобиографическая повесть» и «автобиографический роман» показывает сложность петрушевской письменности. Книга «Маленькая девочка из «Метрополя»» является ярким примером постреалистических произведений, в которой сливаются разные жанры и появляется хаотический текст. В этой книге разрушаются грани документальных и художественных жанров и появляются автобиографический рассказ, автобиографическая повесть, автобиографический роман и т.д.

В автобиографии Петрушевской обнаруживается художественная чуткость, которая приближает её более к автобиографическим письмам Толстого, Достоевского, Чехова и Горького, чем к автобиографическим письмам Довлатова, который пользуется автобиографическими элементами, развивая сюжеты своих художественных произведений, и чаще всего он и является главным героем в произведениях. Можно сказать, что «петрушевский автобиографизм» немного отличается от «довлатовского автобиографизма». Людмила Петрушевская тоже пользуется своим собственным жизненным опытом, но очень редко она сама является главным героем своей работы. Даже в данной автобиографической работе «Маленькая девочка из «Метрополя»», позиция автора-рассказчика и девочки (ребёнка) совсем не совпадают. Образ маленькой Петрушевской является несвязанным с взрослой Петрушевской. Автобиография «Маленькая девочка из «Метрополя»» является эпизодическим повествованием о собственной жизни писательницы Л. Петрушевской, она состоит из тридцати трёх виньеток или эпизодов.

Тем не менее, в данной работе авторская позиция является разнообразной и многогранной. Эта автобиографическая повесть - документ о прошлой жизни Л. Петрушевской, в котором она не только отражает свои воспоминания, но и образ своего личного восприятия действительности. Как мы уже говорили в предыдущей главе, критики не сомневаются, что автор использует литературные приемы, которые потом сливаются в художественные элементы, рассказывая о своем личном опыте в автобиографических письмах. Размышляя о слиянии художественности и документальности в автобиографических текстах, критик М. Абашеева пишет

*«Современная мемуарная проза разрушает прежние каноны. Современные мемуары, как правило, представляют собой вполне функциональное повествование, только имитирующее под документальное и не очень скрывающее такую мистификацию.»*¹⁸⁵

М. Абашеева наблюдает, что в современных автобиографических текстах существует межжанровый синтез и в них «формируется синтетический мета дискурс». Автор не только пишет о своём прошлом, но и самопознаёт себя в процессе написания. Критик А. Найман точно заметил, что в автобиографиях главное «не вспоминать, а понимать»¹⁸⁶. В этой автобиографии мы наблюдаем слияние художественных элементов с документальными. В книге «Маленькая девочка из «Метрополя»», Петрушевская не только вспоминает, а также описывает окружающую действительность того времени и в процессе пытается «понимать» то, что она не смогла постичь в своём детстве.

В автобиографии Петрушевской можно обнаружить слияние художественности с документальностью. Художественная рефлексия прошлого является отличительной чертой повествования данной автобиографии. Не только наблюдаются художественные элементы в автобиографических текстах, но также и автор сознательно не отделяет свои автобиографические тексты от своих художественных произведений, рассказов и повестей, все они опубликованы под названием «Маленькая девочка из «Метрополя»: повести, рассказы, эссе». Это слияние вымышленного с документальным и наоборот, а также межжанровый синтез в книге «Маленькая девочка из «Метрополя»» представляет собой сложный процесс рождения нового литературного процесса в современной русской литературе. Современные литературоведы называют этот феномен как «новый автобиографизм» или «довлатовский автобиографизм»¹⁸⁷. Родоначальником этого течения в русской литературе является Сергей Довлатов, который извлекает из собственной жизни сюжеты своих произведений. Как замечает критик Марк Липовецкий в своей статье «И разбитое зеркало»

¹⁸⁵ Абашеева М. Литература в поисках лица: Русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности, Пермь, 2001. С. 123-127

¹⁸⁶ Там же. 125

¹⁸⁷ <http://magazines.russ.ru/project/arss/ezheg/lipovec.html>, retrieved. 12.12.2018

«Довлатовский автобиографизм при этом очень литературен. Не случайно его проза вызывает такое множество ассоциаций. Так, Илья Серман, подчеркивая, что “главный герой довлатовской прозы- он сам”, тут же сравнивает этого героя с таким литературным персонажем, как Остап Бендер, Виктор Топоров находит сходство с нью-йоркской школой (Сэлинджер, Андаик, Рот, Беллоу), А. Генис и П. Вайль встраивают автобиографического героя Довлатова в ряд “лишних людей” русской классической литературы.»¹⁸⁸

В произведениях Петрушевской также можно обнаружить автобиографический дискурс, в котором автор пользуется своими собственными переживаниями и развивает их с многочисленными вариациями в художественных произведениях. Если в произведениях Довлатова «автор сам является главным героем»¹⁸⁹, то в произведениях Петрушевской автор рассказывает о реальных событиях и переживаниях, происходивших в ее жизни, от лица главного героя.

Вторая глава называется «Начало». В этой главе автор рассказывает о своих самых ранних воспоминаниях детства и семье. Отель «Метрополь» был открыт в 1905 году на Театральной площади в центре Москвы. Как и другие знаковые гостиницы того времени, такие как «Уóлдорф-Астóрия» в Нью-Йорке, «Кларидж» в Лондоне, «Ритц» в Париже, гостиница «Метрополь» в Москве была символом роскоши и высокого уровня жизни.

После октябрьской революции, победившие большевики, решили перенести столицу в Москву после 400 лет в Санкт Петербурге. В то время Москва не имела необходимой инфраструктуры, чтобы стать новой столицей. Поэтому большевики захватили отель «Метрополь», переименовали его как «Второй дом Советов» и использовали для размещения различных отделов молодого государства. Именно в этом же отеле, в комнате 217, первый председатель Всероссийского исполнительного комитета Яков Свердлов запер конституционный редакционный комитет, пообещав, что не повернёт ключ, пока не закончат свою работу. Через несколько часов комитет подготовил документ, который официально провозглашал победу пролетариата над буржуазией.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

В этой же гостинице 26 мая 1938 года родилась Людмила Петрушевская. Её прадед Илья Сергеевич Вегер был большевиком, членом российской социал-демократической рабочей партии с 1898 года. Бабушка Петрушевской, Яковлева Валентина Ильинична, тоже была членом партии с 1912 года. Бабушка жила в гостинице «Метрополь» с дочерьми Верой и Валентиной. В то время жить в этой гостинице было очень престижно, так как там жили выдающиеся революционеры и размещалось партийное правительство. Во время войны многие из родственников Петрушевской были арестованы и казнены, вся её семья получила статус «врагов народов». Об этом пишет автор

«Весной этого проклятого года произошли страшные события. В мае был арестован и подвергнулся допросам бабушкин брат Женя Вегер, член Политбюро Украины и секретарь Одесского обкома партии, была арестована и шла к расстрелу его сестра Леночка Вегер (она долгие годы руководила секретариатом у Калинина). Был арестован и казнен муж Аси, бабушкиной сестры, а саму Асю увели почти год спустя, она много лет просидела в ГУЛАГе. Расстрельный приговор тогда мягко называли «десять лет без права переписки»¹⁹⁰

Вся семья Петрушевской жила в постоянном страхе, что их в любой момент могут арестовать.

«Остальным приходилось ждать внезапных гостей. Это была пытка. Каждую ночь бабушка вроде бы улавливала шум, как будто машина останавливается где-то вдали, открывается калитка, и очень явственно слышатся шаги по гравии.»¹⁹¹

Петрушевской пришлось нести на себе груз оскорблений все своё детство. Её семья, которая когда-то жила в престижной гостинице «Метрополь», вынуждена была бродить по улицам в поисках нового жилья. После ареста родственников, квартира бабушки в гостинице была заперта. Когда она вернулась в гостиницу, их дом был опечатан полицией и разведкой партии.

¹⁹⁰ Петрушевская, С.Л. Маленькая девочка из «Метрополя», Санкт-Петербург. Изд-во: Амфора, 2006, С. 27

¹⁹¹ Петрушевская, С.Л. Маленькая девочка из «Метрополя», Санкт-Петербург. Изд-во: Амфора, 2006, С. 27

Потеряв свой дом, они начали жить в доме Деди,(так звала Петрушевская своего дедушку), который находился в соседнем подъезде гостиницы «Метрополь». Эта гостиница была первым домом Петрушевской. Она была «девочка из гостиницы «Метрополя», избалованная малышка, которая теперь лишилась дома и спустилась в нижние районы Москвы, занятые проститутками, попрошайками и бездомными (интересно отметить, что в современное время гостиница «Метрополь» остается роскошной гостиницей, но чаще всего днём там можно видеть проституток в мини-юбках и прозрачных колготках. Их иногда называют на московском повседневном сленге «девушки из Метрополя»)

Семья Петрушевской не только была лишена своего дома, но и отчуждена от общества. Официальный статус семьи автора, то есть «врагов народа», была не шутка. Во время войны все страдали, но семья Петрушевской страдала ещё больше из-за этих проблем.

Во время эвакуации Петрушевская с бабушкой и тетей переселилась в Куйбышев (ныне Самара). Мама Петрушевской в поисках работы уехала в Москву. В Куйбышеве они много пережили. Петрушевская жила с бабушкой и тетей в коммунальной квартире. Там соседи не приняли их, в продовольственных очередях они всегда были последними, полиция не защитила их даже тогда, когда на них напал сосед с топором. Они были легкой мишенью, с которой легко справиться любому хулигану и уличному бандиту. Они были «врагами народа» для всех.

«Так вот, мы остались в Куйбышеве втроем, я, бабушка и тётя. И вот тут начался настоящий голод. ...»

...Жили мы на то, что присылала мама – на алименты от моего отца Стефана Антоновича, молодого философа.»¹⁹²

В главе «Куйбышев: способы существования» автор вспоминает трудные дни и страдания своей семьи, в это время весь народ страдал от голода и нищеты из-за войны. Длинная очередь в хлебную лавку, люди занимали очередь утром и стояли там на морозе долгое время. Как вспоминает автор

«Занимали очередь утром, ещё в тьме, на морозе. Хвост вился в белых снегах, очередь в хлебную лавку, к тяжёлой, замороженной двери....»

¹⁹² Там же. С. 56

... каждый прижавшись к впереди стоящему, чтобы его не потерять. Формула «кто последний, я за вами» - это было спасением в хаосе войны.»¹⁹³

Борьба за выживание семьи автора не заканчивалась бесконечными очередями в хлебной лавке. Поскольку официальный статус ее семьи был «враги народа», им были предоставлены не продовольственные/продуктовые карточки, а иждивенческие карточки. На имя Петрушевской выдали детские карточки, на которые они могли купить хлеб для трех человек. Детская карточка конечно не могла обеспечить достаточного количества хлеба для двух взрослых и ребёнка.

«В войну все было по карточкам. Карточки у нас с Бабой и Вавой были одна детская и две иждивенческие. На них мы покупали черный хлеб, при этом из карточки продавица вырезала талоны. К концу месяца бывало, что весь хлеб оказывался «выбран».¹⁹⁴

Ее автобиография еще интересна и уникальна тем, что война изображается глазами ребенка. Голод и нищета были невыносимы для ребенка, но Петрушевская пишет обо всем этом с несравненным (черным) юмором.

Семье Петрушевской не разрешили пользоваться большинством удобств коммунального дома. Им не разрешали мыться горячей водой в общей ванной, поэтому они мылись в своей комнате. Однажды её бабушка пыталась принять горячую ванну в общей ванной, об этом узнали соседи и на неё напал сосед с топором. Петрушевская с жутким юмором пишет об этом инциденте

«Мы мылись холодной водой в комнате. Однажды бабушка закричала из коридора. Мы вбежали, она лежала в луже крови на пороге кухни. Муж Рахили, застав её в ванной, ударил мою маленькую бабушку топором по голове, чтобы ей не повадно было ходить туда. Слава богу, что удар прошел по касательной. Вава вызвала «скорую», врач забинтовал бабушкину седую голову (единственное, что на ней было белое за все пятнадцать лет, которые мои родные провели в Куйбышеве)»¹⁹⁵

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. С. 66

Её бабушка была большевиком, активным членом партии, она воевала против Белой армии, но сейчас на нее бросаются с топором. Только Петрушевская может сказать об этом ужасе и тяжелой судьбе своей семьи с таким юмором, который настолько мрачен, что трогает читателей. Судьба её семьи, о которой Петрушевская пишет с такой легкостью - это ужас для читателя. Ее семья прошла путь от членов большевистской и правительственной элиты в 1930-х годах до официального статуса «врагов народов», жизни в голоде и нищете. Голод заставлял её бабушку и тётю искать пищу в мусоре соседей и возле клуба офицеров.

«Разумеется, майор, Кретин и Фурия выкидывали толстые картофельные очистки, селедочные хребты с головкой, зелёные капустные листья. Горелых хлебных корок почти не имелось. Но это надо было тоже добыть, избежавши позора и ругани! Т.е. когда соседи спали. Если удавалось достать керосин, баба варила суп!»¹⁹⁶

Лишения и сложность жизни народа во время войны является центральной темой в автобиографии Петрушевской. Ужас авторитарного правительства описывается глазами девочки на примерах членов её семьи. Автобиографическая повесть Петрушевской полна темами потери от ареста до казни советских людей. Собственная судьба членов ее семьи описана от изгнания из их дома до голодных дней в Куйбышеве. События, о которых Петрушевская пишет в своей автобиографии, покажется знакомым любому человеку, имеющему базовые знания советской истории. Несмотря на все трудности Петрушевская говорит: «Во всем остальном у меня было нормальное по тем временам детство».¹⁹⁷ Однако, в автобиографии мы неоднократно сталкиваемся с событиями, в которых описываются невообразимо тяжёлые, голодные и холодные детские годы писателя. Детские годы автора были жестокие, она была лишена еды, одежды и обуви, в основном всего самого необходимого для жизни. Судьба автора была общей судьбой народа того времени. Маленькая Петрушевская бродила по улицам в поисках еды, вместе с ней также ходили другие «беспризорные» дети, которые просили милостыню на улицах. «Днём я, как полагается беспризорному ребёнку, побиралась, то есть просила милостыню.»¹⁹⁸

¹⁹⁶ Там же. С. 67

¹⁹⁷ Там же. С. 72

¹⁹⁸ Там же. С. 74

Эта автобиографическая повесть - интимная, богато текстурированная и удивительная история выживания автора при враждебном режиме. Военные годы в Куйбышеве отмечены голодом, по словам Петрушевской «голод был сильнее опасности».¹⁹⁹ В главах «Начало войны» и «Куйбышев» автор описывает укрытие в бомбоубежище, подробно описывает поезд, перевозящий товары во время эвакуации, постоянный голод, длинные очереди за хлебом.

Таким образом, первые детские годы жизни автора связаны с войной. Но когда мы читаем автобиографию, то находим в них, что она как любой ребёнок её возраста бегала по улицам, играла с другими детьми, которые тоже не подозревали о своих жалкой жизни и просили милостыню на улицах.

В главах «В поисках еды» и «Мои концерты» мы знакомимся с семилетней девушкой, которая исполняла песни и зарабатывала, не протягивая руку и прося милостыню. Как с гордостью пишет Петрушевская

«А летом я просила милостыню. Я побиралась, не протягивая руку, а ходила по незнакомым дворам, становилась где-нибудь у сарая (там обычно бегали дети и сновали старухи) и начинала петь. Это были песни типа «На полянке возле школы», «По росистой луговой», «По берлинской мостовой»»²⁰⁰

Ещё один случай, о котором с гордостью вспоминает автор - это её чтение «Портрета» Гоголя. Она могла читать эту повесть наизусть. Её выступление произвело сильное впечатление на одну женщину, которая подарила ей зелёную кофту. У неё были свои собственные инновационные идеи как прокормить себя. Она стояла возле продуктового магазина, около которого были всегда длинные очереди нищих. Маленькая девочка была настолько истощена, что она залезла под карниз, склонив набок свою голову и так стояла. Её склоненная набок и неудобно вывернутая голова под кассой была так ужасна, что люди начали подавать ей мелочь. Об этом больно читать, но автор пишет об этом эпизоде с юмором

«Как я предполагаю сейчас, на моем довольно подвижном лице застыло выражение нечеловеческого страдания, поскольку стоять в одной, да ещё и искривленной позиции является самой страшной карой для ребёнка. Я

¹⁹⁹ Там же. С. 71

²⁰⁰ Там же. С. 85

совершенно честно мучилась. Но и уйти, когда всех выгнали, а ты спряталась, да так удачно, нельзя. Я терпела и страдала. Возможно, что у меня было несчастное красное личико и брови трагическим домиком. Такая святая мученица-ребёнок с вывернутой кривой шеей. Сердца людей разрывались от жалости...

... как только я поняла все мне стало стыдно до настоящего ужаса. Сердце ушло в пятки. Это был бы позор, если бы они узнали, что я на самом деле не больная... Держа голову к плечу, ещё больше кренясь, я отлепилась от кассы и проделала путь к выходу из магазина (мимо своих братьев – нищих), но и некоторое время на улице все сохраняла свою кривую позу. Только зайдя в какой-то двор, я спряталась в кусты, села к стене и посчитала свое богатство. Мне подали четырнадцать рублей!»²⁰¹

Её страдания закончились возвращением матери из Москвы, с которой она встретила через четыре года после ее отъезда туда. В главе «Другая жизнь», автор описывает то, как она сбежала от женщины, которая усыновила её. Петрушевская рассказывает, что она всегда ждала свою мать и не любила «чужие руки». Она сбежала из своего нового дома. Когда Петрушевская встретила с матерью, она «поперхнулась и зарыдала от счастья». Воссоединение матери и дочери так красиво описывается в этой главе, что оно трогает до глубины души читателей

«Я поперхнулась и зарыдала от счастья, меня как взорвало. Я не видела мою дорогую четыре года. Родное лицо улыбалось мне, но появились и ямочки под глазами (они возникли, когда мама хотела плакать от умиления, например, когда она видела меня после разлуки; и точно такие же ямочки теперь у моей дочери). Моя мама усадила меня и стала как маленькую кормить с ложечки манной кашей, которую она специально в ожидании сварила – молоком маслом и сахаром. Меня вырвало.»²⁰²

Маленькая девочка так привыкла к голоду, как сама пишет автор, что «голод я переносила легко, мы голодали уже давно». Когда мама дала ей манную кашу, её вырвало! Возвращение мамы из Москвы привело ее в «другую жизнь», после долгого

²⁰¹ Там же. С. 90-91

²⁰² Там же. С. 94

времени она хорошенько вымылась и надела новую одежду. Потом с мамой маленькая Петрушевская улетела в Москву. В аэропорту Петрушевская лежала на «деревянных брезентовых раскладушках и на чистейших белых простынях», но девочка не могла спать, так как «запах свежего белья, высушенного на солнце во дворе! Мама рядышком и спит, держа меня за руку!»²⁰³

Автобиографическая повесть о детстве является одной из самых популярных тем среди русских писателей, так как существует этот жанр в творчестве русских писателей на протяжении нескольких веков. В качестве примера можно назвать русских писателей, таких как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А. М. Горький, И. А. Бунин, К. И. Чуковский, В. Распутин, В. Астафьев и другие. Петрушевская предпочитает пользоваться чаще всего местоимением «Я» и вспоминает своё детство глазами взрослого человека. В автобиографии мы обнаруживаем две героини: маленькую девочку (ребёнок Петрушевская) и саму автора (взрослая Петрушевская). Идентичность обеих героинь переплетена друг с другом, так как они один и тот же человек только в разное время. Внутренний мир маленькой девочки (маленькой Петрушевской) и её поведение воссоздают истории собственной жизни самого автора (взрослой Петрушевской). Таким образом, маленькая девочка и взрослый автор вместе описывают живой портрет Петрушевской.

В автобиографии Л. Петрушевской объектом пристального внимания является не только тяжёлое детство автора во время войны и то как её семья страдала из-за жестокой и недобросовестной политики советского правительства. Её дедушка Николай Фиофанович Яковлев был профессором лингвистики и знал одиннадцать языков и семьдесят диалектов Кавказа. Он даже создал алфавиты для диалектов Кавказа. Он был признан среди славистов, лингвистов и математиков. Его уволили и осудили за то, что он не сразу похвалил статью «Марксизм и проблемы языкознания», которая была написана Сталиным. Бабушка Петрушевской была бывшая «курсика» Бестужевских курсов в Санкт Петербурге, активно участвовала в революции. Она была настоящей революционеркой, но так жестоко повернулась вверх дном её судьба.²⁰⁴

Автобиографическая повесть Петрушевской не только является виньетками о семейной беде, тяжёлом детстве и жестоком тоталитарном правительстве, это история совершеннолетия одной нищей, которая бегала босиком по снежным улицам зимой в

²⁰³ Там же. С. 95

²⁰⁴ Там же. С. 45

поисках еды и преодолела все невзгоды. Теперь она одна из самых популярных писателей России.

Автобиографизм и творчество Петрушевской

В автобиографической повести Петрушевской обнаруживаются практически все основные мотивы и темы, которые главным образом обсуждаются в творчестве Петрушевской, например: семейная жизнь, сумасшествие, одиночество, старость, болезнь, смерть, нищета и голод. Рассматриваемая автобиографическая повесть является художественно-документальным повествованием о жизни, совершеннолети и становлении советской писательницы, произведения которой были запрещены долгое время. Автобиография Петрушевской поражает своим особым повествовательным стилем и широким диапазоном обсуждаемых в ней тем. Как мы уже обсуждали, автобиографическая повесть «Маленькая девочка из «Метрополя»» состоит из более двадцати пяти виньеток или эпизодов. Виньетки существуют как самостоятельный текст и их можно читать как отдельные рассказы. Все эти рассказы о жизни тематически очень разнообразны: социальная отчужденность, проблема бездомности, жестокая политика тоталитарного правительства, проблема матерей-одиночек, страдания народа из-за нищеты, голода и холода во время войны. Все эти темы глубоко обсуждаются в автобиографической повести Петрушевской.

Семья Петрушевской жила роскошной жизнью в престижной квартире в гостинице «Метрополь», пока её родственники не были арестованы. После их ареста, её семья получила официальный статус «врагов народа» и началась их социальная отчуждённость.

Отец Петрушевской решил оставить её мать. Он отказался жениться на ней, потому что родственники матери были арестованы за антиправительственную деятельность. Мать принадлежала к семье «врагов народа». Однако, отец потом передумал и женился на матери, но вскоре оставил её после свадьбы. Петрушевская столкнулась с социальным отчуждением вместе с матерью ещё до своего рождения. Дядя Петрушевской во время эвакуации переселил её вместе с бабушкой и тётёй в Куйбышев, женился во второй раз, продолжая жить в Москве. В Куйбышеве с ними плохо обращались. Социальная отчужденность сильно повлияла на судьбу Петрушевской и её семьи. Во время войны большинство народа страдало из-за голода

и холода, но страдание Петрушевской и её семьи было более жестоким из-за социального отчуждения.

Тему социальной отчужденности можно найти во многих художественных произведениях Петрушевской. Например, в одном из самых популярных своих рассказов «Дочь Ксении» писательница обсуждает проблему матери-одиночки. Ксении, мать-одиночка является главной героиней рассказа. Она проститутка и много переживает из-за своей профессии. Она старается сделать все возможное для своей дочери, чтобы ей не пришлось сталкиваться с социальным отчуждением, подобным ей. Очень часто главным героем в её произведениях являются те люди, которые отчуждены в обществе. Их все ненавидят и считают позором в обществе, например, проститутки, алкоголики, нищие и др. Вот так проявляется автобиографизм в художественных произведениях Петрушевской на уровне тем и мотивов.

Бездомность семьи Петрушевской широко обсуждается в её автобиографии. Их выгнали из их дома в гостинице «Метрополь». В Куйбышеве они жили в коммунальной квартире. После войны, Петрушевская с матерью переехали в квартиру прадедушки Ильи Сергеевича в Москве. Там они спали под обеденным столом. Жена Деди не хотела, чтобы они жили там и поэтому им пришлось переехать в дом другой родственницы, которую она звала мамаша. Этот дом находился на одной из тенистых улиц Москвы и там было полно народу. О своём новом доме она пишет

«В доме было полно народу, в том числе и бегали какие –то её внуки и правнуки, но я ни с кем не познакомилась. Мне это не было нужно.»²⁰⁵

Тема дома многократно проявляется в художественных произведениях Петрушевской. В повести «Время: ночь», одной из главных тем является многолюдный дом, в котором живут люди трёх поколений. Главный герой повести «Маленькая Грозная» все время думает и стремится к созданию своего дома.

Женщины занимают очень важную роль в жизни Петрушевской. Ее воспитывали женщины, так как отец оставил ее, когда она была ребенком. Она редко пишет об отце в своей автобиографии, значительное место там занимает ее мать. Поэтому тема матери и дочери является часто повторяющейся в ее художественных произведениях, например, таких как «Время ночь», «Дочь Ксении», «По дороге бога Эроса», «Тайна дома» и др.

²⁰⁵ Там же С. 103

Можно сделать вывод, что Петрушевская создала свою автобиографию по принципу своих художественных работ, то есть каждый эпизод имеет свое заглавие, тему, мотив и повествовательный стиль. Некоторые эпизоды рассказываются от первого лица, то есть автор является рассказчиком, другие - от третьего лица, например, в главе «Незрелые ягоды крыжовника». В этой главе автор дает описание своего проживания в санатории для ослабленных детей. Во многих главах писательница смешивает разные повествовательные стили. Например, в главе «Находка», писательница описывает многие эпизоды прямой речью; разговор по телефону с редактором радио, который предложил ей работу в Петропавловске. В главе «Незрелые ягоды крыжовника» она говорит о себе в третьем лице: «Мама превезла девочку в санаторий для ослабленных детей и оставила там...девочка-то попала именно в барскую усадьбу с колоннами, с высокими потолками, дортуар был устроен в зале»²⁰⁶ Это девочка была сама автор. Эта смесь стиля письма показывает, что Петрушевская едва ли заботится о каноническом определении автобиографии.²⁰⁷

Автобиография Петрушевской представляет собой типичный пример того, что в современной русской литературе автобиографический дискурс является доминантным. В автобиографической повести «Маленькая девочка из «Метрополя»» также обнаруживается замечательный синтез художественного с документальным. Самосознание и самопознание через автобиографический дискурс и гендерные вопросы.

Автобиографическое произведение Петрушевской можно рассматривать, как носитель широкого спектра смысла. Как полагают многие феминистские критики, физическая сторона процесса письма, т.е. «graph», может также помочь в поддержании контроля над конечным продуктом процесса создания. Особенно это важно в автобиографии Петрушевской, которая трактует текст, как средство вернуть себе власть над своей прошлой жизнью. Автобиографическая работа Петрушевской содержит несколько феминистских следов. Как утверждают многие феминистские критики автобиографического письма женщин, женщины-писатели через свои автобиографические письма бросают вызов традиционным текстовым формам и

²⁰⁶ Там же. 125

²⁰⁷ что требует прямого повествования от первого лица.

усиливают своё влияние на производство письменных форм.²⁰⁸ Как мы уже обсуждали, творчество Петрушевской включают в канон «другой прозы». Этот термин создан критиками, чтобы разделить творчество и писателей, которые нарушают все традиционные методы и создают свою собственную традицию. Собственный метод написания Петрушевской не может быть полностью привязан к другим существующим методам. В автобиографии Петрушевской сливаются не только разные жанры, такие как рассказ, анекдот и стихи, но также принципы нового автобиографизма, родоначальником которого является Сергей Довлатов, с традиционным автобиографизмом. Автобиографию Петрушевской можно рассматривать не только так, что писатель пытается подорвать правила и нормы доминирующей традиции, которая является исторически исключительной для женщин-писателей, но также как «диалектические переговоры с её собственным представлением» (как аргументировали феминистские критики Домна Стантон и Нэнси К. Миллэр).

Автор начинает свою автобиографию с главы «Вместо интервью», которая адресована госпоже М. (скорее во всего одна из её издателей). В течение очень долгого времени своей карьеры, Петрушевская редко давала или вообще отказывалась давать какие-либо интервью. Только после того как она стала популярной на западе, она начала давать интервью и сделала себя немного более публичной, присоединившись к платформам социальных сетей, таким как Фейсбук²⁰⁹, и создала официальный сайт²¹⁰ автора. В этой главе наблюдается собственный стиль написания автора, при котором она адресуя госпоже М., отвечает на вопросы. Эти вопросы задавали ей критики запада и России. Автор отвечает на вопросы, которые чаще всего задают ей критики, например, почему она пишет о жутких вещах и о тяжелой судьбе женщин, почему в её произведениях почти нет положительных героев и т.д. Петрушевская очень подробно отвечает на эти вопросы в главе. Она твердо защищает свой метод и стиль написания, аргументируя, что она не первая у кого есть такой стиль письма. У великих писателей прошлого, таких как Карамзин, Чехов, Толстой и др. тоже можно найти такой стиль написания. Таким образом, Петрушевская утверждает, что на сегодняшнем этапе

²⁰⁸ Смт. Gilbert, Sandra M. and Susan Gubar. "Infection in the Sentence: The Woman Writer and the Anxiety of Authorship." *Feminisms: An Anthology of Literary Theory and Criticism*. Ed. Robyn R. Warhol and Diane Price, Herndl. New Brunswick: Rutgers University Press, 1997. 21–32.

²⁰⁹ <https://www.facebook.com/profile.php?id=100011484663674>

²¹⁰ <https://petrushevskaya.ru/> и <https://petrushevskaya.livejournal.com/>

развития литературы современным писателям трудно выбрать совсем новый сюжет, очень часто они продолжают традицию и также делает и она. Петрушевская пишет

« Когда мне наши отечественные исследователи тычут в нос статьи, где написано, что я интересуюсь все больше какими-то жуткими сюжетами, и вообще, все ли в порядке с добротой у этого автора, то приходится в панике ссылаться, что я не первая. У Карамзина Лиза утопилась, у Гоголя тоже то утопленница, то Плюшкин, то Наздрев с Виём, один другого краше персонажи. У Чехова, у Бунина в «Темных аллеях». У Достоевского- то! У Набокова! Сидит человек в тюрьме и вспоминает, как жил с ребёнком своей жены. А ведь это классики, наши учителя.»²¹¹

Петрушевскую часто критикуют за то, что её произведения очень мрачные, она «ещё хуже своих героев» и (она сама) «какой-то монстр безжалостный». На такую критику автор отвечает, что

«...мои сказки (все как на подбор с хорошими концами) их (критикам) не веселят. Чернуха и есть чернуха!...

...(Мои товарищи по студии как-то раз обозлились и ответили на это: «А что, краснуха?») Дело происходило ещё в СССР, где красный цвет царил повсеместно, в том числе и в искусстве. Сейчас в основном господствует желтуха, желтая печать.»²¹²

Завершая данную главу автор пишет

«Но вот читатель – он не помнит добра, не помнит сказок. В его бедном, как шип торчит прочитанная новелла или уведенная пьеса. И читатели горько упрекают автора, не прощают ему, помнят... Иногда долга.»²¹³

Интересно отметить, что начиная свою автобиографию с этой главы автор, прежде всего знакомится с читателями как писатель, это её предельная идентичность. Она могла бы начать свою автобиографию со своих детских историй, как в

²¹¹ Петрушевская, С.Л. Маленькая девочка из «Метрополя», Санкт-Петербург. Изд-во: Амфора, 2006, С.8

²¹² Там же. С.12

²¹³ Там же. С.21

большинстве случаев авторы предпочитают делать, но она начинается со своей непосредственной, с трудом заработанной идентичности.

Эту главу также можно читать как пролог к её автобиографии. Когда читатель заканчивает чтение этой автобиографии, то как будто он завершает весь круг и достигает точки, с которой она начала, т.е. зафиксирование своей идентичности как писателя.

Если мы попытаемся проанализировать первую главу «Вместо интервью» через гендерную политику, то мы увидим, что автор успешно представляет себя не как женщина, дочь, жена, сестра и т.д., а как индивид/человек со своей публичной идентичностью как автор. Мы не можем сказать об этом с полной уверенностью, но все таки сознательно или подсознательно автор сделала политическую точку, которая широко обсуждается гинокритиками запада, т.е. Петрушевская отказалась «исполнять свой пол» первой, скорее представилась личностью как индивид с профессиональными качествами.

Рассматриваемый автобиографический текст Петрушевской, также является ярким примером того, как язык литературы позволяет женщинам-авторам преодолевать препятствия и ограничения, наложенные фаллоцентрическим миром (т.е. миром, в котором доминирует мужская пропаганда).

Благодаря письму, женщины-авторы получают возможность раскрыть свой творческий потенциал и вернуть себе территорию для неограниченного самовыражения. Чтобы создать действительно мощный текст, они прибегают к различным стилям и техникам письма. При этом помогают Петрушевской её локализованные знания об окружающей среде и чувствительности, с помощью которых она описывает свои травмы. Это позволяет нам рассмотреть данный текст как типичную феминистскую автобиографию; исследуемая книга является феминистской во всех смыслах, во-первых, описываются в автобиографии не только травмирующие опыты автора, а также судьбы других женщин и то, как они относились к социально-политическим реалиям.

В автобиографии Петрушевской обсуждается судьба женщин её семьи, которые пострадали во время войны и получили статус «врагов народа». Бабушка и тетя едва могли сделать что-то, чтобы изменить свою судьбу. Однако, мать автора делала все возможное. Она получила возможность учиться в Москве и поступить в университет. Когда она поехала в Москву, то ее не пустили в отбывающий поезд, так как у нее не было билета. Ей не разрешили войти в кабину, но позволили встать на двигатель. У нее

ничего не было с собой, кроме кувшина с постным маслом и недельной зарплаты, которую она отдала машинисту. Петрушевская с большим уважением признаёт чаяния своей матери, а также тот факт, что мать делала все это не только для себя, а для её светлого будущего

«... она очень трезво смотрела вперед и не видела там для нас с ней никаких перспектив... О чём она думала, забравшись на паровоз, стоя в одном сарафане на продуваемой ветром площадке? Скорее всего, обо мне.»²¹⁴

Автор редко вспоминает об отце. Она даже ни разу не упоминала его полного имени. Петрушевскую воспитывала бабушка и тётя. Поэтому, очевидно, что они являются центром её повествования о жизни. Отношения между матерью и дочерью являются одной из доминирующих тем в большинстве автобиографий женщин-писателей. В автобиографической повести Петрушевской такие отношения между матерью и дочерью занимают центральное место.

Интересно также отметить, что в художественных работах Петрушевской мужчины редко являются главными героями, почти отсутствуют, особенно в ее рассказах и сказках. В сборник рассказов «Рассказы о любви», «Черная бабочка» входят более пятнадцати рассказов, но в большинство рассказов, главным образом говорится о судьбе женщин. В рассказах такие как «Как Пенелопа», «Богиня Парка» Отец Мать» и др. мужчины-персонажи почти отсутствуют. Разреженность мужских характеров в творчестве Петрушевской очень очевидна. Это можно понять по отсутствию мужчин в ее собственной жизни. Этот тематический автобиографизм является определенной чертой «петрушевского автобиографизма».

В данной автобиографической повести, самым отличительным является повествовательная структура и межжанровый стиль написания. Автор отказывается от линейного представления событий. Она предпочитает прежде всего зафиксировать свою непосредственную идентичность, не как жертва жестокой политики тоталитарного правительства, а как признанный писатель. Об этом свидетельствует тот факт, что она начинает свою жизненную историю с главы «Вместо интервью». В автобиографии воспоминания о прошлом переплетаются с недавними событиями, но это не вызывает никакого хаоса. С помощью «graph», автор успешно создала своё личное «Я». Автобиографическая повесть «Маленькая девочка из «Метрополя»»

²¹⁴ Петрушевская, С.Л. Маленькая девочка из «Метрополя», Санкт-Петербург. Изд-во: Амфора, 2006, С. 54-55

безусловно содержит элементы, которые позволяют нам рассматривать её как феминистскую работу, так как текст написан женщиной о себе и судьбах других женщин во время жестокого тяжелого времени. На первый взгляд, автобиография является историей подвига автора, но в то же время в ней рассматривается гендерная политика «женской прозы». Петрушевская не концентрирует своё внимание на политике правительства, она обвиняет не прямо, а через описание повседневной жизни, рисуя мрачные реалии социально-политической действительности. В центре внимания автора женщины из ее семьи, которые пострадали больше чем мужчины. Большинство мужчин или были арестованы, или наказаны, или оставили их. Описывая судьбу женщин своей семьи, автор без каких-либо усилий воссоздает борьбу в их повседневной жизни.

Глава 4

Автобиографизм и биографические практики индийских женщин-писателей

4.1 Ранняя история и современность

В данной главе представлена история развития автобиографических традиций Индии в историческом и социально-политическом контексте. Глава разделена на две части. В первой части исследуется развитие традиции автобиографической письменности на индийском субконтиненте, во второй части, мы проанализируем автобиографию Наянтары Сахгал «Тюрьма и шоколадный торт».

Как обсуждалось в предыдущих главах, автобиографический модус повествования является одной из самых популярных повествовательных стратегий. Тем не менее, критики и литературоведы начали серьёзно заниматься теоретическими вопросами жанра автобиографических писем лишь к началу XIX века. При исследовании теоретических вопросов жанра автобиографии и автобиографических писем, литературные критики уделяли большое внимание автобиографическим работам, написанным западными авторами. Вот поэтому в центре жанра автобиографических писем можно найти больше всего западных автобиографий. Делая неоднозначное разграничение между старыми автобиографическими письмами (форма) и новой формой (автобиография), критики и теоретики подчеркивали, что автобиография по сути является западным литературным жанром.²¹⁵

²¹⁵ George Gusdorf in his influential article "Conditions and Limit of Autobiography" (1956) enunciates that despite its popularity in the east (colonies), autobiography essentially is a western genre that reflect the interests of colonizers. "First of all, it is necessary to point out that the genre of autobiography seems limited in time and in space: it has not always existed nor does it exist everywhere. If Augustine's Confessions offer us a brilliantly successful landmark right at the beginning, one nevertheless recognizes immediately that this is a late phenomenon in Western culture, coming at that moment when the Christian contribution was grafted onto classical traditions. Moreover, it would seem that autobiography is not to be found outside of our cultural area; one would say that it expresses a concern peculiar to Western man, a concern that has been of good use in his systematic conquest of the universe and that he has communicated to men of other cultures; but those men will thereby have been annexed by a sort of intellectual colonizing to a mentality that was not their own. Georges Gusdorf, "Conditions and Limits of Autobiography// Autobiography: Essays Theoretical and Critical. James Olney (ed. and trans.). Princeton University Press Princeton. 1980

Рой Паскаль в своей основополагающей работе «Замысел и правда в автобиографии» («Design and Truth in autobiography», 1960 г.) признал наличие гораздо более древней традиции автобиографии на индийском субконтиненте.

«It is beyond my scope to suggest why autobiography does not come into being outside Europe, and the existence of such a work as Babur's memoirs of the sixteenth century, which would occupy a significant place in the history of autobiography had it belonged to Europe, makes one hesitate to generalise. But there remains no doubt that autobiography is essentially European. Where in modern times members of Eastern civilisations have written autobiographies, like Gandhi for instance, they have taken over a European tradition»²¹⁶

В своей книге «Замысел и правда в автобиографии» Рой Паскаль попытался обсудить разные вопросы, в частности, «по каким принципам жизненные материалы используются при написании автобиографических писем?»²¹⁷ По его мнению, автобиография является совсем новым жанром, который отличается от других жанров, например, таких как мемуары, дневники и воспоминания. Паскаль также пытался найти разницу между ранними автобиографическими письмами и «настоящей автобиографией» («true autobiography»). По его мнению, в «настоящей автобиографии» автор больше всего говорит о себе. В автобиографии отчетливо описывается «Я» самого автора и это чувство самосознания развивалось в пределах европейского просвещения. Обсуждая автобиографические письма Августина, Петрарки, Челлини, Кардано и других святых, Рой Паскаль отмечает, что в некоторых из этих автобиографий наблюдаются элементы «настоящей автобиографии», но в большинстве из них самость или «Я» автора не занимает центрального места. В большинстве случаев «Я» автора проявляется по отношению к социальным, политическим и религиозным вопросам. По мнению Роя Паскаля, в этих автобиографиях не обсуждается «Я» или самость автора, потому что «all these authors, brooding on sin and salvation, fail to see clearly either the outer world or themselves as persons.»²¹⁸ Таким

²¹⁶ Pascal, Roy., Design and Truth in Autobiography, London: Routledge and Kegan Paul, 1960. Pp.3

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же.

образом, чтобы рассмотреть автобиографию как определённый литературный жанр, исследователи Гюсдорф и Паскаль попытались отделить новые виды автобиографического письма (то есть автобиографию) от ранних автобиографических жанров, таких как мемуары, дневники и записки. Однако, все эти формы автобиографических писем играют важную роль в развитии и утверждении жанра автобиографии в современном литературоведении.

Возникновение и развитие постмодернистских, феминистских и постколониальных теорий серьезно повлияли на существующие теории автобиографий. В результате появились разные термины, такие как «Life Narrative» (Повествование о жизни/жизненное повествование) и «Life Writing» (Жизнеописание). Развитие соответствующей терминологии не только подготовило почву для появления атрибутивных коннотаций термина «автобиография», но также демократизировало жанр автобиографии до такой степени, что он смог включить в себя широкий спектр жизненных повествований, написанных в различной форме. Культурное и лингвистическое богатство Индии породило широкий корпус терминов, обозначающих практику описания жизни. Описание жизни было найдено впервые в религиозных текстах терисов, женщин-учениц Будды. Существовавшие в устной форме и записанные позже песни и поэмы стали известны как Тхеригатха. Автобиографические элементы этих поэм и песен мы будем анализировать в следующем разделе данной главы. Гатха в Тхеригатха относится к стихам, поэтому можно перевести Тхеригатха как стихи старших монахинь.

Еще один пример автобиографического письма в древней Индии можно найти в текстах, которые известны под названием «Чаритра» (Харшчарита, Викраманкадева Чарита). В «Чаритрах» описывается жизнь важных людей, а также в них можно часто найти автобиографические замечания авторов/поэтов. Часто «чаритры» были написаны придворными поэтами. Здесь рассматриваются смесь биографических и автобиографических описаний. Традиция написания биографий как исторического документа получила огромное распространение в период Великих Моголов. Несмотря на то, что эти тексты, как правило, были написаны от первого лица, они содержали много автобиографических деталей. Тем не менее, в данных текстах не соблюдается строгой классификации между биографией и автобиографией.

«...just as genres contained overlapping elements, the act of life writing could not be divided seamlessly into categories of “biography” and “autobiography”. For

instance, the founder of the Mughal Empire, Babur (d. 1530) wrote what has often been referred to as an autobiography, namely a narrative of his life in the first person. However, within his account, Babur included detailed biographies of the men and women who formed his circle of kin and compatriots.

.....

Given that the term “autobiography” began to be used in Europe in the 18th and 19th centuries, and referred to the act of writing one’s own life, it would be semantically accurate that only Babur and Jahangir wrote “autobiographies” and that other texts were merely autobiographical.»²¹⁹

Автобиография в Индии в современном ее понимании начала проявляться ко второй половине XIX века. Одной из основных причин этого было развитие и влияние английского образования. Национальная борьба за независимость также сыграла решающую роль в развитии автобиографии. Необходимо было описывать события, которые определяли не только борьбу за независимость, но и будущее страны. Принято считать, что в Индии, или, можно сказать, в Южной Азии, коллектив предшествует индивиду. В автобиографических письмах Индии главным являлась не личность и собственное «Я» автора, а социально-политические вопросы. Вот поэтому мы наблюдаем такое нежелание авторов Индии писать автобиографические письма, особенно в западном понимании жанра. Это «нежелание» авторов писать «эгодокументы» мы можем проследить по ранним автобиографическим письмам Индии. Стоит отметить, что очень часто авторы писали, что их жизнь не является важной и достойной автобиографии. Гуджаратский поэт и лексикограф Нармадасанкар Даве в автобиографии «Мари Хакикат» (1866 г.) отмечает, что ему не надо было писать свою автобиографию, так как он не является важным человеком. По его словам «(He is) *not a learned man, nor warrior, not a religious leader, nor ... a wealthy philanthropist.*²²⁰ Многие другие авторы также сомневались в том, что события их жизни являются важными и обладают каким-нибудь автобиографическим

²¹⁹ Zaman, Taymiya R. “Instructive Memory: An Analysis of Auto/Biographical Writing in Early Mughal India.” *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, vol. 54, no. 5, 2011, pp. 678–779., doi:10.1163/156852011x614019.

²²⁰ Там же.

достоинством. Когда Махатма Ганди решил написать о своей жизни он также столкнулся с этими вопросами.²²¹

Языковая разнообразность в Индии является одной из главных причин появления различных терминов, обозначающих практику автобиографических писем. Однако, многие критики считают, что в Индии автобиографические жанры развивались под влиянием западной литературной традиции.

4.1.1 Автобиографическое начало в письменности женщин древней Индии

Исследование развития автобиографической традиции и жанровых особенностей автобиографии (в том числе любой другой литературной традиции) в Индии является сложным делом, так как существуют одновременно разные параллельные и сегментированные литературные традиции. Культурно и лингвистически Индия является одной из самых разнообразных стран в мире. В Индии разговаривают на разных языках и каждый язык имеет свою самостоятельную литературную традицию. Разные литературные традиции взаимодействуют и влияют друг на друга.

В Индии была обнаружена богатая традиция жизнеописания (life writing), которая уходит корнями в буддийскую литературу (период между V и III веками до н.э.). Тем не менее, большинство произведений были обнаружены и начали изучаться только в XIX веке. Этому есть несколько причин. Одной из основных причин может быть сегрегация и сегментация общественных и частных сфер социальной/публичной и культурной жизни в обществе, другой - может быть развитие литературы как самостоятельной сферы знания и роль поэта в индийском обществе. Данный аргумент имеет свой приоритет, поскольку большинство автобиографических и биографических писем на индийском субконтиненте было найдено в стихах и песнях религиозных и социальных реформаторских движений.

Интересно отметить, что развитие биографических и автобиографических традиций повлияло на женскую литературную традицию²²². Женщины начали писать свои

²²¹ Gandhi began contemplating on writing an autobiography in 1921, but work on it could begin only in 1925. It was first published in the form of articles in his newspaper, Navajivan between 1925 to 1929. Book was published in two parts, first in 1927 and second in 1929.

автобиографии. Исследуя историю автобиографической традиции женщин-писателей в Индии, мы обнаружили первые автобиографические тексты «Тхеригатха» (Therigathas) буддийских бхикшуни. «Тхеригатха» – это сборник поэм, написанных терисами, в которых они описывали свою жизнь, переживания, отречение от прошлой жизни и их путь к духовному спасению. В этих письмах наблюдается интересное соотношение между художественностью и документальностью. Тем не менее, эти стихи провозглашают практику написания историй жизни, которая является отличительной и уникальной чертой литературного канона того периода. Стихи самых ранних учеников Будды, известные как **Тхерагатхи (Theragathas)**, не рассказывают об их опыте и отчетливо фокусируются на пути духовного освобождения.²²³ В этих ранних буддийских трудах можно заметить влияние социальных и религиозных ограничений пола/гендера на литературный канон.

Тем не менее, необходимо отметить, что в обоих произведениях используются общие языковые выражения. Сравнительное исследование произведений «Тхеригатха» (Therigathas) и «Тхерагатха» (Theragathas) значительно уточняет разницу между мировоззрениями, сформированными по признаку пола. В поэме Тхеригатха, Мутта (Therigatha 11) раскрывает, что её путь освобождения (liberation) прошел через отказ от трех домашних обязанностей – ступка, пестик и изогнутый старый муж:

*So freed! So thoroughly freed am I! —
from three crooked things set free:
from mortar, pestle,
& crooked old husband.
Having uprooted the craving
that leads to becoming,
I'm set free from aging & death.*²²⁴

Одинаковыми фразами Тхера Сумангала (Тхерагатха 43) рассказывает о своём отречении от трёх вещей:

²²³ Here we are referring writings as texts, existing both in oral and writings. As we mentioned above these Songs and poems of these Bhikkhunis long existed and transmitted orally to be written down much later on.

²²⁴ <https://www.accesstoinight.org/tipitaka/kn/thig/thig.01.00x.than.html#sutta-11>

*So freed! So freed!
So thoroughly freed am I
from three crooked things:
my sickles, my shovels, my plows.
Even if they were here,
right here,
I'd be done with them,
done.²²⁵*

Сравнивая оба стиха, мы видим, что, объявляя о своем пути освобождения, Мутта пишет о своем муже как о домашней обязанности. В то же самое время в стихах Сумагалы вообще не упоминаются такие домашние обязанности. Это расхождение, скорее всего, может быть результатом разделения социальных обязанностей между мужчинами и женщинами в древнеиндийском обществе, в котором забота о своих мужьях и семьях была одним из главных приоритетов женщин.

Публичная жизнь женщин в древней Индии была сильно дискриминирована. Путь освобождения в буддизме через отречение от прошлого давал им возможность изменить свою жизнь. Важно отметить, что женщинам было вступать в буддийскую сангху. По мнению многих ученых, даже буддийская сангха, в которой доминировали мужчины, придерживалась прежних патриархальных представлений о женщинах и их месте в обществе. Поэтому неудивительно, что стихи буддийских *бхикшуни (Тхерис)* отличаются от стихов *бхикшу (Тхера)*.

В отличие от стихов Тхера, в которых редко пишут о своей домашней жизнью, в стихах Тхерис подробно описывается прошлая личная жизнь и домашние проблемы. Стихи Тхерисов являются очень эмоциональными отчетами о жизни. Стихи бхикшуни (Тхерис) Кисаготами полны утраты и отчаяния. В них рассказывается о том, как она потеряла всю свою семью:

*«Going along, about to give birth,
I saw my husband dead.
Giving birth in the road,*

²²⁵ <https://www.accesstoinsight.org/tipitaka/kn/thag/thag.01.00x.than.html#passage-43>

*I hadn't reached my own home.
Two children deceased,
my husband dead in the road
— miserable me!
My mother, father, & brother
were burning on a single pyre.*

*"Your family all gone, miserable,
you've suffered pain without measure.
Your tears have flowed
for many thousands of lives."
Then I saw,
I the midst of the charnel ground,
the muscles of sons being chewed.
With family killed,
despised by all,
my husband dead,
I reached the Deathles.»²²⁶*

Традицию жизнеописания можно встретить гораздо позже, почти через десять веков после стихов Тхеригатха и Тхерагатха, в VII веке в произведениях Бана или Банабхатта. Банабхатта был знаменитым поэтом и прозаиком во время правления великого короля Харшавардхана, который писал тексты на санскрите. Он автор многих литературных произведений, но самыми его известными работами являются «Кадамбри» и «Харшачарита».

Название произведения «Харшачарита» дословно означает «жизнь Харша (Харшавардхан)». Это произведение является подробным отчетом о жизни Харшавардхана, короля Тханесвара и Канауджа в Северной Индии. В современном индийском литературоведении книга «Харшачарита» является первым прототипом биографии.²²⁷ Игорики рассматривают её как первоисточник и достоверный

²²⁶ <https://www.accesstoinight.org/tipitaka/kn/thig/thig.10.01.than.html>

²²⁷ Logan, Peter Melville (ed.). The Encyclopaedia of the Novel (in two volumes). Wiley-Blackwell Publication. 2011

исторический документ о царствовании Харшавардхана.²²⁸ Хотя многие ученые не согласны с этим мнением, так как стиль написания является очень сложным. В этой работе автор использует метафоры и описывает очень ограниченное количество событий того времени.

«The Harshacharita is not by any means an historical work in the modern sense of the term; it is an exercise in a particular literary genre, with historical instead of a mythological theme.»²²⁹

Тем не менее, литературоведы считают её образцовой биографией в истории развития традиции жизнеописания Индии. Многие более поздние биографии были созданы по принципам книги «Харшачарита». Ученые спорили и до сих пор спорят о красноречивости литературного стиля и формы этой книги. «Харшачарита» также важна с точки зрения развития автобиографического модуса написания в Индии, поскольку первая глава в этой книге включает автопортрет самого автора Банабхатты. Автобиографические элементы можно найти не только в книге «Харшачарита», но также в других биографических книгах того периода. В качестве примера можно привести биографическую работу «Викраманкдева Чарита» (Vikramaditya Charita or Saugarancasika Bilhana), которая была написана в XI веке поэтом Билхана (Bilhana). Он принадлежал к королевскому двору Викраманкдева VI (Vikramankadeva VI). В этой биографической работе не только описывается жизнь и подвиги короля Викраманкдева VI, но в нее также включена автобиография самого поэта.

Вышеупомянутые примеры показывают, что автобиографический модус написания был очень популярен в тогдашней Индии. Стоит отметить, что больше всего автобиографических работ создавали поэты, принадлежавшие к королевскому двору.

²²⁸ Work did give detail introduction of King Harsha's early life, however "the central story concerns Harsha's accession to the throne after the death of his father and brother. The action is quite limited, and large stretches of the text are given over to extensive descriptions, many of them involving elaborate puns and other figures of speech, as well as long lamentations of Harsha and his family members over their losses. It is a work as much or more concerned with the play of language as with the development of its story, and seems to illustrate very well the emphasis on the "process of expression" praised by Bhattanayaka". ibid

²²⁹ Allan John Andrew, The Cambridge Shorter History of India. Cambridge. 1934.

4.1.2 Автобиографическое начало в письменности женщин средневековой Индии

Стремительное развитие традиции жизнеописания также можно наблюдать во время империи великих моголов в Индии. Самым ярким примером автобиографического модуса написания является автобиографическая книга «Бабур-наме» («Книга Бабура» или «Записки Бабура»), написанная первым могольским императором Бабура. Эта автобиографическая работа считается одной из самых лучших автобиографических работ индийского субконтинента. Однако, в западном литературоведении при исследовании развития жанра автобиографии, совсем не обсуждали эту работу и её значимость в развитии автобиографии на индийском субконтиненте. По мнению известного исламского историка Стивена Фредерика Дейла, значимость и уникальность автобиографии «Бабур-наме» заключается в том, что она по повествовательной структуре и содержанию очень похожа на «европейские автобиографии эпохи Возрождения и XVIII века, а не на стереотипные портреты, которые характеризуют досовременную автобиографическую запись исламского мира»²³⁰

«Бабур-наме» была написана на чагтайском языке (также называется «тюрки»). В этой автобиографии Бабур не только подробно описывает свою собственную жизнь, но также жизнь окружающих его людей. Автобиография полна исторических и географических деталей.

Гульбадан Бегум (1523—1603 гг.)

Многие императоры Великих Моголов писали свои автобиографии. Биография сына Бабура была написана его женщиной Гульбадан Бегум. Она была единственной писательницей чей автобиографический труд «Хумаюн Нама» стал пионерной работой в сфере автобиографической практики женщин-авторов средневековой Индии. В этой работе она описала жизнь императора Хумаюна.

Могольский император Джахангир, внук императора Бабура, тоже описал свои жизненные переживания и подвиги в автобиографической работе «Джахангирнаме» (также называется *Tuzk-e-Jahangiri*). Император Джахангир считается одним из самых

²³⁰ Dale Stephen Frederic. Steppe Humanism: The Autobiographical Writings of Zahir al-Din Muhammad Babur, 1483-1530 // International Journal of Middle East Studies, Vol. 22, No. 1 (Feb., 1990), pp. 37-58. P. 38

наблюдательных и интуитивных могольских императоров. Как отмечает американский историк Майло Кливлендо Бич (Milo C. Beach) -

«Jahangirnama “leaves no doubt about his delight in the unusual landscapes, animals, flowers, and characters he encountered in India. Visual sensations were especially powerful to him, and consequently the description in his text are minutely detailed. It is not surprising, therefore, that this emperor was the greatest of all Mughal connoisseurs of the arts. And while his father, Akbar, had consolidated power through extensive public building projects, Jabangir eschewed the monumentality of architecture for more intimate and personally expressive artistic forms—manuscript illustrations, for example, and finely crafted everyday objects (which in his world included jade cups shaped like lotus leaves, textiles woven of gold thread, and rubies inscribed with decorative calligraphy)»²³¹

В истории средневековой Индии, в частности, в период существования могольской империи, развивался новый подход к историографии, в котором большое внимание уделялось автобиографическим работам. Эти работы «Бабурнаме» и «Джахангирнаме» изучены современными историками как исторические документы. Как мы уже обсуждали, автобиографические работы королей древней Индии уже были популярными, но в период могольской империи они были хорошо документированы (documented) и структурированы. Общее влияние автобиографических работ могольского периода на существующую литературную традицию и традицию жизнеописания представляет собой гораздо более масштабный исследовательский проект и потребует привлечения большого числа исследователей. Хотя четкое разграничение между автобиографической и биографической формой письма довольно сложно.

В средневековой Индии во время движения Бхакти (Bhakti movement) развивался автобиографический модус повествования как определённый литературный прием. Поэты этого периода, такие как Кабирдас (1440-1510гг.), Гурунанак(1469-1538 гг.) Сурдас (1483-1563 гг.), Мирабай(1498-1563 гг.), в своем творчестве чаще всего описывали свои собственные жизненные переживания.

²³¹ Beach Milo C. Foreword in The Jahangirnama: Memories of Jahangir, Emperor of India. Translated, edited and annotated by Wheeler M. Thackston. Oxford University press. Oxford. 1999. P. vi

Мирабай (1499—1547 гг.)

В средневековой Индии в период движения бахти развивалась традиция автобиографических писем и стихов святых. Святые пели стихи Богам, пытаясь показать им свою преданность и установить с ними духовную связь, а также передать через эти стихи свои послания. Святые, такие как Кабир, Рахим, Сурдас, Равидас, Мирабай, в основном пели о своей жизни. Часто стихи были написаны от первого лица, а в конце стихотворения было указано имя поэта.

Джагдишвар Чатурведи считает, что песни Мирабай являются одними из первых автобиографических произведений индийских женщин.²³² Мирабай была принцессой, которая вышла замуж за принца Бходж Раджа. В его доме она очень страдала, так как его родственники ругали ее за то, что она пела Бхаджан Богу Кришне. Она не должна была петь или танцевать, поскольку она принадлежала к царской семье.

В своих стихах она пела о своих семейных проблемах и бедной жизни. Вскоре Мирабай оставила свою семью и полностью посвятила себя Богу Кришне. Она начала петь Бхаджан в храмах вместе с другими святыми. Эта ситуация с Мирабай, один из примеров того, как женщины того времени становились жертвами патриархального мышления своей семьи.

Нам не удалось обнаружить много женщин-поэтов бхакти. Причиной могло быть то, что женщины в то время редко пытались исследовать свою духовность. Те кто пытался это делать, например, Мирабай, должны были много страдать. Общество не признавало их великими женщинами, в то время высоко ценились мужчины-святые. Этот двойной стандарт общества по отношению к святым мужчинам и женщинам мог бы определенно препятствием в участии женщин в движении бхакти.

В XVII веке, на языке маратхи, мы находим несколько автобиографических писем женщин. Эти письма являются по сути автобиографическими стихами святых и принадлежат движению бхакти. Одним из ярких примеров являются автобиографические стихи поэтессы-святой Бахинабай.

Бахинабай (1628—1700 гг.)

В этом периоде были созданы автобиографические стихи женщины-святой Бахинабай. Она была приверженкой варкари поэта-святого Тукарам. Бахинабай сочинила на языке маратхи более 473 стихов, 78 из которых являются автобиографическими. Эти стихи

²³² चतुर्वेदी, जगदीश्वर, स्त्रीवादी साहित्य विमर्श, अनामिका पब्लिशर्स एंड डिस्ट्रीब्यूटर्स, नई दिल्ली, 2011

известны как «Абанги». В них она описала словесное и физическое насилие со стороны мужа и его семьи, которая презирала ее духовные ценности. Хотя, позже муж позволил ей петь Бхаджаны (Bhajan). В отличие от большинства святых женщин, которые никогда не выходили замуж или отказывались от своей супружеской жизни ради Бога, Бахинабай оставалась замужем всю свою жизнь. В отличие от Мирабай, Бахинабай не бросила мужа и семью. Она подчинялась условиям патриархального общества. Это отражено в ее следующем стихотворении

*The Vedas cry, the Purdnas shout
that no good can come of a woman.
I was born with a woman's body –
how am I, now, to attain the Goal?
They're foolish, selfish, seductive, deceptive –
any link with a woman brings harm.
Bahind says, "If a woman's body's so harmful,
how in this world will I reach the Goal?"
What sin did I do in an earlier life
that I'm now removed from God?
My body's a man's, with the shape of a woman.
Sins without number have borne their fruit.
I haven't the right to hear the Vedas.
The Brahmans keep secret the Gayatri mantra.
I may not say "Om,"
I may not hear mantras' names.
I must not speak of these things with another*

Существует большой перерыв в традиции автобиографических произведений женщин после средневекового периода. Автобиография как жанр получила популярность только к концу XIX века под влиянием английского образования, которое сыграло значительную роль в его развитии и распространении.

До этого периода автобиография как литературный жанр не встречалась в индийской литературе. В более ранней традиции «Тхеригатха», «Чарита», «Наме» и «Бхаджан» (автобиографические стихи святых-женщин, принадлежащие к движению бахти), мы видим непоследовательную традицию автобиографического письма.

Современное понимание автобиографии не может быть применено к этим произведениям. Однако эти труды по сути носят автобиографический характер. В то время многие критики, например, такие как Джордж Гусдорф и Рой Паскаль, считали, что Бабарнаму можно рассматривать как автобиографическую работу. Что, однако, было полностью проигнорировано западными критиками, когда они пытались установить жанровые особенности автобиографических произведений.

Рассундари Деви (1810-1899 гг.)

Многие критики считают, что в Индии первая автобиография XIX века была написана на бенгальском языке в 1876 году. До этого времени автобиографические произведения не писались как повествование от первого лица. Это же автобиографическое произведение было написано от первого лица и писатель являлся главным протогонистом.

Автобиография **Рассундари Деви** «Амар зибан» («Моя жизнь») оказалась изумительным достижением не только в женской литературной традиции, но и вообще в индийской литературе. Первая часть «Амар Джибан» Рассундари Деви была написана в 1868 году. Ей было 88 лет, когда она написала вторую часть своей автобиографии. Она была опубликована в 1906 году.

Это произведение является одним из первых автобиографий современной Индии и занимает значительное место в развитии женской литературной традиции. Важно отметить, что Рассундари Деви была обыкновенной домохозяйкой, которая сама научилась читать и писать-

«When the book was brought into the room I detached one sheet and hid it. But I was afraid lest it were found. That would be disgrace. I might even be rebuked. It was not easy to face criticism. It was not easy to face criticism or rebuke. I was very sensitive about those things. Those days were not like present ones. We were completely under the control of men. And I was particularly nervous. I was at a loss with the sheet. Where should I keep it so that nobody would find it? But if they did, what would they say? Finally I decided to put it in some place where I would be present most of the time and nobody else was likely to go. The Khori in the kitchen was the only hiding

place I could think of..... No one could learn without the help of teacher. There were some letters that I could recognize but I wasn't able to read them.»²³³

Рассундари Деви родилась в маленькой деревне Потаджиа в Бенгалии. Она потеряла своего отца в раннем возрасте, поэтому была очень близка со своей матерью. Приведенный ниже текст дает описание её близких отношений с матерью:

«Later on I was cheered up by the ornaments, the red wedding sari, and the wedding music. I forgot my earlier worries and went about laughing and watching the elaborate preparations. My happiness knew no bounds. Then the music started. There was an air of festivity. The guests must be leaving now. It made me happy and I went about following my mother. Presently everybody assembled in my house. Some looked happy , but others were in tears. That made me feel really frightened. Then my brothers, aunts, uncles, and my mother all took me in their arms by turn as they burst into tears. .. I knew mother was going to hand me over to the other family. I tightened my hold on her and pleaded, “Don't give me over to them, Mother.»²³⁴

Также в автобиографии Рассундари Деви можно найти очень трогательный рассказ об ее замужестве в раннем возрасте. В автобиографии Рассундари подробно описывает свою повседневную жизнь, но при этом она чувствует себя как заключенная в тюрьме. Она считает, что освободиться от этого заключения она не сможет до самой своей смерти. Метафора тюремного заключения и птицы в клетке появляется снова и снова в ее работе. В автобиографии она также поднимает актуальные вопросы, связанные с идентичностью женщин. В раннем возрасте она была очарована идеей рождения ребенка, но после появления в семье нескольких детей она почувствовала, что ее личность ограничена материнством. Фигура ее мужа почти отсутствует в автобиографии. После его смерти, она поднимает соответствующие вопросы о ужасном положении вдов в индийском обществе:

«Towards the end of my life I have been widowed. I feel ashamed and hurt by the realization that even if a woman has lived her life fully, has brought up children and

²³³ McDermott, Rachel Fell, et al. Sources of Indian Traditions: Modern India, Pakistan, and Bangladesh. Columbia University Press, 2015. Pp. 89-90

²³⁴ Там же Стр. 86

leaves behind her sons and daughters to carry on, her widowhood is still considered a misfortune.»²³⁵

Крупа Саттианадхан (1862–1894)

Крупа Саттианадхан является писательницей первого индийского автобиографического романа «Сагуна» («Saguna»), опубликованного в периодическом журнале «Christian College Magazine» в 1889-1890 гг. Оригинальное название этого романа «Сагуна: история родной христианской жизни». Она также написала роман под названием «Камала: история индуистской жизни». В этом романе Крупа Саттианадан поднимает важные вопросы, связанные с браком несовершеннолетних:

«The narrative plot is fairly straightforward, beginning with Kamala's idyllic childhood spent in quiet surroundings with an affectionate father, and moving on to the sudden cultural shock of marriage and life with her in-laws.. Her experiences as a child-wife are intrinsic social documents that speak volumes not only about existing conditions in women's lives, but also about Satthianadhan's private beliefs that prompt her to use Kamala to come to terms with her own life and attitudes towards gender and a female identity.»²³⁶

Повествование в романе «Сагуна» является достаточно сложным, ощущается воздействие двух образов жизни – хинду и христианского. Однако, в отличие от тусклой жизни Камалы, жизнь Сагуны оказывается яркой. Переход в христианство несет с собой не только освобождение от упорядоченной жизни страны и освобождение от кастовых предрассудков, но также открывает дорогу к новой жизни. Однако избавиться от старых предрассудков не так легко, и именно в этом заключается сложность романа. В описании ниже приводится сопоставление двух образов жизни:

*«I also heard that we are the real aristocrats of our country, and the English ladies who come to India belonged to the middle class, and I resolved to tell her that, so I boldly added: “What do you think of us? We are the real aristocrats of this place ”
“I don't care. Anyhow you are middle class people. she is Brahmin, and only takes*

²³⁵ Там же Стр. 102

²³⁶ Souza Eunice de. Recovering a tradition: Forgotten Women's Voices. Economic and Political Weekly, Vol. 41, No. 17 (Apr. 29-May 5, 2006).

*money from the Mission because she is poor. She is no servant. In your country you are no Brahmins. You are sudras».*²³⁷

В 1892 году Факир Мохан Сенапати (1843–1918 гг.) написал первую автобиографию «История моей жизни» (Atmajeevancharitra) на языке ория. Это автобиография была опубликована в 1927 году, но отрывки в форме эпизодов ранее были опубликованы в журналах. В своей автобиографии автор хотел показать, что его жизнь является «незначительной» и «не достойной автобиографии». Тем не менее, он все-таки написал свою автобиографию, так как не было никаких других работ, написанных на языке Ория. По его словам «*Oriya language is particularly deficient in autobiographies*».²³⁸ Он надеялся, что «*this sacred motherland of ours will see many autobiographers in the near future. I am merely laying the foundation for them to build on*».²³⁹

Работа Факира Мохана Сенапати не только «заложила основу» традиции автобиографического письма на языке ория, но также стала достоверным документом, отражающим жизнь всего его сообщества.

*«The greatness of Fakir Mohan's autobiography is that he transforms his individual journey through life to the story of an entire community undergoing transition from an age-old agrarian community to a gradual cosmopolitan worldview. This is the reason John Boulton says, 'Autobiography was an innovation in Oriya. There was no knowing how the public would respond to it. The public was more likely to respond favourably, however, if its attention was focused not on the man himself, but on his times, for these were of universal interest'»*²⁴⁰

Таким образом, можно сказать, что в ранних автобиографиях не только описывали собственную жизнь, но также автобиографические работы являлись представителями литературной традиции и языкового сообщества.

²³⁷ Там же

²³⁸ Quoted in Encyclopaedia of life writing: Autobiographical and Biographical forms. Jolly Margaretta (ed.) Encyclopaedia of life writing: Autobiographical and Biographical forms. Routledge. New York. 2001.

²³⁹ Jabeen Zehara. The Emergence of Odia Autobiographies //The Quest. Volume 29, № 2 December 2015. P. 11

²⁴⁰ Там же.

Несомненно, современная автобиография в Индии развивалась под влиянием Запада.²⁴¹ Одной из главных причин этого было сознание национальности и процесс модернизации в ходе национального движения. В это время атмосфера всей страны была проникнута национальным духом. Реформы и модернизация не ограничивались только общественно-политической сферой, литература была неотъемлемой частью всего процесса. Автобиография стала предпочтительным методом письма, с помощью которой местные писатели изображали свой жизненный опыт и в том числе обсуждали социально-политические вопросы. Автобиографический способ письма способствовал обогащению существующих литературных традиций определенного региона и языка Индии. Ранние автобиографии современной Индии были написаны на региональных языках. Следуя нормам западного определения жанра автобиографии, которое фиксирует, что автобиография придерживается фактов и правдивости, а не вымысла, ранние автобиографы предпочитали излагать факты о социально-политическом состоянии на родных языках. В этот период атмосфера страны была наполнена национальными чувствами, гордость за свадеши была на пике, поэтому автобиографы предпочитали достоверно и правдиво писать о себе на родном языке.

В отличие от западных автобиографий, которые подчеркивают интроспективное или рефлексивное повествование, сосредотачивающееся на индивидуализме, важной особенностью этих ранних индийских автобиографий является их представление личной истории в хронологической форме. В своих работах индийские писатели концентрировались на событиях, а не пытались оценить влияние определенных случаев на жизнь или их реакцию на события. Например, идея супружеской жизни или семейных проблем со всеми ее интимностями не считается важной в этих автобиографиях. В автобиографии Нармада мы находим эту безличную тенденцию, где он описывает смерть своей жены, просто рассказывая, что «In 1852 my wife became pregnant but she gave birth to a still-born child on the eighth month, [and] as a result she died soon after at the age of 16-17»²⁴² Нармад больше не писал об этом, как эта трагедия влияла на него эмоционально. Хотя эти авторы предприняли сознательную попытку рассказать свои собственные истории, но они были склонны к фактам и порядку

²⁴¹ Malhotra, Anshu, and Siobhan Lambert-Hurley. *Speaking of the Self: Gender, Performance, and Autobiography in South Asia*. Duke University Press, 2015. Pp. 15

²⁴² Quoted in *Encyclopaedia of life writing: Autobiographical and Biographical forms*. Jolly Margaretta (ed.) *Encyclopaedia of life writing: Autobiographical and Biographical forms*. Routledge. New York. 2001.

событий. Факир Мохан Сенапати также рассказывал о своей семье хронологически и обращал большое внимание на события и даты.

Некоторые из ранних автобиографий содержат смесь различных способов и форм жизни, а не просто прямое повествование в хронологическом порядке. Так мы видим, что со временем ощущалась необходимость не только рассказать о своей собственной жизни, но также авторы пытались модернизировать различные индийские литературные традиции. Они ввели новые жанры в литературу, которые были уже популярными в западной литературной традиции. Можно сказать, что главной целью авторов было обогащение собственной литературной традиции. Об этом свидетельствуют вышеобсуждаемые автобиографии Нармадашанкара Лалшанкара и Факира Мохана Сенапати, которые были написаны на индийских языках, а не на английском. Важно отметить, что на родном языке автор может говорить о себе открыто и без всяких условностей.

Автобиографии Нармадашанкара Лалшанкара и Факира Мохана Сенапати являются примерами того, как индийские авторы уделяли большое внимание обогащению литературной традиции на своих местных языках. Само собой разумеется, что в данных автобиографиях авторы до какой-то степени самоуничижали себя.

Пандита Рамабай Сарасвати (1858 – 1922 гг.)

Пандита Рамабай Сарасвати является выдающейся фигурой социальных реформ и женского движения 19 века не только в штате Махараштра, но и во всей Индии. Важность ее авторитета в социальных реформах и женском движении может быть объяснена словами А. Б. Шаха, известного своими сдержанными высказываниями:

«Pandita Ramabai Saraswati ... was the greatest woman produced by modern India and one of the greatest Indians in all history... She was a Sanskrit scholar. She was the first to introduce the kindergarten system of education and also the first to give a vocational bias to school education in India... She was the first to rebel against the inhuman slavery to which widows are subjected in Hindu society and to lay the foundations of a movement for women's liberation in India... while she accepted, oven

invited, assistance from all over the world, she never compromised her principles for the sake of pleasing anyone.»²⁴³

Хотя отец Рамабай, Анант Шастри Донгре, находился под покровительством королевского двора Майсура, детство её было чрезвычайно трудным. Ее семья бродила по всей Индии, обучая пуранам в храмах. Несмотря на жизненные трудности, Анант Донгре понимал ценность образования для женщин, поэтому он научил свою жену Лакшмибай читать и писать. Лакшмибай, в свою очередь, позаботилась о воспитании двух своих дочерей. В своей автобиографии «Мое свидетельство» Рамабай пишет о роли матери в ее образовании:

«When I was about eight years old my mother began to teach me and continued to do so until I was about fifteen years of age. During these years she succeeded in training my mind so that I might be able to carry on my education with little aid from others.»²⁴⁴

Рамабай была популярным писателем своего времени и одной из немногих женщин 19-го века в Индии, которые смогли содержать себя с помощью литературных трудов:

«The sales of Stree Dharma Neeti (Morals for women), 1882, paid for her passage to England. The first edition of the ten thousand copies of High Caste Hindu Woman, 1888, was sold out before she left for the United States in 1889. My Testimony is now in its ninth edition.»²⁴⁵

В ранних автобиографических письмах можно найти не только рассказ о прошлом, то есть хронологическое повествование, но также смешение разных способов жизнеописания. Они включают в себя отрывки из дневников или журналов, письма и отзывы. Автобиография Нармадашанкара разделена на две части, в первой части

²⁴³ Sarkar, Sumit, and Tanika Sarkar. *Women and Social Reform in Modern India: a Reader*. Permanent Black, 2011.

²⁴⁴ Tharu, Susie J., and Ke Lalita. *Women Writing in India*. Oxford University Press, 1993.

²⁴⁵ Там же стр. 243

описывается история его жизни с детства до 33 лет, во второй части - периодические дополнения к повествованию в виде дневниковых записей.

Автобиография философа Манибхай Набубхай «Атмаврутант» является значительной и очень популярной автобиографией XIX века на гуджаратском языке. В автобиографии Манибхай Набубхай можно встретить те же способы повествования, как и в автобиографии Нармадашанкара. С одной стороны, он следует восточной схеме написания автобиографий того времени²⁴⁶, с другой - *«его автобиографию в течение многих лет запрещали публиковать родственники и друзья, потому что она содержит детали внебрачных отношений и сомнительные взгляды на мораль.»*²⁴⁷

Использование различных модусов повествования в ранних автобиографических письмах — отрывках, дневниках, письмах - объясняет тот факт, что они делают автобиографические письма более достоверными и документальными. Дневники, письма и другие записки используются как достоверные исторические источники, которые помогают автору рассказать о своей жизни в автобиографии. Это является причиной того, что в ранних автобиографиях собственное «Я» автора не находилось в центре повествования. Некоторые авторы успешно избегали уже существующих норм и уделяли особое внимание самосознанию и самопознанию в своих автобиографиях. В качестве примера можно назвать автобиографию Говардхана Мадхаваран Трипатхи «Альбомы» (Scrapbooks, 1957-1959 гг.), написанную на английском языке, и автобиографию Рассундари Деби «Амар Джибан» (My Life, 1876), написанную на бенгальском языке. Г.М. Трипатхи описал свой жизненный опыт в дневниках или как

²⁴⁶ Suhrud Tridip in his Phd dissertation "Narrations of a Nation: Explorations Through Intellectual Biographies" dedicated a chapter to the autobiography Manilal Nabhubhai. He mentaioned sevrал instances where Manilal seems completely detached from the events that were happing in his life: "Manilal records that Fuli became pregnant and gave birth to a son. Manilal seems to be completely detached and indifferent to this entire process. There is no record of his feelings while his wife was pregnant and gave birth to their first-born son. He does not even mention even the year in which the son was born or what he was named as". Further in his chapter he adds, "in 1889 his father died. Manibhai says that the father died while he was away from Nadiad. After making this statement he moves on to discuss matters o f financial transactions, the money that had to be spent on the death rituals and the amount of inheritance he was likely to receive. After the death of his father, there are no reference to his mother in the autobiography". Suhrud, Tridip. "Love, Desire and Moksha: Manibhai Nabhubhai and the Loss of Svadharmā". Narrations of a Nation: Explorations Through Intellectual Biographies (Ph.D). Ahmedabad: School of Social Sciences, Gujarat University.

²⁴⁷ its publication was prevented for many years by the members of his family and friends because it contains explicit details of his extra-marital relations and questionable views on morals". George K. M. Modern Indian Literature, an Anthology: Surveys and Poems. Sahitya Akademi, 1992. P. 127

он сам их называет в «Альбомах». В то время многие писали свои автобиографии на местных языках, Г.М. Трипатхи же написал свой труд на английском языке. Хотя остальные свои литературные произведения (романы, поэмы и даже статьи) он писал на своём родном гуджратском языке. Г.М. Трипатхи говорил, что его литературные произведения были написаны с акцентом на то, какую роль они будут играть в обществе. Через свои литературные произведения писатель намеревался просветить своих читателей, которые лучше понимали по-гуджратски, чем по-английски. В отличие от литературных произведений, автобиография Г.М. Трипатхи не была написана для местных читателей, она была сборником интимных записок о его духовной развитии. Он написал автобиографию для самого себя. Так литературные труды Г. М. Трипатхи показывают разницу между публичной и частной жизнью. Иными словами можно сказать что, в своих литературных произведениях писатель стремился к воспитанию народа, а в своей автобиографии к самоосознанию (однако оба стремления переплетены и взаимодействуют друг с другом). Г. М Трипатхи является одним из первых выпускников современной английской системы образования. Он использовал английский язык, чтобы говорить «с самим собой» в своей автобиографии. Хотя говорить о себе на чужом языке представляет собой увлекательную и парадоксальную загадку для современного читателя, так как считается что на родном языке можно написать более свободно и без всяких претенциозностей. Автобиография Г.М. Трипатхи занимает значительное место в традиции автобиографического письма в Индии.

В первой половине XX века жанр автобиографии развивался и стал очень популярным модусом повествования. Автобиографические письма политических деятелей Махатмы Ганди «Мои эксперименты с истиной» и Джавахарлала Неру «Автобиография» свидетельствуют о растущей популярности и легитимности автобиографических писем. Эти две автобиографические работы важны не только из-за статуса их авторов, но также и из-за возможности понять каким способами автобиографического письма она пользовались при написании своих произведений в прошлом столетии.

Десебай Ковасджи (1832 г.)

Автобиография **Десебая Ковасджи** «История моей жизни» считается одной из самых ярких автобиографических работ того времени. Как и многие другие женщины-писатели, Десебай тоже чувствует огромную благодарность к своей матери и посвящает ей свою автобиографию. По мнению Десебай, из-за этой благодарности к

своей матери она стала первой женщиной Индии, которая извлекла пользу из английского образования. Её автобиография проливает свет на идентичность женщин в обществе парсов в Индии. На первых страницах своей автобиографии она рассказывает нам о том, что её решение уехать в Дели натолкнулось на несогласие семьи, потому что парсы считали, что женщины должны заниматься только домашним хозяйством:

«I fancied I could hear the jeering queries. Is it a Parsee female's business to mix in such demonstrations?...Parsee men were notoriously selfish and had monopolised to themselves every pleasure and indulgence, fancying that women were only created for household drudgery»²⁴⁸

В автобиографии Десебай показана женщиной с сильной волей. Ее яркий и живой характер удивил всех, прежде всего ее друзей. Ниже приведен текст из ее автобиографии, который дает нам понять ее живой характер:

«Next morning I 'heard that a balloon was to ascend from the Trocadero (the exhibition), and that anyone who liked could enjoy the novel pleasure of an aerial sail. My hotel friends were surprised to hear that I ardently longed to go up in a balloon and asked me, whether all the Parsee women were a bold, intrepid nature like myself. I had to dispel this very erroneous idea by telling them that a few years ago Parsee women and even a few of the men were frightened at Europeans. and would run away if they saw any approaching them».²⁴⁹

Сунити Деви (1897 – 1932 гг.)

Автобиография **Сунити Деви**, Махарани Куч Бихара, «Автобиография индийской принцессы» опубликована в 1921 году и привлекла к ней большой интерес прежде всего потому, что её отец был реформатор Кешуб Чандер Сен. Сунити Деви пишет в автобиографии о своем отце «имя моего отца навсегда связано с законом о гражданском браке, поскольку именно благодаря его усилиям правительство приняло эту мудрую меру, устанавливающую брачный возраст для мужчин и девушек в

²⁴⁸ Jessawalla, Dosebai Cowasjee. The Story of My Life. Printed at the Times Press, 1911. Pp. 176

²⁴⁹ Там же. Стр. 307

возрасте 18 и 14 лет, соответственно». Конфликт возникает тогда, когда Кешуб Сен разрешает Сунити Деви вступить в брак по достижении возраста, указанного в законе. Ей было 14 лет, а жениху 16 лет. Сунити Деви вспоминает об этом в автобиографии, однако она не раскрывает причину согласия своего отца:

«For quite some time questions had been asked as to my father's motives in allowing me to be married before the age stipulated in the Act which he had done so much to have passed. My marriage preliminaries were really a stormy time in my life, fulfilling the storm omens at my birth. It is too serious and too long stories to write in this book, but just a few lines may give my readers an idea of what my father had to go through in connection with my betrothal. People who did not have full faith in him and in his doctrines raised unheard-of questions; but the Government was determined on the marriage.»²⁵⁰

Лакшмибай Тилак (1868-1936 гг.)

Лакшмибай Тилак, как и Пандита Рамабай, была из семьи брахманов, которая позже приняла христианство. Она вышла замуж за поэта Нараян ВAMAN Тилак в возрасте 11 лет. Свою автобиографию «Смритичитре» Лакшмибай начала писать в 1924 году и закончила только через 7 лет. «Смритичитре» впервые была опубликована под названием «Воспоминания» в еженедельнике «Санзивни». Автобиография была написана в четырёх частях. Три части были опубликованы в 1934 году, четвёртая - после ее смерти в 1936 году. Первый перевод автобиографии на английском языке вышел в свет в 1950 году.

В жизни Лакшмибай её муж Тилак занимал особое место. Некоторые исследователи её автобиографии считают, что вначале она хотела написать биографию своего мужа. Нараян Тилак обладал необычным характером. Он был очень раздражительным. В её автобиографии можно найти не один случай, описывающий как Лакшмибай страдала из-за его раздражительности. В автобиографии описывается, что как-то Тилак толкнул ее вниз по лестнице, потому что он проиграл игру. Она тогда была на седьмом месяце беременности. Тилак научил ее читать, но однажды в раздражении он сжег все книги, которые купил для нее:

²⁵⁰ Devee, Sunity, and Dāsa Biśvanātha. The Autobiography of an Indian Princess: Memoirs of Maharani Sunity Devi of Cooch Behar. The Shee Book Agency, 2015.

«Once he had taken it into his head to teach me, he spent all the money he had on books prescribed for the first to the sixth grade. Our lessons began with this pile of books in the middle and we on either side. The first lesson was grammar. Mr Tilak said, 'What is a word?' I burst out laughing. What kind of a question was that? I said, "A word is a word." Mr Tilak said, "But what is a word?" I answered, "A word is a word." He said, "But what is a word?" Back came my answer, "A word is a word." Mr Tilak became very angry. The angrier he got, the funnier I found it. Finally, the flames of his rage fanned by the gale of my laughter caused him to set the books on fire. Mr Tilak tore them all to shreds and set them alight. This was our first lesson. Mr Tilak wanted me to become as learned as him in eight days. But I was denser than dense, so how was that possible? Gradually, he understood his mistake.»²⁵¹

Лакшмибай принадлежала к семье брахманов, поэтому она приняла христианство неохотно. Причина была в том, что ее муж Нараян Тилак принял решение о смене религии за нее. Ниже приводятся ее размышления о недостатках брахманизма, в частности, о кастовой системе:

«Did God create castes or was it Man? Had God created them, would He not have made them look different from one another? Instead, life and death, bones and flesh, the heart and the mind, the ability to tell right from wrong, joys and sorrows, were they not common to all men? And if God had created castes among humans, why not among animals? Why are there no Brahmin bulls and Shudra bulls, Vaishya crows and untouchable crows? No Nandi horn adorns the Shudra crow's head nor Shiva's linga the Brahmin crow's head. If any difference exists among humans and animals, it is between male and female.»²⁵²

В автобиографических работах этого периода уделялось большое внимание тому, как развивалось общество и сознание человека в период переходного периода. Когда Махатма Ганди решил написать о своей жизни, он столкнулся с проблемой как правильно написать свою автобиографию. Автобиографический жанр того времени

²⁵¹ Tilak Laxmibai, Smruti Chitre, Translated by Louis Menezes As sketches of memory , Katha Publication, 2007

²⁵² Там же

находился под влиянием западной литературной традиции. В предисловии к своей работе Ганди пишет, что друг посоветовал ему не писать автобиографию-

«But a God-fearing friend had his doubts, which he shared with me on my day of silence. “What has set you on this adventure?” he asked. “Writing an autobiography is a practice peculiar to the West. I know of nobody in the East having written one, except amongst those who have come under Western influence ... Don't you think it would be better not to write anything like an autobiography, at any rate just yet?»²⁵³

Вышеупомянутый аргумент друга Ганди, что автобиография является западным способом написания, а не «индийским», повлиял на Ганди. Он постарался оправдать себя тем, что

«...it is not my purpose to attempt a ‘real’ autobiography. I simply want to tell the story of my numerous experiments with truth, and as my life consists of nothing but these experiments, it is true that the story will take the shape of an autobiography.»²⁵⁴

Таким образом, Ганди попытался показать разницу между «настоящей» автобиографией и своей автобиографией, которую он мог написать как индеец.²⁵⁵ Он хотел в своей автобиографии уделить большее внимание своей «внутренней» жизни, чем публичной. Он решил не говорить о своих «политических экспериментах». Свое автобиографическое письмо Ганди назвал «Атмката» (Atmkatha), а не «Автобиография». Чтобы написать свою «Атмакату», Ганди присвоил методы западных автобиографий. Он преобразовал автобиографию в способ, позволяющий взглянуть на самого себя. Именно объединяя «научный» анализ и религию как мораль, Ганди создал возможность говорить о себе как о душе. Таким образом, автобиографическое письмо Махатмы Ганди показывает развитие жанра

²⁵³ Gandhi, Mohandas Karamchand., and Mahadev Desai. An Autobiography or the Story of My Experiments with the Truth. Penguin Books, 1983. Pp. 2

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Здесь тоже необходимо упоминать, что Ганди во время индийского национального движения попросил всех отказать западные вещи, и использовать «Свадешы» (туземные вещи), может быть вот поэтому его друг просил его не писать автобиографию, так как это тоже укрепляет влияние запада на местную культуру.

автобиографии от «Дживанврутанта» (Story of life) до новой традиции «Атмката» (story of the soul). Махатма Ганди написал свою автобиографию на своем родном гуджаратском языке. Тем самым, подтвердив, что только на своем родном языке можно правдиво говорить о себе и о своей духовной развитии.

Однако, Джавахарлал Неру не находился под влиянием новой традиции «Атмката». Он принадлежал к элитному слою колонизированной страны, человеком, получившим образование на Западе. Поэтому он не мог не избежать влияния западной литературной традиции на его письма. В своей автобиографии он написал:

«I have become a queer mixture of the East and the West, out of place everywhere, at home nowhere. Perhaps my thoughts and approach to life are more akin to what is called Western than Eastern, but India clings to me, as she does to all her children, in innumerable ways, and behind me lie, somewhere in the subconscious, racial memories of a hundred or whatever the number may be, generations of Brahmans ... I am a stranger, an alien in the West. I cannot be of it. But in my own country also, sometimes, I have an exile's feeling.»²⁵⁶

Автобиографический модус повествования в автобиографических письмах Неру был более широко признан среди южно-азиатских писателей XX века. Разница между автобиографией «Атмката» и автобиографией Неру заключается в том, что в автобиографии Ганди раскрытие самости автора является главной темой, а в автобиографии Неру больше обсуждаются социальные и политические вопросы и раскрывается его публичное «Я».

4.1.3 Традиция автобиографического письма в современной Индии

Корнелия Сорабджи (1866 -1954 гг.)

Одна из замечательных автобиографий работ современной Индии является двухтомная автобиография «Индия Зовет: Воспоминания»²⁵⁷ Корнелии Сорабджи. Корнелия Сорабджи была первой женщиной-адвокатом Индии. Она вела борьбу против подавления женщин в индийском обществе. Как адвокат она боролась за права

²⁵⁶ Nehru, Jawaharlal. An Autobiography - Jawaharlal Nehru. Oxford University Press, 2004. Pp. 596

²⁵⁷ Sorabji, Cornelia, and Lokugé Chandani. India Calling: the Memories of Cornelia Sorabji, India's First Woman Barrister. Oxford University Press, 2001.

ортодоксальных индусских пурадаханашинов (purdanashins) и помогала им узнать свои законные права и чтобы их не обманули из-за наследства. Борьбу Сорабджи уже начала, когда заняла первое место на экзамене бомбейского президентства и получила государственную стипендию:

*«In spite of the University Constitution declaring that women were as men, I was not allowed to hold any scholarship, but the Authorities said 'No'! It was in fact impertinent of any woman to produce circumstances which were not in the mind of Authorities as a possible when they dangled a gilded prize before eyes that should have been male eyes only».*²⁵⁸

Одной из самых популярных и в то время скандальных автобиографией является работа Нирада С. Чаудари «Автобиография неизвестного индийца» («Autobiography of an Unknown Indian»). Это автобиография была опубликована в 1951 году. Нирада С. Чаудари посвятил ее «памяти о Британской империи». Эта автобиография вызвала возмущение у индийских читателей и критиков. В этой работе Чаудари смог эффективно передать психологию человека, который принадлежал одновременно к двумя конфликтующим культурам.

В этот же период были написаны разные другие автобиографии, которые резко отличались друг от друга по содержанию и методам написания. Например, в 1950-х годах были опубликованы автобиографии Нрибендры Чандры Банерджи «На распутье: автобиография» и «Мои политические воспоминания», «Автобиография» (1959 г.) Н. Б. Харе и «Внутренний форт Лахора» (1959 г.) Джаяпракаша Нараяна. Все эти писатели были политиками, в их автобиографических письмах наблюдается явная связь между публичной и частной жизнью. Женщины тоже активно писали о своей жизни: **Кришна Неру** была сестрой Джавахарлала Неру и в своей автобиографии рассказывает о политической жизни, о своих отношениях с братом и сестрами. Недостаток соответствующих политических автобиографий, которые тем или иным образом оказываются связанными с жизнью знаменитых людей, заключается в том, что они подавляются фигурами этих людей.

²⁵⁸ Jawaharlal Nehru, An Autobiography, Oxford University. 1936, p. 596 retrieved from http://dspace.wbpublibnet.gov.in:8080/jspui/bitstream/10689/12675/12/Chapter8_571-611p.pdf

Наянтара Сахгал, дочь Виджай Лакшми Пандита, продолжила традицию автобиографического письма в семье Неру и написала автобиографию «Тюрьма и шоколадный торт» в 1954 году. Через несколько лет в 1962 году она написала вторую автобиографию «От страха освободи» (From Fear Set Free). В качестве примера не политических авторов можно назвать автобиографию Веда Мехта «Лицом к лицу».

Автобиографии политических деятелей и лидеров стали очень популярными в 1960-х и 1970-х годах. Самыми популярными автобиографиями этого периода были «История моей жизни» (т. 1-3, 1974–79 гг.) Мораджи Десаи, «Отец моего сына» (1968 г.) Дома Мораеса, «Мои дни» (1975 г.) Р.К. Нараяна и «Моя история» (1976 г.) Камалы Дас.

Автобиография Камалы Дас «Моя история» впервые была опубликована на языке малаялам. Камала Дас является одним из самых популярных поэтов Индии. По методу повествования, ее автобиография является очень интересной, так как в ней наблюдается конфессиональный модус написания, являющийся отличительной чертой её поэзии. На языке малаялам было написано более 500 автобиографий, многие из них были опубликованы в XX веке.

Часто в автобиографических письмах, которые были опубликованы к концу XX века, обсуждалась роль автора в определенном периоде и событиях истории. Примерами таких работ можно назвать мемуары Джагмохана (губернатора государства, пережившего конфликт) «Моя замороженная турбулентность в Кашмире» (My Frozen Turbulence in Kashmir, 1992 г.), и мемуары бывшего президента Р. Венкатарамана «Мои президентские годы» (1994 г.).

Женщины тоже писали автобиографии. Самыми известными из них являются автобиографические работы Аннесы Юнг «Раскрывать Индию» (Unveiling India, 1988) и Мины Александра «Линии разломов». В автобиографии Аннесы Юнг обсуждаются женские вопросы, а в автобиографии Мины Александра рассматривается жизненный опыт женщин-иммигрантов.

Традиция автобиографического письма процветала на местных языках Индии, но не являлась настолько популярной, как автобиографические письма на английском языке. Отчасти это связано с нехваткой качественных переводов автобиографий на другие более распространенные языки, а также с культурно обусловленной сдержанностью самих авторов, которым трудно писать о своей жизни и раскрывать подробности своей частной жизни перед местными читателями. Поэтому большинство автобиографических писем, написанных на местных языках, были опубликованы только после смерти авторов.

В индийской женской литературе автобиографические письма увидели наибольшее развитие в 70-х годах. Все больше женщин получали образование и выходили в общество. Они чувствовали необходимость рассказать о своей жизни. Некоторыми из выдающихся автобиографий современности являются «Моя история» Камалы Даса (1976 г.), «Доходная марка» Амриты Притам (1976 г.), «Видение счастья» Виджая Лакшми Пандита (1979 г.), «Мои Воспоминания» Ренуки Рэя (1982 г.), «Калейдоскопическая история моей жизни» Шантабая Камбла (1983 г.), «Аайдан: Плетение моей жизни» Урмилы Павара (1988 г.), «Незавершенная автобиография» Индиры Госвами (1990 г.), «Жизнь врозь: автобиография» Прабхи Хайтана. Автобиография выдающегося пенджабского писателя Амриты Притам «Расиди Тикат» была переведена в 1977 году на английский язык как «The Revenue Stamp: An Autobiography» (рус. «Марка дохода: автобиография»). Эта работа является одной из самых смелых автобиографий в Индии. В ней писатель очень открыто описала свою частную жизнь. В 1989 году были опубликованы мемуары Амриты Притам, которые также привлекли большое внимание критиков и читателей. Существенным изменением в женских автобиографических письмах современного периода является то, что ближе к концу 70х и в последующие годы они становятся все более и более персонализированным повествованием. Личность и индивидуальность писательниц начинает играть огромную роль в этих произведениях.

В данной главе дается всесторонняя оценка развития традиции автобиографического начала в письмах женщин-писателей от древней до современной Индии. Однако в индийской литературной критике нет точного эквивалента термина автобиографизм, хотя исследование исторического развития женских произведений показывает, что принципы автобиографизма найдены даже в самых первых индийских женских произведениях, таких как Тхеригатха. Начиная с «Тхеригатха» буддийских бхикшунь древней Индии, которые были по существу автобиографическими стихами, до автобиографических писем индийских писательниц современности, например, таких как Амрита Притам, Урмила Павар и др., автобиографизм проявляется как важный компонент в письмах женщин-писателей. В следующей части этой главы мы будем обсуждать автобиографизм в творчестве Наянтары Сахгал.

4.2 Автобиографизм и творчество Наянтары Сахгал

Наянтара Сахгал является одной из выдающихся индийских писательниц, которые создавали свои произведения на английском языке. Она написала восемь романов, две автобиографии, два политических комментария и много статей, которые были опубликованы в различных газетах и журналах. В 1985 году она получила Премию Синглера, в 1986 году престижную премию академии Сахития за свой роман «Богатые как мы» (Rich like us, 1985) и в 1987 году Премию писателей содружества Евразии.

В её романах описываются социальные и политические изменения в Индии, особенно после освобождения страны. Она принадлежит к семье, которая сыграла значительную роль в индийском национально-освободительном движении, поэтому Наянтара Сахгал хорошо осведомлена о социально-политическом климате современной Индии.

Наянтара Сахгал родилась 10 мая 1927 года в одной из самых известных политических семей Индии. Она была племянницей первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. Её мать Виджая Лакшми Пандит, сестра Джавахарлала Неру, активно участвовала в борьбе за свободу Индии. Она была арестована и заключена в тюрьму трижды в 1932-1933, 1940 и 1942-1943 годах в связи с движением Гражданского неповиновения. В 1937 году мать Наянтара Сахгал была избрана членом Законодательного собрания Объединенных провинций, однако в 1939 году она подала в отставку, чтобы протестовать против решения правительства участвовать во Второй мировой войне. В 1953 году она стала первой женщиной, которая была избрана президентом Генеральной Ассамблеи ООН.

Отец Наянтара Сахгала Ранджит Ситарам Пандит (1893-1944 гг.) был успешным адвокатом и учителем классического санскрита. В 1921 году он женился на Виджая Лакшми. Он также боролся за свободу Индии и был арестован несколько раз со многими лидерами конгресса. Он был известным знатоком санскрита и переводил многие санскритские работы на английский язык.

Семья Наянтара Сахгал считается первой семьей Индии, которая была центром движения за свободу Индии. Ананд Бхаван - дом, в котором она родилась, был центром борцов за свободу Индии. Наянтара выросла в самый нестабильный период истории Индии. Она была свидетелем национального движения, ведь ее детство прошло среди политических элит Индии. Вот поэтому, когда вышла в свет её

автобиография «Тюрьма и шоколадный торт» в 1954 году, она сразу привлекла всеобщее внимание. Это была первая книга Наянтара Сахгал. Когда её спросили, почему она решила написать эту автобиографию, она ответила

«I grew up during India's non- violent fight for freedom from British rule. I knew history would record the struggle but I didn't want the special magic of that time and it's special quality to disappear without a trace, especially as I had had the privilege of growing up in a family whose men and women had committed their lives to it. As I wrote the book not long after independence, that period was very fresh in my mind.»²⁵⁹

Наянтара Сахгал написала две автобиографии: «Тюрьма и шоколадный торт», опубликованную в 1954 году, и «От страха освобождают»²⁶⁰, опубликованную в 1963 году. В первой автобиографии она написала о своём детстве, во второй автобиографии - о своей собственной семейной жизни после её свадьбы с бизнесменом Гаутом Сахгал. В данной исследовательской работе мы подробно рассмотрим её первую автобиографию «Тюрьма и шоколадный торт».

В автобиографии «Тюрьма и шоколадный торт» автор рассказывает о сложных событиях своей жизни простыми и понятными словами. При чтении автобиографии создается впечатление, что всю историю рассказывает не взрослый человек, а маленькая девочка. Такой метод написания делает эту автобиографию очень интересной. Наянтара Сахгал могла без всякого труда сопоставить явно не связанные изображения при описании событий из своей жизни. Например, она кусала шоколадный торт и в то же самое время радостно беседовала с полицейскими, которые пришли арестовать её отца. Она радостно попрощалась с отцом. Ей было тогда всего три года. Интересно отметить, как беспощадно автор сопоставила два разных изображения: чай и шоколадный торт, счастливый ребенок и арест отца.

«One day, when I was about three years old we had chocolate cake for tea. It was a treat because ordinarily we had bread and butter. It was rich, dark cake, chocolate

²⁵⁹ See interview of Nayantara Sahgal in the section "About the author" in the end of the book ; Sahgal, Nayantara. *Prison and Chocolate Cake*, Harpercollins, India. 1997. Pp. 6

²⁶⁰ Sahgal, Nayantara. *From Fear Set Free*. Penguin India, 2009.

through and through, with chocolate swirls on top. While we were at tea, a group of policemen arrived at the house. When Lekha asked why they had come, Mummie explained that they had come to take Papu to prison, but that it was nothing to worry about, that he wanted to go. So, we kissed him goodbye and watched him leave, talking cheerfully to policemen.»²⁶¹

Автор анализирует свою жизнь через безжалостное сопоставление двух явно не связанных изображения. После этого инцидента тюрьма для неё была связана с шоколадным тортом. Как пишет автор: *«We ate our chocolate cake, and in our infant mind prison became in some mysterious way associated with chocolate cake.»²⁶²*

Этим можно объяснить название автобиографии «Тюрьма и шоколадный торт», в которой политическая деятельность членов её семьи изображается без малейшего намека на грусть. Взрослые в семье воспитывали детей таким образом, чтобы у них не было никаких неприятных впечатлений. Её мама всегда говорила Наянтара Сахгал и ее сестрам Чандралехе и Рите, что они делают «большую работу» для своей Родины и дети должны помогать им в этом. Когда арестовали дядю Неру, мама ожидая своего ареста и отца, готовила своих детей к несчастью. Она просила их поддерживать свой моральный дух

«Mamu (Jawaharlal Nehru) has already gone. Papu is going in a day or two, and my turn will come next week. You and Lekha and Tara will remain out, but you will be Satyagrahis just the same as we and you will do your bit by keeping the flag flying over Anand Bhavan. This is a big job and you will be helping in the good fight just as much as we are ... We want smiles and grit to win through in this fight which will mean freedom for us all, and for this great big, beautiful India of ours think of it, darling, you and I and Papu Mamu are helping to make her free. Isn't it something to be proud of and very happy about?»²⁶³

Автор понимает это как попытку её родителей познакомить их с учением Махатмы Ганди, то есть что арест должен быть добровольным и заключение в тюрьму

²⁶¹ Sahgal, Nayantara. *Prison and Chocolate Cake*, Harpercollins, India. 1997. Pp. 20

²⁶² Там же.

²⁶³ Sahgal, Nayantara. *Prison and Chocolate Cake*, Harpercollins, India. 1997. Pp. 86

нужно принять с радостью. Попадание в тюрьму не должно иметь неприятных ассоциаций. Наянтара и её сестры скоро привыкли к аресту членов их семьи. Они глубоко впитали учение Ганди и даже были морально готовы пойти в тюрьму. По словам Наянтара Сахгал *«Seeing Mummie, Papu, and all the family go to jail, we longed to be old enough to go to jail.»*²⁶⁴

Название автобиографии «Тюрьма и шоколадный торт» имеет переносное значение: тюрьма - тяжелая судьба семьи, а шоколад - привилегированная жизнь их семьи. Автор в своей автобиографии не уклоняется от этого факта. В автобиографии, она подробно описывает богатство своей семьи. Дедушка Наянтара Сахгала, Пандит Мотилал Неру, всегда любил королевский образ жизни. Он покупал самые модные, роскошные одежды для себя и своих детей из Лондона и Парижа. Но когда он начал участвовать в национальном движении и познакомился с Ганди, он очень изменился и отказался от богатой жизни. Он был под сильным влиянием учения Ганди и от всего сердца следовал этому учению. Автор с гордостью пишет о том, как её дедушка и вся семья отказалась от роскошной жизни

*«- he (Motilal Nehru) made a huge bonfire of all his family's foreign apparel, pledging himself to wear only swadeshi and to use only swadeshi articles in his home from that day... With the onset of the non-cooperation movement, the two cuisines (European and Indian) reduced to one and the cellar abolished altogether, for teetotalism was another of Gandhiji's tenets. The vast retinue of servants was cut down, and Nanuji sold his horses and much of his treasured China and crystal.»*²⁶⁵

Наянтара поражена преобразованием дедушки, тем как сильно он верил в философию Ганди. Она пишет

*«To understand how it happened that a man with an epicure's enjoyment of life could at the age of sixty quietly give up overnight the luxury in which he had always indulged and following his son, could undergo a complete conversion of his entire mode of living is to understand a fraction of a nation bewitched by Gandhi.»*²⁶⁶

²⁶⁴ Sahgal, Nayantara. *Prison and Chocolate Cake*, Harpercollins, India. 1997. Pp. 20-21

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же.

После того, как дедушка оставил роскошную жизнь под влиянием учения Махатмы Ганди и Движения Свадешши (Swadeshi movement), вся семья тоже оставила модные роскошные одежды и начали носить кхади и жить простой жизнью. Автор пишет о своей маме

«When the boycott of foreign goods began in India, Mummie, in common with many women all over the country, took to wearing coarse white khadi saris. Khadi at that time was not the finely woven material it later became. Stored away were the expensive, beautiful saris of her trousseau, and all her exquisite jewellery»²⁶⁷

Мама Наянтары, она сама и её сестры носили только кхади, а также белые кепки Ганди, которые были сделаны из кхади. Это кепка Ганди была символом культурной гордости. Когда дети англичан смеялись над маленькой Наянтарой и её сестрами за то, что они носили эти кепки, Леха, сестра автора, начинала плакать, поскольку ей было стыдно. Наянтара не чувствовала стыда, она верила в учение Ганди и отказывалась снимать свою кепку – «I am not going to take mine off. I'll see how long they laugh. If mamu can go jail because of it, I can keep mine on head.»²⁶⁸

Таким образом, мы видим, что вся семья автора добровольно отказалась от «шоколадного торта». Это было редкостью в то время, но, тем не менее они ели «хлеб и масло» на завтрак, это означает, что они перестали жить роскошной жизнью, но все же имели привилегированную жизнь.

Наянтара и её сестры учились в западных миссионерских школах: в школе «Bluebirds (Junior Girls Campfire)» в Аллахабаде и затем в совместной школе «Woodstock School» в Массури. Наянтара и её сестра были отправлены в Америку в 1943 году для получения высшего образования. В Америке они поступили в колледж в Уэлсли. В тогдашней Индии лишь немногие избранные имели средства, чтобы учиться за границей.

Наянтара Сахгал начинает свою автобиографию с рассказа «По пути в Америку». В этой главе автор рассказывает, что им было трудно продолжать свою учёбу в Индии, так как вся её семья участвовала в борьбе за свободу своей Родины и почти все члены семьи являются политзаключенными. На корабле по пути в Америку,

²⁶⁷ Там же. С. 28

²⁶⁸ Там же. С.47

один американец спросил сестер: «Почему они хотят поступить в колледж в Америке во время войны?». Наянтара ответила, что

«You see at home students have to promise not to take part in political activities... For the past nine months all my family have been in jail for wanting their country to be free, and nobody outside India knows about it. .. You see, at home we are not allowed to say what we think. If anyone says he wants freedom for India, he gets locked up in prison»²⁶⁹

Оксюморонная судьба автора и её семьи, которая имела все привилегии, но отказалась от богатства и часто попадала в тюрьму, оправдывает название автобиографии. Семья отказалась от роскоши «шоколадного торта» и предпочла тюрьму в обмен на свободу своей Родины.

Процесс самосознания автора через свое политическое сознание

В главе «Политика и мы» писатель рассказывает об их политическом сознании, которое было для них «длительным непроизвольным процессом». Дом «Ананд Бхаван» был центром национального движения. Его посещали политические деятели, члены конгресса и другие борцы за свободу. Маленькая Наянтара выросла в этой политической среде, вот почему автор хорошо понимала политику того времени. Естественно, Наянтара Сахгал и её сестры не могли быть далеки от социальных и политических реальностей того периода. Как отмечает автор

«With us, political awareness was a gradual and unconscious process and the most important influence in our lives. We were born and grew up at a time when India had come under the leadership of Gandhi and was maturing to nationhood under his guidance. My sister and I were among the youngest of India's children to be touched by the spark with which Gandhi illuminated our country. It touched our lives in innumerable small ways and penetrated our consciousness gradually, so that as we grew, it became a living part of us.»²⁷⁰

²⁶⁹ Там же. С. 11

²⁷⁰ Там же. С. 17

В автобиографии Наянтара Сахгал мы видим, что политические события по существу тесно связаны с её личной историей. Поскольку ее семья активно участвовала в борьбе за свободу Индии, дети дома должны были находиться под влиянием их идеологии. Политические деятели очень часто бывали в их доме и часто проводили там политические митинги. Махатма Ганди тоже посещал Ананд Бхаван, проводил там утренние и вечерние молитвы, много активистов участвовали в этих собраниях.

В главе «О людях» автор подробно пишет о выдающихся людях из разных областей, с которыми она познакомилась в своём доме и во время своего проживания в Америке. Политический деятель Сароджини Найду была одним их частых посетителей Ананд Бхаван. Ее дочь Падмазу очень любили Наянтара и её сестры. О Сароджини Найду автор пишет очень подробно

*«(Sarojini Naidu was) Spontaneous, blunt and sharp-tongued, she could also be gentle, and music flowed from her speech as it did from her pen. She was a great story-teller, with a completely unselfconscious way of accompanying her anecdote with vivid facial expressions and gestures that could not but produce immediate hilarity among her listeners. She turned every gathering into a festival, for she infected those around her with her irrepressible vivacity and *joue de Vivre*.»²⁷¹*

Молодая Наянтара Сахгал находилась под влиянием Сароджини Найду. Она также очень нежно вспоминает о ее дочери. Далее, в этой же главе, автор пишет о Ганди и его посещениях Ананд Бхаван. Автор пишет о Ганди

«Gandhiji was the most honoured of guests. Each visit of his was a novel and indescribable experience. However often one saw him, or watched the crowds react to him , one could not believe that such a phenomenon was possible. It is one thing to recall just one such event in memory, and quite another to see it re-enacted over and over again before one's eyes in all its unbelievable magnetism»²⁷²

В этой же главе «О людях», Наянтара Сахгал с любовью вспоминает своего дядю Джавахарлала Неру. Наянтара и её сестра очень любили его. Неру тоже любил их. В

²⁷¹ Там же. С. 130

²⁷² Там же. С. 132

детстве автора именно дядя Неру оказал на неё и её сестр наибольшее влияние. По словам Наянтара Сахгал

«What Mamu said was always something to listen to attentively, stow away carefully in memory and remember forever afterwards.»²⁷³

Наянтара Сахгал часто записывала отрывки и цитаты из его публичных лекций в свои дневники и учила их наизусть. *« Three-quarters of my notebook was filled with excerpts from Mamu's books and speeches»²⁷⁴*- отмечает автор. Когда автор со своей сестрой приехала в Америку для получения высшего образования, их приняли с энтузиазмом. Они были известны как «племянницы Неру». Когда они были в Америке, борьба за свободу в Индии была на пике. Во всем мире люди читали о политических событиях, происходящих в Индии. Поскольку семья Неру была в первых рядах этого движения, мировые СМИ подробно о них писали. Многие газеты писали о Наянтаре и ее сестрах. Они стали еще популярнее. Об этом пишет автор

«The Nehru name also produced the profusion of telephone calls, flowers, attention in the press, and even fan mails. The fan mail came from school and college students, from organizations interested in India's fight for independence, from Negro organizations, from a Puerto Rican nationalist and from young servicemen in England, Italy, and India whose families had sent them newspaper clippings about us. These were letters, some containing invitations to stay at their homes during our vacations so that we could become acquainted with American life. Time had a paragraph referring to us as «the raven-eyed nieces of Nehru.» Another magazine referred to our musical names, Chandralekha and Nayantara.»²⁷⁵

Таким образом, мы можем видеть, что личность автора зависит от ее окружающей среды и от влиятельных личностей, которые оказали значительное влияние на формирование личности самого автора. В то время как она подробно пишет о политической ситуации, борьбе за свободу в Индии, борцах за свободу, ее личное «Я» маргинализировано. Вместо того, чтобы быть в центре повествования, её личное

²⁷³ Там же. С. 140

²⁷⁴ Там же. С. 117

²⁷⁵ Там же. С. 120

«Я» вращается вокруг политических событий. Очевидно, она не могла избежать этого. Ее личность обусловлена чрезмерным воздействием политической атмосферы дома, через ее родителей, дядю и других лидеров.

Как мы уже упоминали, личность автора обусловлена, доминирующими идеологиями. Автор и его личность очень часто не является автобиографическим субъектом в данной автобиографии. Автобиографическое «Я» почти отсутствует в тексте. На первый взгляд, автобиография Сахгал находится ближе к автобиографиям мужчин, в которых чаще всего автор наблюдает важные социальные политические изменения, происходящие в окружающей их среде.

Субъектом данной автобиографии является политическая среда и политические деятели, а автор просто играет роль оратора. Например, в главе «О людях», автор подробно рассказывает о политических деятелях того времени, таких как Сароджини Найду, Махатма Ганди, Пандит Неру и другие. Автор дает подробное описание этих выдающихся людей. Сам писатель стоит в углу или на периферии, и эти люди становятся центром повествования. Это показывает, что автор, как автобиографический субъект, осознает свое положение в тексте и свою идеологию, которая несомненно является обусловленной. Автобиографическое «Я» здесь следует понимать, как оно определено Сидони Смитом в «Поэтике женской автобиографии»²⁷⁶, что оно всегда реализуется «в социальном, материальном и духовном плане».

Тем не менее, автобиография является феминистской, поскольку она опирается и подчеркивает опыт женщин в семье, обществе и нации. Автобиография Наянтара Сахгал также позволяет читателям познакомиться с многими женщинами, которые играли значительную роль в индийском национально-освободительном движении. Сароджини Найду один из частых посетителей Ананда Бхавана оказала существенное влияние на юную Наянтару. В то время Наянтара, возможно, не понимала ее заботы о ней, но теперь, когда она вспоминает о ней, поняла ее лучше. Однажды, когда Сароджини Найду спросила Наянтару, она бы предпочла быть самой блестящей женщиной на свете или самой красивой. В таком впечатлительном возрасте, конечно автор не мог бы понять её феминистические идеалы и ответила, что она бы предпочла быть самой блестящей. Автор помнит об этом случае, поэтому решила написать об

²⁷⁶ Smith, Sidonie. *A Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Fictions of Self-Representation*. Bloomington: Indiana University Press, 1987.

этом в своей автобиографии, объясняя тот факт, что она понимает ее лучше и также описывает характер Сароджини Найду.

Наянтара и ее сестры были очень близки с дочерью Сароджини Найду, Падмзой. Они называли ее Падмаси. Она была бесстрашной женщиной. Когда Движение Свадеши было на пике, все отказались от иностранной одежды и одели кхади, но Падмаза не последовала идеалам этого движения. Она отказалась вписаться в политическую атмосферу того времени. Её мятежный характер произвел неизгладимое впечатление на Наянтару и её сестер. Автор пишет о Падмазе

«Padmasi was a person of indefinable charm who did not belong to and made no pretence of fitting into an austere political atmosphere...Her bright silks rustled unashamedly amid the subdued whisper of khadi. She always wore flowers in her hair. There was something of the bird of paradise about her, confined, restless, in a glen of sparrows. Padmasi had been an invalid all her life, a fact belied by her gaiety, her gift for repartee and keen sense of the ridiculous inherited from her mother. She was our favourite and advisor and our severest critic. We were fascinated by the air of silken luxury and sparkling wit which seemed to surround her, making her presence a salon and her personality a legend.»²⁷⁷

Сахгал никогда не сталкивалась с каким-либо неудачами или чувством пренебрежения из-за своего пола. Наянтара Сахгал родилась и выросла в семье Неру, которая намного опередила свое время. Атмосфера в семье была либеральной и прогрессивной. Наянтара и её сестра Леха были отправлены в американскую миссионерскую Вудстокскую школу в Масурии. В то время немногие отправляли своих детей в американскую школу, за это консервативные знакомые резко критиковали родителей автора. Автор пишет об этом в автобиографии

«Some of our parents' acquaintances raised startled eyebrows at the idea. To the modern conservative Indian mind, accustomed to an education along strictly British lines, an American education amounted to no education at all. "Do you want your girls to learn hiking instead of arithmetic?" a lady asked my mother sourly. "And,

²⁷⁷ Sahgal, Nayantara. *Prison and Chocolate Cake*, Harpercollins, India. 1997. Pp. 131-132

*speaking of arithmetic, you realize they will be learning it in dollars and cents?" This remark was intended to be pregnant with ominous prophecy».*²⁷⁸

Родители автора решили отправить Наянтару с ее сестрой в Америку для получения высшего образования. В то время шла вторая мировая война. Это было сложное время. Это было хорошо известно её родителям, что за границей девочкам будет трудно жить самостоятельно. В то время Наянтаре было шестнадцать лет, а её сестре Лехе было девятнадцать лет. Это смелое решение их родителей удивило многих в то время. Сама автор пишет об этом

*«Some things will always remain a mystery to me. One of these is the perpetually baffling question: how did Mummie and Papu have the courage to send us to America in 1943? Many people had journeyed abroad before the war, and many more were to go after, but few went as we did, at our age, from a peaceful country on a troop ship at the height of the war».*²⁷⁹

Смелость и решимость родителей, чтобы их дочери получили хорошее образование и не страдали эмоционально из-за их политической деятельности, объясняется прогрессивностью семьи. Семью автора часто критиковали за то, что их образ жизни слишком прозападный (westernized). В некотором смысле это верно, так как многие члены семьи получили образование в западных университетах. Безусловно либеральные и прогрессивные идеологии Запада повлияли на их мировоззрение. К девочкам относились также как к мальчикам. Это может быть одной из причин того, что в автобиографии гендерные вопросы не занимают центрального места. Однако, автор в своей второй автобиографии «От страха освободи» (From Fear Set Free, 1962) обсуждает гендерные вопросы, так как она сама столкнулась с множеством бытовых проблем после своей свадьбы.

На первый взгляд, повествование автора выглядит как «безгендерное повествование» (genderless narration). Можно сказать, что автор по существу не осознает своего «гендерного я» (gendered self). В автобиографии автор не находится в центре повествования, она описывает свой опыт, родителей и их борьба за свободу, дядю Неру и его влияние на автора, Ганди и его философию. «Авторское я» в данной

²⁷⁸ Там же. 51

²⁷⁹ Там же. 3

автобиографии не является самостоятельным, так как оно всегда ощущается по отношению к другим.

В процессе повествования автор вспоминает о разных людях и ситуациях, которые могут обогащать её текст, о национально-освободительном движении. Очень редко автор отклоняется от цели написания своей автобиографии, то есть о своем непосредственном опыте, о борцах и борьбе за свободу в Индии. Данная автобиография по существу можно сказать является воспоминаниями о борьбе Индии за свободу глазами девушки-подростка.

Тематическая особенность автобиографии Наянтара Сахгал

Как мы уже обсуждали, главной целью автора является рассказ об индийском национально-освободительном движении. Наянтара Сахгал росла в самый переломный период в истории современной Индии. В 1930х -1940х годах в Индии происходило много различных событий, которые несомненно очень повлияли на судьбу самого автора. Тема национализма является одной из самых главных тем в данной автобиографии. Для писателя страна и национальный интерес были приоритетными. Родители всегда были заняты своей политической деятельностью и имели очень мало времени для детей, но дети редко жаловались на это. Однако дети жаждали «нормальной жизни», и очень хотели, чтобы их родители спокойно жили с ними. Но это было невозможно, поскольку их родители активно участвовали в борьбе за свободу и были лидерами масс. Автор пишет о том, что когда арестовывали их родителей и родственников, она очень беспокоилась и скучала по ним. Но взрослые дома учили их, что они должны быть смелыми и не падать духом, так как родители и родственники боролись за светлое будущее страны. Воспоминая эти моменты, автор пишет:

«There were bleak moments during the separations. I missed my mother and cried for her, always in secret, because crying over such matters was not allowed by our self-imposed family code. But we emerged from these spells each time more convinced that our parents were doing the right thing. The time we spent together in a family group became doubly precious because it was rare; as a result of this, family life became happier, more closely knit, and imbued with a deep sense of unity and common ideals. So childhood, despite its unhappy moments and what fairy tale does not have its witches and goblins? had an enchanted quality.»²⁸⁰

²⁸⁰ Там же. 19-20

Во время движения Сатьяграх вся семья автора была заключена в тюрьму. В доме осталась только Наянтара и её младшая сестра Рита. Домашняя прислуга заботилась о них. Во время движения Сатьяграха началась ожесточенная кампания (Campaign) против несправедливой политики колониального правительства. Многие члены Конгресса были арестованы. Разные организации, студенты и простые люди организовали мирные шествия в Аллахабаде и в других городах против арестов лидеров конгресса и бесчисленных людей без какого-либо судебного разбирательства. Все члены семьи автора тоже были арестованы. Автор пишет об этом периоде

«When Mummie, Indi(Indira), Feroze, and Lekha were arrested in rapid succession, Rita and I were completely cut off from them. During earlier imprisonment, political prisoners had been allowed interviews, a limited supply of books, and a censored correspondence at the discretion of the prison authorities. This time all facilities were forbidden. We were not permitted either to see our parents or to write to them... Alone with Rita and our governess in the big empty house, I tried to concentrate on studies for my approaching examinations. Reading history had no meaning, for history was being made in a blood-stirring way every day of our lives. Time dwindled by with painful slowness, and I waited impatiently for my examinations to be over.»²⁸¹

После ареста своей семьи через два месяца Наянтара с сестрой переехала в Америку, чтобы получить высшее образование. Из Америки они писали письма своим родителям и обсуждали с ними разные социально-политические вопросы. Эти письма тоже включены в автобиографию автора в главу «Война и мы» («The War to Us»). Политическое сознание автора ярко проявляется в этих письмах. Она обсуждает такие вопросы как: будет ли участвовать Индия в мировой войне или нет? Как конгресс относится к этому вопросу? Что такое коммунизм? Если Индия будет участвовать в войне, тогда какое значение имеет философия ненасилия Ганди? Хотя автору было только двенадцать лет, она хорошо понимала социальные и политические вопросы того времени. Она была слишком молода, чтобы участвовать активно в политической деятельности. В то время она просто внимательно наблюдала за политическим развитием. Как отмечает автор

«We were never part of this exciting (political) activity (at Anand Bhavan).... We watched people arrive and leave from our position between the rails of the banisters. Often the only way we could hear the arguments taking place in the library was by

²⁸¹ Там же. 109-110

climbing the staircase to the roof and peering down at the select gathering through one of the blue-glass skylights. Little did we know that while we spied for fun, momentous plans were being laid which were revolutionizing the mind of India day by day.»²⁸²

В своей автобиографии Наянтара Сахгал как будто является зрителем социально-политического развития в своей стране. Через описания политических лидеров того времени, автор рисует живой портрет тогдашней Индии.

Тема матери и дочери, которая является общей темой автобиографического письма женщин, широко исследуется в этой автобиографии. Автор пишет полнометражный очерк жизни своей матери. Вспоминая о своем веселом и счастливом детстве, Наянтара Сахгал больше всего пишет о своей матери. Она находится в центре повествования. Мать автора Виджай Лакшми Пандит была очень популярным политическим деятелем. Автор многократно пишет о том, как сильно она любит свою маму, за её женскую чувствительность дома и на публике. Во время движения Сатьяграха много людей проводили шествия против Британской власти. Полиция очень жестоко относилась к этим протестам и даже стреляла. В одном из протестов участвовала Наянтара и её сестра. Когда мама узнала о стрельбе, она поехала к месту протестов. Ей сказали, что она едет не туда где находятся ее дочери. На что она ответила, что другие студенты тоже являются ее детьми. Автор с большой нежностью пишет об этом случае

«Her moment of supreme courage came when she was given the news that two processions had been fired upon and several people injured, including one of her daughters. She left the house to go to one of the processions. "But, Mataji [Mother], you are going the wrong way. Your children are in the other procession/" said the messenger who had brought the news. "These are my children too," she replied, and calmly went her way. It was not until she returned home late that evening, after taking the wounded boys to a hospital and going to their parents' homes to break the news, that she discovered that we were safe and had not been injured during the firing.»²⁸³

Описывая политическую деятельность своей мамы, она не забывает также написать о том, как хорошо она готовила. Мать автора была не только блестящим политиком, но также и отличной хозяйкой. С большим уважением автор пишет о её

²⁸² Там же.

²⁸³ Там же. 107-108

талантах: она читала священные тексты Рамаяна и Гиту, она готовила чудесные блюда почти из ничего. Автор была сильно впечатлена безупречным чувством своей матери. Мать одновременно с всей душой участвовала в борьбе за свободу Индии и воспитывала своих детей. Мать автора была первой женщиной, которая занимала пост в правительстве. Она была первой женщиной, избранной в законодательное собрание соединённых провинций. Её назначали министром по делам местного самоуправления и общественного здоровья. Наянтара Сахагал была поражена ловкостью матери в домашних делах. Как пишет Наянтара в своей автобиографии о матери

A career, especially a political one, is proverbially said to rob a woman of much of her femininity. It has never had this effect on my mother. She continues to be a genius at whipping up miraculous meals out of nothing, at arranging flowers, at interior decoration, and all the things that make a house a home. And she continues to be the most feminine woman I have ever met, dainty and petite, with the time and inclination to look fresh and lovely, no matter how heavy her work.²⁸⁴

В тогдашней Индии очень мало женщин получили образование и свободно участвовали в политической деятельности. Мать автора была свободолюбивой женщиной. Она всегда делала все возможное для того, чтобы её дочери получили хорошее образование, поэтому она отправила своих детей учиться в Америку. В Индии Наянтаре и её сестре трудно было бы закончить свою учёбу, так как их родители и родственники активно занимались политической деятельностью и были лидерами национального движения. Вся семья всегда была под подозрением у власти.

Автобиография «Тюрьма и шоколадный торт» является первой книгой автора. Интересно заметить, что в своей автобиографии автор больше всего говорит о своей окружающей среде, социальном и политическом положении, а также о политических деятелях того времени. В автобиографиях женщин очень часто описывается их собственная личность и интимная жизнь, но в автобиографии Наянтара Сахагал интимная жизнь совсем не описывается. Тематические особенности автобиографии объясняют тот факт, что личность автора ощущается посредством описания судьбы окружающих её людей.

В данной автобиографии автор не описывает историю своей жизни хронологически. В первой главе «По пути в Америку», она пишет о том, как автор с сестрой путешествовала в Америку. Автор также описывает всех людей, с которыми

²⁸⁴ Там же. 27-28

они познакомились на корабле. В автобиографических работах большое значение имеет то, о каких вещах автор предпочитает писать, то есть какие события, опыт и людей автор считает достойными описать. Это в свою очередь объясняет цель автора, то есть почему он решил написать свою автобиографию. Автобиография Наянтара Сахгал по существу является мемуарами о политической деятельности её семьи, которая была в первом ряду индийского национального движения.

Автобиография «Тюрьма и шоколадный торт» заканчивается описанием убийства Махатмы Ганди. Наянтара и её сестра окончили свою учёбу в Америке и вернулись в Индию в 1947 году после освобождения Индии.

Можно сказать, что в автобиографии Наянтара Сахгал можно найти все общие характеристики современной автобиографии, то есть то, что автобиография является правдивым автобиографическим отчетом, конфессиональным и колоритным рассказом о жизни автора в величайшей борьбе за свободу Индии.

Автобиографизм и творчество Наянтары Сахгал

Наянтара Сахгал написала две автобиографии «Тюрьма и шоколадный торт» и «От страха освободить». Если в первой автобиографии она сосредоточилась на своих детских и подростковых переживаниях, то во второй - она рассказала о своей супружеской жизни и других семейных личных проблемах. Основные темы, которые мы заметили в автобиографических сочинениях Наянтары, проявляются как повторяющиеся темы и в ее вымышленных сочинениях. Например, в двух ее ранних работах «Время быть счастливым» и «Это время утра», тема политического сознания находится на заднем плане романов. Читая автобиографию Наянтары, мы узнаем, что она и ее семья были убежденными сторонниками философии ненасилия Ганди, и на нее лично очень сильно повлияли Ганди и Неру. Она много писала об этих двух великих фигурах индийской истории в своей автобиографии. Если мы противопоставим её вымышленные и не вымышленные работы, то обнаружим вымышленный перевод не только политической мысли и философии Ганди и Неру, а также вымышленность этих политических лидеров в её романах.

Например, философия Ганди является центральным мотивом в романе «Это время утра» (англ. *This Time of Morning*). Два главных героя этого романа, Кайлаш и Пракаш Шукла, являются ярыми сторонниками философии Ганди, но они чувствуют себя идеологически отчужденными в пост-независимой Индии, поскольку в политиках наблюдается явная эрозия политической совести. Разочарованный безразличием нового поколения к философии Ганди Кайлаш делает отчаянную попытку просветить

людей о Ганди. На встрече высокого уровня Кайлаш говорит об остром политическом и социальном понимании Ганди:

«(Gandhi) had been a pilgrim whose passion for truth had burst the bonds of religion, refused the confines of sainthood and had spilled over instead into the mainstream of daily life flowing into field and farm and factory. He had been no saint who stood aloof from the world's struggles. He had been a human being - a man among men who had demonstrated, as men did from time to time, the glory and grandeur of human effort.»²⁸⁵

Падение и отсутствие политической совести дегенеративных политиков в период пост-независимости изображается через их лексику. Они используют по отношению к верующим в философию Ганди такие слова, как «старые дураки», «старая неприятность» и «старые окаменелости». Другой персонаж романа Кальян Синха, советник по иностранным делам, символизирует новое поколение, которое забыло ценности Ганди. В романе Кайлаш испытывает ностальгию по связи с Ганди. Вспоминая прошлое, он очень подробно рассуждает о его философии, о революции и политическом сознании.

В эпизодах, где эти персонажи испытывают ностальгию, можно заметить отражение собственной длительной и личной причастности писательницы к истории и ее веру в философию Ганди, о которой она рассказывает в своей автобиографии. В этом романе, как и в автобиографии «Тюрьма и шоколадный торт», Ганди и его философия являются главной темой повествования. Этот автобиографический способ письма, т. е. извлечение тем из личного жизненного опыта и людей, с которыми писатель встречался, есть не что иное, как автобиографизм.

Этот автобиографический метод письма можно наблюдать и в других ее художественных произведениях. Например, в романе «Ситуации в Нью-Дели» писательница в основном обсуждает политическое будущее страны и изображает политический хаос и безвластие в стране после смерти Неру. Если в романе «Это время утра» она ставит Ганди в центр внимания, то в этом романе Неру вымышлен. Политический роман «Ситуации в Нью-Дели» основан на фактах и автобиографичен по своей природе. Одним из главных героев романа является Шиврадж. Он явно вымышленный аватар первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру.

²⁸⁵ Sahgal, Nayantara. This Time of Morning. HarperCollins Publishers India, 2008. Pp. 82

Смешение личного и политического является главной чертой ее автобиографизма, который проявляется во всех ее произведениях. Читая автобиографии Наянтары, мы узнали, что она имеет непосредственный опыт во всех политических событиях. И вот поэтому она интернализировала политическое сознание благодаря личному контакту с ключевыми лидерами национального движения. Этим объясняется националистическое чувство, прочно пронизывающее все ее творчество. Историческое и политическое наследие практически каждого десятилетия XX века творчески воссозданы в романах Сахгал. Политическое сознание является постоянной темой в ее творчестве. Не только ее невымышленные работы, но даже вымышленные полны социальных и политических тем. Она написала более девяти романов, и во всех ее работах, политические события, свидетелем которых она стала в ее жизни.

Шьямала А. Нараян изучила вмешательство автобиографических элементов в вымышленные произведения Наянтары. Критик заметила, что автор очень часто дает вымышленное представление в своих произведениях о таких политических лидерах, как Джавахарлал Неру, Виджаялакшми Пандит, Пратап Сингх Кайу и Махатма Ганди. В своем эссе «Автобиографический элемент в художественной литературе Наянтары Сахгал» Шьямала А. Нараян рисует резкие сходства между домами и городами, ситуациями и отношениями, как изображено в автобиографиях, а затем, соответственно, в ее художественной литературе. Фактические пересечения в вымышленных и невымышленных работах Наянтары также оставались в центре внимания феминистской критики в последние десятилетия. Критик Анна Гутман замечает, что в вымышленных работах Наянтары, таких как «Rich like Us» и «Lesser Breed», семья проявляется как метафор, обозначающий страну. Анна Гутман также отмечает, что вымышленная семья романа является очень похожей на собственную семью самого автора. Гутман замечает, что

«(fictional family) is evocative of the mythologization of Sahgal's own family and of the challenges this poses to her as, both, a writer and an individual in attempting to understand them»²⁸⁶

Сопоставление вымышленных произведений Наянтары, таких как «Богатые, как мы», «Ситуация в Нью-Дели», «Время быть счастливым», «Это время утра» и «День в тени», с ее автобиографиями показывает, что на фоне всех этих вымышленных

²⁸⁶ Guttman A. All in the Family: Nayantara Sahgal's Indian Home. In: The Nation of India in Contemporary Indian Literature. Palgrave Macmillan, New York. 2007 pp. 101

произведений находится национальное политическое движение Индии и другие политические события, связанные с ним. Если мы тщательно изучим вымышленные произведения писательницы, то мы сможем расшифровать переплетение личного и политического в ее воображении, которое довольно тонко представлено особенно в ее ранних романах.

В вымышленных произведениях автора мы находим культурные, политические и идеологические подводные течения, которые просочились в ее вымышленную работу. В романах «Богатые, как мы», «Планы на отъезд» и «Ошибочная идентичность» можно обнаружить хорошо синтезированные, творческие трансформации тонко смешанного автобиографического материала.

Автобиографизм как литературное явление очень распространено в не вымышленных и вымышленных работах Наянтары Сахгал. Критик Джасбира Джейн в своей книге «Наянтара Сахгал» изучала ее творческие методы. В первой главе своей книги, озаглавленной как «Ребенок из Индии Ганди» (англ. *The Child of Gandhi's India*), Джасбир Джейн разделяет работы Наянтары Сахгал на три категории: фактическая автобиография, эмоциональная автобиография и вымышленная автобиография. По мнению критика, по сути все работы Наянтары являются автобиографическими. И так мы видим, что Наянтара Сахгал широко использует автобиографизм как литературный прием в своих произведениях. Имея в виду размышление Джасбир Джейна можно сказать, что если «Тюрьма и шоколадный торт» и «От страха освободить» являются «фактическими автобиографиями» то романы «Это время утра», «Ситуация в Нью Дели» и др. её вымышленные работы, в которых мы обсуждались автобиографические элементы, являются «вымышленными автобиографиями».

Глава 5

Заключение

Современные критики вывели абстрактные критические принципы для автобиографических писем, основанные на идеалах автономии, самореализации, подлинности и трансцендентности, которые также отражают личные и культурные ценности автора. Линда Андерсон прослеживает эволюцию теоретической критики через «романтическое понятие самости» к «трансцендентному взгляду на искусство». Она признает проблематику бессознательного или сознательного смешения фактов и вымысла и пишет, что «автобиография производит беспокойство, которое может распространяться бесконечно и достигать где угодно, подрывая даже объективную позицию критика». Пол де Манн в своей статье «Автобиография как искажение» (Англ. «Autobiography as defacement») утверждает, что автобиография плохо «склоняется к жанровому определению; каждый конкретный случай кажется исключением из нормы; сами произведения всегда, кажется, затеваются в соседние или даже несовместимые жанры».²⁸⁷ В целом можно признать, что полное ограничение автобиографических элементов переходящего в художественную литературу и наоборот почти не возможно. В современном российском литературоведении автобиографизм изучается не только как способ письма, но и как литературное явление, встречающееся во всех видах произведений определенного автора. В индийской литературе, имея в виду вездесущность автобиографических элементов критики пытаются раздвинуть границы автобиографии, поскольку она также переживает кризис из-за того, что грань между вымышленными и не вымышленными работами становится размытой. В индийской литературной критике, обсуждая разнообразие автобиографических писем, критики Малавика Карлекар и Апарна Басу предлагают термин «личное повествование на том основании, что он включает не только более формальную, полноформатную, структурированную автобиографию, но также дневники, письма, интервью, стихи, рассказы, эссе и другие «портреты по памяти». Принимая во внимание все эти размышления о жанровых особенностях автобиографического письма, термины «автобиографизм» и «личное повествование»

²⁸⁷ Gusdorf, George. "Conditions and Limits of Autobiography" in *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. James Olney(ed). Princeton: Princeton University Press, 2014. Pp.29

представляются всеобъемлющими терминами, которые могут означать литературный феномен, встречающийся во всех письмах писателя. Так предложение индийских критиков принять термин «личное повествование», который мог бы использоваться для всех видов произведений, в которых отражается жизнь писателя и его «Я», уже существует в русской литературной критике. Термин автобиографизм не имеет эквивалента в западной и индийской литературной критике. Но все таки в западном литературоведении ближайшим эквивалентом может быть – «autobiographic» . Исследование термина автобиографизм и расширение его границ безусловно обогатит изучение автобиографических писем.

Оба произведения; «Маленькая девочка из Метрополя» Л. С. Петрушевской и «Тюрьма и шоколадный торт» Наянтары Сахгал удовлетворяют принципам «автобиографического пакта» и «автобиографического акта», установленным теоретиками Филиппом Леженом и Элизабет Брюс. По мнению Филиппа Лежена, автобиография является текстом, в котором некий «автобиографический пакт» (автобиографический договор) должен находиться между автором и читателем текста. Этот «пакт» подтверждается собственным именем автора, как главного героя, так и рассказчика автобиографии. В обоих произведениях Петрушевской и Сахгал этот «автобиографический пакт» подтверждается авторами. Оба произведения соответствуют критериям «автобиографического акта» (правило автобиографии), установленным Элизабет Брюс, которая требует от автора трех обязательств, чтобы автор был, во-первых, единственным ответственным за создание текста, во-вторых, все события и эпизоды должны быть непосредственно связаны с жизнью автора, в-третьих, взгляды писателя могут быть подвергнуты сомнению и дискредитации, но его авторитет в описываемых событиях остается неизменным.

Однако определить жанр этих автобиографических произведений не просто. Автобиографическое письмо Петрушевской впервые была издано отдельно под названием «Маленькая девочка из Метрополя». Автор назвал её автобиографической повестью. Позже эта повесть вместе с другими ее эссе вышла как отдельная книга в 2009 году под названием «Истории из моей жизни». Жанр этой книги был определен как автобиографический роман. Таким образом, жанровая философия при изучении жанровых особенностей творчества Петрушевской оказывается в кризисе. Разные критики по разному определяют жанр этих работ. Например, критик Н. Н. Кякшто в своей статье «Филологический дискурс в прозе Л. Петрушевской» обсуждает проблемы автобиографизма в ее творчестве и предполагает, что автобиографический

дискурс проник во все ее работы. Это проявляется как вездесущее литературное явление в ее творчестве. Изучая корпус Наянтары Саагал, критик Джасбир Джейн отмечает, что все ее произведения автобиографичны. Даже сама Наянтара признала в своих интервью, что она извлекает темы для своих романов из собственной жизни. Все темы, которые проявляются в автобиографических письмах этих авторов, также являются главными темами в их художественных произведениях. Оба писателя широко используют свои жизненные материалы во всех видах своих произведений. Типологические сходства этих автобиографических писем наблюдаются в том, как авторы трактуют свою историю жизни и какой является авторская позиция. В текстах того и другого автора есть глубокое ощущение окружающей им среды. В обоих произведениях мы видим, как авторы очень трогательно описывают свою прошлую жизнь.

В данной работе мы не только изучили автобиографические произведения «Маленькая девочка из «Метрополя»» русской писательницы Л. Петрушевской и «Тюрьма и шоколадный торт» индийской писательницы Наянтары Саагал, но мы также попытались разобраться в традициях автобиографических писем в русской и индийской литературах, в частности, в работах женщин-писательниц.

В третьей главе нашей работы мы исследовали диахронно-историческое развитие традиции автобиографических писем русских женщин-писательниц от древности до современного времени. Во второй части этой главы мы проанализировали автобиографическую работу современной русской писательницы «Маленькая девочка из «Метрополя»» Л. Петрушевской. Таким же образом построена четвертая глава нашей работы. В первой части этой главы мы сконцентрировались на изучении развития традиции автобиографического письма женщин в Индии, а во второй части был выполнен анализ произведения «Тюрьма и шоколадный торт» Наянтары Саагал.

Изучение традиций автобиографических сочинений в русской и индийской женской литературе подтверждает гипотезу феминистского критика Элейн Сиксу, которая заявила, что женских сочинений нет в основной литературе, они находятся «где-то еще»²⁸⁸. Это «где-то еще», возможно, автобиографические сочинения. Это мы наблюдаем в русской и индийской культуре, женщины начали писать свои автобиографические произведения. Автобиографические формы написания - дневники,

²⁸⁸ http://homepage.westmont.edu/hoeckley/Readings/Symposium/PDF/201_300/219 29.05.2018

записки и мемуары - являются первыми жанрами, которыми стали заниматься женщины-писатели. Хотя Россия и Индия географически далеки друг от друга, тем не менее, патриархальный образ мышления в обществе этих стран был одинаковым. В русской и индийской культурах женщины зависели от мужчин и имели ограниченный доступ к общественному пространству. В основном женщины того времени занимались домашним хозяйством.

В России после реформы образования Петра I женщины постепенно получили доступ к образованию. Теперь они могли «рассказать» о своей жизни. Однако очень мало женщин смогли написать свои автобиографии, а тем более опубликовать их. В России в течение долгого времени автобиографические письма женщин не публиковались. Основные причины этого, во первых, нежелание самих женщин-авторов публиковать автобиографические письма (очень часто они писали семейную хронику для своих будущих поколений), во-вторых, редакторы журналов и издатели часто не интересовались историями жизни женщин, поскольку в них они описывали свою повседневную жизнь.

Традиция автобиографического письма русских женщин

В русской литературной критике женские автобиографические письма мало изучены. После возникновения литературного течения сентиментализма началась демократизация русского литературного мира. Произошло радикальное изменение в области темы, сюжета и характеров литературных произведений. Постепенно женщины стали появляться в основной литературе, как писательницы своих собственных художественных произведений. Особенно в период реализма женщины заняли достойное место в основной литературе. Но в отличие от западных женщин-писателей, которые создали свою отдельную традицию и очень сильно отклонились от установленных традиционных норм основной литературы, русские женщины-писатели долгое время не могли отклоняться от существующих норм, которые в основном были установлены мужчинами-писателями и критиками.

Многие современные критики считают, что женщины следовали существующим нормам написания произведений, потому что существовало своего рода взаимодействие между мужскими и женскими письмами. Фактически, феминистская традиция в русской литературе была начата писателями-мужчинами. Критики отдают должное сентиментальным писателям Карамзину и реалистам за

"феминизацию"²⁸⁹ русской литературы. Писатели-мужчины, такие как Пушкин, Достоевский и, в частности, Толстой и Чехов, писали порой с феминистским уклоном. Многие критики считают, что это взаимодействие было очень сбалансированным и редко можно найти такое в какой-либо другой литературе.²⁹⁰ В русской литературе мужская традиция была настолько сильной, что женщинам-писателям приходилось следить за нормами, установленными мужчинами. Однако женщины-писательницы не получили справедливого места в основной литературе. Большую часть времени редакторы отказывались публиковать женские работы, потому что, по их мнению, они имели низкую литературную ценность. Кроме того, произведения женщин-писателей всегда рассматривались в качестве второстепенной литературы, а не основной. Несмотря на все это, в формах автобиографических писем и в поэзии женщины-писатели создали большое наследие и заслужили полный авторитет.

Современные критики, такие как Барбара Хельдт и Ирина Савина, пытались восстановить и изучить автобиографические труды русских женщин. Этот возобновившийся интерес современных критиков к автобиографическим произведениям женщин можно рассматривать как результат роста структуралистской, постструктуралистской и постмодернистской идеологий в мире. При развитии этих модернистских тенденций были поставлены под сомнение всякие жанровые теории, по новому начали осмысливать понятие «Я» в письмах, радикально ниспровергали существующие теории автобиографических сочинений.

Исследование Барбары Хельдт «*Terrible Perfection: Women and Russian Literature*» является одной из первых работ, в которой она попыталась восстановить богатое наследие автобиографических писем русских женщин. По ее мнению, у русских женщин была своя традиция автобиографического письма, в которой они не должны были следовать высоким стандартам литературы и писать свои жизненные истории, которые часто игнорировались критиками и издателями. Она считает, что женщины достигли «ужасного совершенства» в этом способе письма. Первые автобиографические письма в России возникли в период с X по XVII века. Мужчины-монахи писали автодокументальные тексты, которые называются «житие». Женщины

²⁸⁹ Vowels, Judith. "The "Feminization" of Russian Literature: Women, Language, and Literature in Eighteenth Century Russia" in *Women Writers in Russian Literature*, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger, London, 1994. Pp. 36-37

²⁹⁰ Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987.

могли бы также быть частью этой автобиографической традиции, если бы им разрешали участвовать в литературном процессе. Таким образом, женщины были исключены из первой волны автобиографической традиции в русской письменности.

Многие критики считают, что история автобиографического письма тесно связана с историей написания женщин. В XIX веке женщины высшего класса, которые имели доступ к образованию, пытались писать. Очень часто эти письма были автобиографическими, то есть семейными хрониками и дневниками. Например, дочь Ярослава Мудрого, Анна Ярославна, которая была замужем за Генрихом I из Франции, писала много документов и у неё даже была своя библиотека. В русском литературоведении эти письма мало изучены, хотя в русской историографии эти письма изучались, как исторические источники прошлого России. В результате мятежа ранней русской литературы против семейного рабства женщин и требования эмансипации женщин в течение XVII века в литературных произведениях появились женские образы, которые до какой-то степени отражали реальную ситуацию. Русские писатели, такие как Фонвизин, Радищев, Карамзин, Пушкин, Гоголь и Гончаров, уделяли особое внимание проблемам женщин. Однако часто их женщины были идеализированными и простые женщины не могли видеть в них себя. Тем не менее, эти культурные и литературные достижения способствовали нормализации участия женщин в общественной жизни. Это, в свою очередь, дало толчок женщинам рассказать свою собственную историю. Тем не менее, русская литература периода XVIII-XIX веков была настолько грандиозна, что автобиографическим произведениям, в общем, придавалось очень мало внимания.

Ранние автобиографические письма русских женщин принадлежат дворянским женщинам. В качестве примера можно назвать автобиографические записки княгини Натальи Долгорукой, автодокументальные тексты императрицы Екатерины II, Екатерины Дашковой. После Отечественной войны 1812 года выросло количество автобиографических писем, так как после войны многие журналы начали публиковать автобиографии офицеров и военных. В то время мало внимания уделяли женским письмам, так как в центре внимания были военные мемуары людей, служивших на войне. Женщины почти не принимали непосредственного участия в военных действиях. Тем не менее, в послевоенные годы в российском обществе произошло много социальных изменений. В этот период русская литература начала расти в геометрической прогрессии. Женщины начали получать более широкий доступ к образованию и писать свои произведения. Многие женщины получили образование и

работали по разным специальностям. Эти образованные женщины писали о своем жизненном опыте в дневниках и мемуарах будучи врачами, медсестрами и учителями. Они создали богатое наследие автобиографических работ того времени. Можно сказать, что это был второй этап автобиографической работы русских женщин.

В XX веке участие женщин в общественной жизни возросло. На фоне революции 1917 года женщины претендовали на свое место в обществе, особенно в публичном пространстве. Женщины вместе с мужчинами участвовали в революционных мероприятиях. Большинство из них описали свои впечатления о революционном движении. В период сталинских репрессий женская литература продолжала развиваться, женщины-писатели использовали жизненный опыт в качестве исходного материала для своих художественных произведений. Критик Шарлотта Розенталь называет такого рода письма «псевдо-автобиографией»²⁹¹. Такие писатели, как Анна Ахматова и Марина Цветаева, использовали в своих произведениях автобиографические элементы. Во времена Сталина многие женщины писали автобиографические письма, чтобы спасти литературное наследие своего мужа или друга (Надежда Мандельштам, Елена и Любовь Булгаковы). Многие другие стремились описать историю от лица своих близких людей (Лилия Юрьевна Брик, любовница поэта Владимира Маяковского). После Второй мировой войны военные мемуары вновь заняли центральное место, как наиболее популярная форма письма.

После перестройки стали выходить автобиографические произведения, в которых описывался ушедший советский режим. Итак мы видим, что третья волна автобиографических писем была очень разнообразной.

Четвертую волну женских автобиографических сочинений можно назвать автобиографическими письмами, возникшими во время и после перестройки. Это были мемуары, воспоминания и дневники женщин, в которых они хотели рассказать о своем опыте в лагерях и тоталитарном насилии. Женщины в своих автобиографических письмах пытались описать советскую историю. Появились также письма, в которых они просто хотели рассказать о жизни женщин при советской власти. Таким образом, мы видим, что традиция автобиографического письма развивалась в симбиотическом отклике на социально-политические изменения, происходившие в обществе на протяжении времени. В современной русской литературе автобиографическое

²⁹¹ Rosenthal, Charlotte. "The Silver age: A Highpoint for Women?" in *Women and Society in Russia and the Soviet Union*. Ed. Linda Edmondson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. PP. 32-47

наследие женщин является очень богатым и разнообразным. В современном русском литературоведении серьёзно занимались жанровыми особенностями автобиографических писем. Особенно после перестройки критики с большим интересом исследовали малоизученные жанры, автобиографические письма женщин являются одними из них.

Традиция автобиографического письма индийских женщин

В Индии первое взаимодействие женщин с внешним миром за пределами их домашнего пространства испытали святые женщины в XVI веке до н. э. в буддийских монастырях. Это были буддийские бикшунни, терисы. Буддийские бикшунни получили возможность заниматься своими духовными поисками в буддийских монастырях в то время, как простые женщины не имели доступа в такие места. Однако и там им пришлось столкнуться с дискриминацией и предубеждениями общества. Произведения «Тхеригатха» буддийских бхикшунни являются первыми автобиографическими письмами Индии. В этих письмах они придают большое значение своей семейной жизни, чем самим себе.

В русской литературе, также как в Индии, монахини первыми получили доступ к общественному пространству. «Своёручные записки» (1767 г.) княгини Наталии Борисовны Долгорукой являются первыми опубликованными автобиографическими письмами. Княгиня стала святой после трагедии, случившейся с ее мужем и детьми. В своих автобиографических заметках она пишет об этой трагедии, уделяя большое внимание правилам поведения «хорошей жены», а именно что должна делать хорошая жена, как она должна себя вести и как должна продвигать наследие своего мужа.

То же самое можно увидеть в текстах буддийских монахинь, которые в основном описывают свою семейную жизнь и жизненные трагедии больше, чем личные достижения. В отличие от терисов, монахи-мужчины редко писали о своих семейных проблемах в письмах, они уделяли большое внимание своим личным достижениям. Это различие в подходе к описанию жизни подчеркивается многими феминистскими критиками. Они утверждают, что пол играет важную роль в автобиографических сочинениях, в этом заключается отличие мужских и женских писем. Интересно отметить, что женщины Индии и России проявляют одинаковые женские чувства (*female sensibilities*) в автобиографических произведениях, хотя принадлежат к двум разным культурам.

Таким образом, первая волна автобиографических писем в Индии принадлежит буддийским монахиням. После долгого перерыва, почти через десять веков после автобиографических стихов «Тхеригатха» терисов, традиция автобиографического письма встречается в VII веке в биографической работе Банабхатта «Харшчарита» («Жизнь Харшавардхана»). В то время в письмах описывалась жизнь важных людей, которые имели «репрезентативную» жизнь. Эти письма часто были написаны придворными поэтами. В «чаритах» можно найти краткие автобиографические замечания авторов/поэтов.

Сидони Смит и Джулия Уотсон считают, что поскольку в автобиографических письмах того времени основное внимание уделялось «репрезентативной» жизни, то работы женщин-писателей того периода трудно найти. По крайней мере, в древней Индии женщины как авторы биографий или женских автобиографий нигде не встречаются. В средневековой Индии мы встречаемся с автобиографическими стихами Мирабай (1498-1563 гг.). Во время могольской империи многие императоры писали о своей жизни, но редко можно встретить автобиографические письма женщин того времени. Жена императора Хумаюна, Гульбадан Бегум, написала биографическую книгу «Хумаюн-Наме». Можно сказать, что это единственный пример автобиографических писем женщин средневековой Индии. Причиной отсутствия автобиографической традиции у женщин-писательниц может быть то, что они не имели образования и принимали очень ограниченное участие в общественном пространстве.

Автобиография Рассундари Деби «Амар Джибан» (1876 г.) является первой автобиографией, написанной женщиной в современной Индии. В XIX веке значительно выросло число автобиографических писем женщин. Причиной этого является то, что автобиография как жанр развивалась в Индии под влиянием Запада. Женщины, получившие образование в миссионерских школах, были первыми кто стал писать в такой форме. Автобиография Крупа Саттианадхан «Сагуна: История родной христианской жизни» является пионерной работой, написанной индийской женщиной на английском языке.

Критики утверждают, что в колониальной Индии под влиянием Запада, образованные индийцы из высшего слоя общества начали заниматься жизнеописанием. Ряд людей, включая политиков, государственных служащих, писателей, судей, спортсменов и домохозяек писали автобиографические письма во второй половине XIX века. То же самое произошло в России. Во время революции

1917 года участие женщин в общественной деятельности возросло. Женщины-писатели во время борьбы за свободу активно участвовали в общественной жизни. «Пробужденные» женщины этого периода писали автобиографии, в большинстве которых они описывали личную жизнь. Кришна Неру была одной из женщин, которые больше писали о своей политической жизни, чем о личной. В автобиографии «Без сожалений» она рассказывает о своей политической жизни, об участии в борьбе за свободу Индии и об ее отношениях с братом и сестрами.

Итак мы видим, что традиции автобиографического письма женщин-писателей являются очень богатыми в обеих странах. Если в России традиции развивались последовательно, то в Индии развитие происходило с длительными перерывами. В современной России и Индии автобиографические письма женщин находятся на пике своего развития. С ростом феминизма и постмодернистских тенденций, женщины-писатели обрели больше свободы для изучения своего жизненного пространства. Так в своей автобиографии «Мне 40 лет» русская писательница Мария Арбатова описывает свою повседневную жизнь, Шобха из Индии делает тоже самое в своей автобиографии «Выборочная Память: Истории из моей жизни».

В нашей исследовательской работе, главы, посвященные изучению традиции автобиографического письма в России и Индии дают представление о богатом наследии женских автобиографических произведений в обеих странах.

Автобиографические письма и автобиографизм Наянтары Сахгал и Л.С. Петрушевской

Обе писательницы широко используют свой жизненный опыт в своих произведениях. Работы, которые мы изучили, позволяют понять принципы автобиографизма в их работах. Тематическое изучение работ «Тюрьма и шоколадный торт» Наянтары Сахгал и «Маленькая девочка из «Метрополя»» Людмилы Петрушевской показывает, что темы, проявляющиеся в этих автобиографических произведениях, являются основными составляющими их автобиографизма, различные проявления которого мы видим и в их художественных произведениях. Именно поэтому для понимания принципов автобиографизма в трудах этих авторов было неизбежно изучение этих двух автобиографических работ, которые могли быть высшим воплощением их автобиографизма. Автобиографическая повесть Петрушевской- это история взросления, в которой она и ее семья страдали в тяжелые времена Второй мировой войны и послевоенной советской России. Книга начинается с повествования о

прошлой славной жизни ее семьи во время революции, когда вся ее семья активно участвовала в революционной деятельности. Ее прадед был активным членом партии, а дед - выдающимся ученым и профессором. После революции они жили в самом престижном доме Москвы того времени - в «Метрополе». Но их судьба перевернулась с ног на голову после того, как ее родственников арестовали по обвинению в шпионаже в пользу японцев и их официально назвали «врагами народа».

Тематическое сходство также наблюдается в автобиографии Наянтары Сахгал. Она писала об участии ее семьи в борьбе Индии за независимость. Вся ее семья — родители, бабушка, дядя - были видными лидерами Конгресса. Семья активно участвовала в национальном движении Индии. Наянтара в детстве была непосредственным свидетелем политической деятельности этих лидеров, так как их дом Ананд Бхаван был местом, где проводились встречи и обсуждался план дальнейших действий. Наянтара, как и Петрушевская, принадлежит к политической семье. Тем не менее, судьба обеих семей разительно отличается. Члены семьи Наянтары были одними из самых уважаемых политических лидеров национального движения Индии. Её дядя Джавахарлал Неру был первым премьер-министром независимой Индии. Мать Наянтары Сахгал была первой женщиной, избранной членом законодательного собрания объединенных провинций, а также президентом Генеральной Ассамблеи ООН. Можно сказать, что Наянтара Сахгал прожила привилегированную жизнь. Она училась за границей. В то же самое время семью Петрушевской, когда-то видных большевиков, государство объявило «врагами народа».

Тема детства широко обсуждается в обоих автобиографических письмах. Большая часть произведений Петрушевской посвящена ее детству. Это было самое трудное время в ее жизни. После эвакуации она жила с бабушкой и тетей в Куйбышеве. Мать оставила ее с ними, так как хотела получить степень в Москве. Детство в Куйбышеве было тяжелым, семья страдала от голода и холода. Она бегала по улице босиком, без надлежащей одежды, просила милостыню на улице. Тем временем, в своей автобиографии Наянтара Сахгал описала свое детство в «Ананд Бхаван». В произведении она уделила большое внимание политическим событиям, происходившим в то время.

Еще одна тема, которая явно проявляется в обоих автобиографических работах - это тема матери и дочери. В автобиографии Петрушевской, женщины есть везде, а мужчин почти нет. Петрушевская жила с бабушкой и тетей. Очевидно, она пишет о

них больше, чем о ее прадеде и дедушке, которые жили в Москве. Также Петрушевская больше пишет о матери, чем об отце, который бросил их, когда она была совсем маленькой. Она не помнит о нем ничего. Наянтара Сахгал также рассказывает о своей матери и ее достижениях больше, чем о своем отце.

Общей темой в обеих автобиографиях является тема дома. Наянтара подробно рассказывает о своем славном доме «Ананд Бхаван». Она много пишет о грандиозности дома, о том, как она его любит и каким центром политической деятельности он являлся, с другой стороны, у Петрушевской, можно сказать, никогда не было дома, пока она не начала работать. Она пишет об отеле «Метрополь», в котором жила ее семья до того, как их арестовали и объявили «врагами народа». В автобиографии Наянтары мы видим изобилие пищи, большой дом, уважаемых членов семьи, а у Петрушевской недостаток пищи, голод, отсутствие жилья, холод, а члены семьи «враги народа».

Автобиографической книгой Петрушевской можно назвать «коллективной автобиографией», так как она представляет коллективную память народа, в отличие от автобиографии Наянтары Сахгал, которая не перекликается с памятью простого народа. На первый взгляд, книга Петрушевской является историей ее прошлой жизни: как ей удалось выжить, несмотря на все трудности, и стать известным автором. Возможно, ее намерение написать эту автобиографическую повесть было попыткой рассказать о своей личной жизни, но через эту ее работу раскрывается коллективная судьба людей. Поскольку не только её семья страдала от голода и холода, были многие другие, которые тоже страдали. Когда маленькая Петрушевская выпрашивала милостыню на улицах, она не была одной, там были и многие другие дети, которые тоже выпрашивала милостыню с ней.

В то же самое время в автобиографии Наянтары мы видим меньше о самом авторе, а больше о членах ее семьи и других лидерах Индийского национального движения. Она дает личный отчет о других людях, которых она встречала в своем доме. Очевидно, это ее личные воспоминания и впечатления о политических деятелях того времени. Хотя Наянтара говорит об Индийском национальном движении и других политических событиях, которые происходили в то время, тем не менее, ее письмо не представляет коллективную память народа. В ее автобиографии она выступает как очевидец основных политических событий, который рассказывает читателю о своем личном впечатлении от национального движения.

Самопознание и становление личности является неотъемлемыми чертами автобиографии. Автобиографию можно также назвать экзистенциальной практикой. В этом процессе автор одновременно раскрывает и конструирует личность своего протагониста, то есть личность самого себя. При написании автобиографии также важна авторская позиция, которая очень сильно влияет на выбор эпизодов жизни и их организации в тексте.

В автобиографической повести Петрушевская пишет об арестах своих родственников, после которых ее семья не могла с ними связаться. Петрушевская во время написания этого эпизода отмечает, что они были не единственными кого арестовали и кто просто исчез. Когда мать неожиданно уехала в Москву, не поставив в известность бабушку и тетю, это не стало для них шоком. Исчезновение людей было очень распространено в те времена. Это была суровая реальность того времени, и, конечно, писатель делает акцент на этом в своей автобиографии. Рассказывая о детстве, она описывает как просила милостыню на улицах и как воровала остатки еды из мусора соседей. Писатель пишет обо всем этом так небрежно, что кажется, что это был на самом деле нормальный образ жизни в то время. Эпизоды, которые она описывает в автобиографии, раскрывают ее политическое «Я» и показывают как она критично относилась к власти. Хотя в своей работе она ни разу не использовала такие слова, как тоталитарная, репрессивная или сталинская эпоха, но через различные события она говорит против всего этого.

В работе Наянтары Сахгал позиция автора определяется событиями, о которых она пишет. Наянтара описывает Индийское национальное движение и активное участие в нем членов ее семьи. Она почти не говорит ни о чем другом, что не было бы связано с борьбой за свободу Индии. Даже письма, которые она включила в свою автобиографию, связаны с национальным движением. Люди, о которых она писала, были политическими лидерами. Эпизоды о ее пребывании в Америке, включенные в автобиографию, также в основном связаны с борьбой за свободу Индии и тем, как Запад интересовался этой борьбой.

Лингвистические элементы играют значительную роль в определении авторского "Я", через них раскрывается авторская позиция автора. Петрушевская писала на языке простого народа. Ее словарный запас очень простой и чаще включал в себя жаргон. Наянтара Сахгал писала по-английски. Этому было две причины: она лучше понимала этот язык и она писала для привилегированных людей. Второе объяснение можно объяснить тем, что в Индии английский язык был и до сих пор

является языком привилегированных людей, которых в то время было очень мало. На мой взгляд, она написала свою автобиографию по-английски, ориентируясь на западных читателей. Дело в том, что ее автобиография была очень высоко оценена на Западе. Эта книга стала для них своеобразной интерпретацией общественно-политических реалий Индии.

Другой распространенный фактор, который проявляется в обоих произведениях - женская чувствительность. Хотя эти автобиографических письмах нельзя назвать феминистскими, но в некоторых частях появляются феминистские чувства. Обе писательницы уделяют большое внимание теме матери и дочери. Когда мать Петрушевской оставила ее в Куйбышеве и уехала в Москву, автор очень скучала по ней. Она не поняла тогда, что мать уезжает ради ее светлого будущего. Петрушевская не осуждая свою мать, признает жертвы, которые она принесла ради нее. Многие западные феминистки, такие как Домана Стэнтон и Шери Бенсток²⁹², утверждают, что тема матери и дочери распространена в женских автобиографических произведениях и является одной из повторяющихся тем. Это также актуально для автобиографических сочинений Петрушевской и Сахгал, которые мы исследуем в нашей работе. Тематическое изучение их произведений показывает, что темы, которые появляются в этих работах, являются повторяющимися темами и в их вымышленных произведениях. Среди хаоса жанровой разновидности, элемент который является постоянным в обоих письмах, - это использование жизненного материала в письме. Основными составляющими элементами автобиографизма Наянтары Сахгал и Людмилы Петрушевской являются различные темы, которые появляются трудах «Тюрьма и шоколадный торт» и «Маленькая девочка из «Метрополя»». Различные проявления этих тем очень часто обнаруживается в художественных произведениях этих писателей. Оба писателя используют принципы автобиографизма в своих вымышленных и невымышленных произведениях.

Таким образом, наше исследование позволило изучить автобиографические произведения «Тюрьма и шоколадный торт» индийской писательницы Наянтары Сахгал и «Маленькая девочка из «Метрополя»» русской писательницы Л.С.Петрушевской в их общем и конкретном содержании. Писатели принадлежат к разным культурам, но в их произведениях можно найти много сходств и различий. В

²⁹² See ,Stanton, Domna C. The Female Autograph. Univ. Of Chicago Press, 1995, and Miller, Nancy K. The Poetics of Gender, New York: Columbia UP, 1986

нашем исследовании мы в основном сконцентрировались на изучении традиций автобиографических писем женщин в двух разных культурах, разделенных географическими границами и языками. В литературной критике России и Индии автобиографические произведения женщин мало изучены, поэтому наша работа, безусловно, будет небольшим, но значительным вкладом в область автобиографических исследований. **Дальнейшее направление работы** будет посвящено междисциплинарным исследованиям автобиографических писем. В области данного исследования автобиографические сочинения могут иметь много областей применения. Наше исследование может помочь будущим исследователям подняться от начального уровня исследования, такого как сравнительное изучение автобиографических произведений, до более продвинутого уровня - разработки общетеоретических моделей инвариантов этого жанра.

Библиография:

Первоисточники:

1. Петрушевская, С.Л. Маленькая девочка из «Метрополя», Санкт-Петербург. Изд-во: Амфора, 2006
2. Sahgal, Nayantara. Prison and Chocolate Cake, Harpercollins, India. 1997

Второстепенные источники:

Труды на русском:

Книги:

1. Абашеева М. Литература в поисках лица: Русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности, Пермь, 2001.
2. Абашева М.П. Чистенькая жизнь не помнящих зла// Литературное обозрение. 1992. № 5-6
3. Абашева М.П. Русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности: Дис. . д-ра филол. наук. / М.П.Абашева, Уральский гос. ун-т. Екатеринбург, 2001.
4. Антюхов А.В. Проявление элементов автобиографизма в древнерусской литературе (на материале «Поучения» Владимира Мономаха и «Моления» Даниила Заточника) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. №2.
5. Ахматова, А. Сочинение. Том.1. Москва, Изд. Правда. 1990.
6. Байдаров В. Кавалерист-девица Александров-Дурова. - СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1887.
7. Бегунова А.И. Надежда Дурова: Документальная биография легендарного персонажа. - Елабуга, 2006.

8. Белинский В.Г. Записки Александрова (Дуровой). Добавление к Девиче-Кавалерист // Собрание сочинений: в 9 т. / ред. Н.К. Гей. - М.: Худож. литература, 1977. - Т. 2.
9. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений, Москва. 1995, том. VII, с. 264, 446
10. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том. 3, Москва., 1952–1959.
11. Большев, А.О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века, Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. университета, 2002.
12. Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин . Ставрополь. Изд. Ставропольского государственного университета, 2001.
13. Гинзбург Л. "Былое и думы" Герцена. Л.: 1957.
14. Гинзбург Л. Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. Л., 1987.
15. Гинзбург Л. О литературном герое. Л.: 1979.
16. Гуковский Г. А. За изучение восемнадцатого века // Литературное наследство. 1933. Т. 9-10. С. 319.
17. Гюбиева Г.Е. Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII в. - М., 1969.
18. Давыдова, Т.Т. Сумерки реализма (О прозе Л. Петрушевской) / Т.Т. Давыдова // Русская словесность. - 2002. - №7.
19. Демин, А.С. Древнерусская литература, Издательства Московского университета, Москва, 2000.
20. Демкова Н.С. К вопросу об истоках автобиографического повествования в «Житии» Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы ИР ЛИ РАН. - Л., 1969. Т. XXIV.
21. Деррида, Ж. Позиции / Ж. Деррида. - М.: Академический Проект. 2007.
22. Дикущина Н. Невыдуманная проза // Жанрово-стилевые искания современной советской прозы. - М., 1971.
23. Дмитриев С. Воспоминания, дневник, частная переписка // Источниковедение истории СССР. - М., 1973.
24. Долгорукая Н.Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева. СПб., 1992.

25. Дуров Б. Коллективный портрет народника-пропагандиста в мемуарном жанре. - АКД. - Горький: 1978.
26. Екатерина Дашкова. Записки 1743 - 1810 / Авт. коммент. Г.Н.Моисеева. М., 1985.
27. Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. М., 1990.
28. Екатерина II. жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. М., 1910.
29. Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров. -М.,1982.
30. Желобцова С. Ф. Проза Людмилы Петрушевской. -Якутск, 1996.
31. Жития Аввакума и Епифания): Проблема жанра // Ранчин А.М. Статьи о древнерусской литературе. - М., 1999.
32. Зарецкий Ю.П. «И по мне творю известие»: русские средневековые автобиографические рассказы // Древнерусская автобиография. - М.,2008.
33. Золотоносов М. Второй конец романа: Петрушевская и др. // Стрелец. 1994. № 1
34. Зумбулидзе, И.Г. «Женская проза» в контексте современной литературы / И.Г. Зумбулидзе // Современная филология: материалы между нар. заоч. науч. конф. - Уфа: Лето, 2011.
35. Качеткова, Н.Д. Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма.http://lib.pushkinskiydom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/17_tom_XVIII/Kochetkova/Kochetkova.pdf
36. Киляков В. О женском в современной литературе // Литературнаяучеба. 1996. № 4.
37. Колотов, П. С. Деяния Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссийския: Часть III.СПБ.1811
38. Кузнецов М. Мемуарная проза//Жанрово-стилевые искания 1 современной советской прозы. - М.,1971.
39. Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. - СПб., 1996.
40. Левицкий Л. Мемуары//Литературный энциклопедический словарь.-М.,1987.
41. Лейдерман Н.Л.,Липовецкий М.Н. Современная русская литература 1950-1990-е годы. Асадема. Москва.2003.
42. «Литература, документ, Факт». Иностранная литература, №8.. 1966.

43. Лихачева, Е. О. «Материалы для истории русского женского образования в России 1828-1856», СПб. 1895.
44. Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения //Вопросы литературы. 1968. - N 8.
45. Лихачев Д. "Летописное время" у Достоевского// Литература -Реальность Литература. Л., 1981.
46. Макогоненко Г. Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс//Письма русских писателей XVIII века. - Л., 1988.
47. Манн Ю. «К спорам о художественном документе» Новый мир. 1968, №8. – С.
48. Марахова Т. О жанрах мемуарной литературы//Уч. записки Горьковского пед. ин-та. - Горький: 1967. - Вып.69.
49. Мильчина В. Автобиография//ЛЭС. - М., 1987.
50. Н.А. Дуровой, Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 2015.
51. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. Москва: Флинта; Наука, 2002
52. Николаев Н. Русские литературные мемуары периода Великой Отечественной войны//Вопросы русской литературы. - Львов: 1970. -Вып. 1 (13).
53. Некрасова Е.С. Надежда Андреевна Дурова. (Псевдонимы: Девица-Кавалерист, Александров). (1783-1866) // Исторический вестник. -Санкт-Петербург, 1890. - Т. 41. - № 9.
54. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М. : Изд-во УРАО, 2000.
55. Ньюбина Л. М. Воспоминание и текст. Смоленск : СГПУ, 2000.
56. Ньюбина Л. М. Человек вспоминающий// Человек. 2010. № 2.
57. Петрушевская Л. С. Истории из моей собственной жизни. – СПб.: Амфора
58. Петрушевская Л. С. Путешествия в разные стороны. – СПб.: Амфора, 2009.
59. Петрушевская Л. С. Свой круг: Рассказы. М.: Правда, 1990.
60. Петрушевская Л. С. Время ночь: повесть Moscow: Vagrius, 2001.
61. Петрушевская Л. С. Девятый том, Издательство: Эксмо, 2003 .
62. Петрушевская Л. С. Где я была : рассказы из иной реальности, Вагриус, 2002
63. Петрышева О. В. Жанр портрета во французской мемуарной литературе XVII века: Т. де Рео, Рец, Сен-Симон : дис. ... канд. филол. Наук : 10.01.03. Нижний Новгород,

64. Пономарёв С.И. П.А. Плетнёв и Н.С. Соханская (Кохановская). (Её автобиография, посмертные бумаги и письма) // Русское обозрение. 1896. № 6.
65. Пускарева, Н.Л. Женщины древней руси, Москва «Мысль», 1989.
66. Пускарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997
67. Проскурина, Вера. Империя пера Екатерины II: литература как политика. ООО «Новое литературное обозрение», 2017.
68. Романов, Пётр. Россия и запад: От рюрика до Екатерины. Амфора:Москва. 2004.
69. Романтизм 1997 Романтизм в литературном движении / Науч. ред. И.В.Карташова. Тверь: ТГУ, 1997.
70. Россия и Запад: из истории литературных отношений. Л., 1973
71. Румянцева М. Для чего люди пишут мемуары? (мемуаротворчество как способ социализации индивидуума)//Мир психологии. -1998. N1.
72. Рюткёнен, Марья (2000), Гендер и литература: проблема "женского письма" и "женского чтения", Филологические науки, 2000,
73. Смольнякова И. О принципах классификации мемуарной литературы// Проблемы реализма. - Вологда: 1979. - Вып. VI.
74. Савина Л.Н. «Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX века Л.Н.Толстой «Детство» Монография. Волгоград. Перемена, 2002.
75. Савина, И.А. ""Пишу себя": Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. [Description: Die Dissertation von Irina Savkina über ego-dokumentarische Frauentexte in der russischen Literatur der 1. Hälfte des 19. Jahrhundert]". URL: <http://web.archive.org/web/20041213080905/http://acta.uta.fi/pdf/951-44-5059-0.pdf>, last accessed: 11-09-2015
76. Савкина И.А. «Чужое - мое сокровище»: женские мемуары как автобиография //Гендерные исследования. Харьков. 1998. Вып. 2.
77. Савкина И. А. Разговоры с зеркалом и зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

78. Савкина И.А. «Читателя? Советчика? Врача?» (адресат в «Автобиографии» Надежды Соханской) // Женский вызов (русские писательницы XIX - начала XX века). Тверь, 2006.
79. Соловьёва И. В. Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъектной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6.
80. Соханская Н.С. Автобиография Н.С. Соханской(Кохановской), Москва. 1896, Оцифровано Тартуским Университетом с.189.
81. Субботин В. и Лазаров Л. «Диалог» Литературная газета. 8 мая 1967
82. Сушилина, И.К. Современный литературный процесс в России, Москва, Изд-во МГУП, 2001.
83. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVII - первой половины XIX века.-М., 1991.
84. Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. Январь-февраль 1999.
85. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977.
86. Цветаева, Марина (1982), Стихотворения 1917-1922, Стихотворения и поэмы в пяти томах, Т. 2, New York: Russica Publication
87. Черкашина Т.Ю. Основные тематические блоки в структуре жанра автобиографии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. №1(162).
88. Урбан, А.А. «Художественная автобиография и документ» Звезда. 1977. No 2.
89. Шашкова С. С. «История русской женщин, Издание второе, Санкт Петербург. 1879.
90. Шевырев С.П. История русской словесности, преимущественно древней. - М.,1846. Т.1.Ч.2.
91. Эпштейн М. После будущего. 0 новом сознании в литературе //Знамя. 1991 . № 1 .
92. Юзефович Г. Сексуальное большинство: женская проза стремится задавать тон в современной русской литературе // Еженедельный журнал, 2002—10
93. Явчуновский Я. Документальные жанры. Образ. Жанр. Структура. -Саратов: 1974.
94. Янская И., Кардин В. Пределы достоверности : очерки документальной литературы. М. : Сов. писатель, 1981.

Статьи:

1. "Автобиографизм Русской Прозы". Журнальный Зал, 2016, <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/63/gre.html>. Автобиографизм в творчестве «Новых реалистов» (на примере З. Прилепина, С. Шаргунова) <https://cyberleninka.ru//avtobiografizm-v-tvorchestve-novyh-realistov-na-primere-z-prilepina-s-shargunova>
2. Богатырева, «А.И. Автобиографизм в творчестве «Новых реалистов»: На примере З. Прилепина, С. Шаргунова». Retrieved: <https://cyberleninka.ru/article/v/avtobiografizm-v-tvorchestve-novyh-realistov-na-primere-z-prilepina-s-shargunov/> 10.01.2015
3. Горбунова, А.Н. «Автобиографизм и автобиографические жанры в творчестве А.Н. Герцена, 1840-1850-х годов» скч. <https://core.ac.uk/display/42051940/> 20.10.2015
4. "Домострой: Некнига Полезных Советов". Matrony.Ru, 2017, <http://www.matrony.ru/domostroj-nekniga-poleznyx-sovetov>.
5. Ивановна, Силаева Елена. "Автобиографизм Литературы Русского Зарубежья (о Воспоминаниях М. Н. Осоргина)." КиберЛенинка, Федеральное Государственное Бюджетное Учреждение Науки Институт Научной Информации По Общественным Наукам Российской Академии Наук, 1 Jan. 1970, cyberleninka.ru/article/n/avtobiografizm-literatury-russkogo-zarubezhya-o-vospominaniyah-m-n-osorgina.
6. "Журнальный Зал | "И Разбитое Зеркало..."". Magazines.Russ.Ru, 2019, <http://magazines.russ.ru/project/arss/ezheg/lipovec.html>.
7. "Казанский Н. Исповедь Как Литературный Жанр // Вестник Истории, Литературы, Искусства / РАН, Отд-ние Ист.-Филол. Наук ; Гл. Ред. Г. М. Бонгард-Левин. - М. : Собрание, 2009.". Yakov.Works, 2016, http://yakov.works/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm.
8. Кислицын, Константин Николаевич, et al. "Русская Автобиографическая Проза Последних Лет в Зеркале Литературного Конкурса «Бунинская Премия»." Знание. Понимание. Умение, journals.mosgu.ru/zpu/article/view/322.
9. Л., Сапожникова. "Жанр Автобиографии: Понятие И Особенности". КиберЛенинка, 2019, <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-avtobiografii-ponyatie-i-osobennosti>.
10. М.М.Бахтин. Формы Времени и Хронотопа в Романе, philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html.

11. Машинский С. И. «О мемуарно-автобиографическом жанре» Вопросы литературы. 1960. № 6 <https://dlib.eastview.com/browse/doc/12185734?searchLink=%2Fsearch%2Fsimple/24-12-17>
12. Science.vsu.ru. <http://www.science.vsu.ru/dissertations/4269/>
13. Л., Сапожникова. "Жанр Автобиографии: Понятие И Особенности". КиберЛенинка, 2019, <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-avtobiografii-ponyatie-i-osobennosti>.
14. «Мне все время свои и чужие люди рассказывали свои истории» <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/characters/2018/05/25/770697-rasskazivali-istorii>
15. Николаевна, Бреева Татьяна. ««Новый Биографизм» в Современной Русской Литературе.» КиберЛенинка, Федеральное Государственное Автономное Образовательное Учреждение Высшего Образования «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет», 1 Jan. 1970,
16. Олегович, Александр. «Исповедально-Автобиографическое Начало в Русской Прозе Второй Половины XX Века.» Человек и Наука - Библиотека Диссертаций По Гуманитарным Наукам., 1 Jan. 1970, cheloveknauka.com/ispovedalno-avtobiograficheskoe-nachalo-v-russkoj-proze-vtoroy-poloviny-xx-veka.
17. Петрушевская Л. С. Богиня парка. М., 2004. С. 12–13. В
18. Петрушевская Л. С. Путешествия в разные стороны. – СПб.: Амфора,.
19. Прохорова Т. Г. Проза Л. Петрушевской как система дискурсов: дис... д-ра филол. наук. – Казань, 2008.
20. Прохорова, Т. Г. «Жанровые Трансформации в Автобиографической Прозе Л. Петрушевской.» CORE, 1 Jan. 1970, core.ac.uk/display/38160985.
21. «Принципы Автобиографического Моделирования в Автобиографии Алис б. Токлас г. Стайн.» Принципы Автобиографического Моделирования в Автобиографии Алис б. Токлас г. Стайн ← Статьи о Литературе ← Психология Человека, psibook.com/literatura/printsiyu-avtobiograficheskogo-modelirovaniya-v-avtobiografii-alis-b-toklas-g-stayn.html.
22. Проза А.И. Цветаевой: Автобиографизм и Мифотворчество. Studia Litterarum, studlit.ru/index.php/ru/arkhiv/37-2017-tom-2-4/220-proza-a-i-tsvetaevoj-avtobiografizm-i-mifotvorchestvo.

23. Ранчин А.М. Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI - XVII вв. <https://www.portal-slovo.ru/philology/46763.php>, 20.10.18
24. Сергеевна, Янковская Людмила. “Автобиографизм Или Автопсихологизм? к вопросу Авторского Присутствия в Художественном Повествовании.” КиберЛенинка, Федеральное Государственное Бюджетное Образовательное Учреждение Высшего Образования «Саратовский Национальный Исследовательский Государственный Университет Имени Н. Г. Чернышевского», 1 Jan. 1970, cyberleninka.ru/article/n/avtobiografizm-ili-avtopsihologizm-k-voprosu-avtorskogo-prisutstviya-v-hudozhestvennom-rovestvovanii.
25. cyberleninka.ru/article/n/novyy-biografizm-v-sovremennoy-russkoy-literature.
26. С.Ю., Павлова. “Мемуарно-Автобиографические Жанры: к Проблеме Границ.” КиберЛенинка, Федеральное Государственное Бюджетное Образовательное Учреждение Высшего Образования «Саратовский Национальный Исследовательский Государственный Университет Имени Н. Г. Чернышевского», 1 Jan. 1970, cyberleninka.ru/article/n/memuarno-avtobiograficheskie-zhanry-k-probleme-granits.
27. Шалацкая Т. П. «Автобиографизм прозы А.И. Куприна», Гуманитарные исследования, 2018. No. 2(19) Retrieved: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtobiografizm-prozy-a-i-kuprina/20.10.2018>
28. Харитонов. “Способы Выражения Авторской Позиции в Повести Андрея Платонова ‘Котлован.’” DissersCat, 1 Jan. 1993, www.disserscat.com/content/sposoby-vyrazheniya-avtorskoi-pozitsii-v-povesti-andreya-platonova-kotlovan.

Труды на английском:

Книги:

1. Alpern Engel, Barbara & Rosenthal, N.. Five Sisters: Women Against the Tsar. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2013. Project MUSE,
2. Anand, T.S. “The Flight from the Vicious Stereotype :A Study of Storm in Chandigarh”, Indian Women Novelists : set II vol. IV Dhawan R.K (Ed) New Delhi :Prestige Books, 1993,
3. Anna, Burr. & Brown Robeson. The Autobiography: A Critical and Comparative Study, 1873-1941. Boston:Houghton,Mifflin,1909. Retrieved from <https://archive.org/stream/autobiographycri00burr#page/n9/mode/2up>. 20.03.16.
4. Asnani, Shyam. ‘New Morality in the Modern Indo – English Novel : A study of Mulk Raj Anand, Anita Desai and Nayantara Sahgal’,The Novels of Mulk Raj Anand. Dhawan R.K. (Ed.)New Delhi : Prestige Books, 1992,
5. Bakhtin, M. M., & Holquist, M. (ed.) The dialogic imagination: Four essays. Austin: University of Texas Press. 1981. Print.
6. Barker, M. Adele, Gieth,M. Jeanne, A History of Women’s Writing in Russia, Cambridge University Press, 2004.
7. Bell, S. G., & Yalom, M. Revealing lives: Autobiography, biography, and gender. Albany: State University of New York Press.1990
8. Beauvoir, de Simone. The Second Sex (Trans. H.M. Parsley : 1949). Harmonds worth : Penguin, 1970.
9. Braxton, J. M. Black women writing autobiography: A tradition within a tradition. Philadelphia: Temple University Press. 1989.
10. Brodsky, A. Poetic autobiography in Russian literature: Turgenev, Bunin, Nabokov, Sokolov. 1995
11. Brownley, M. W., & Kimmich, A. B. Women and autobiography. Wilmington, DE: SR Books. 1999
12. Bruss, E. W. Autobiographical acts: The changing situation of a literary genre. Baltimore: Johns Hopkins University Press.1976.

13. Burgess, M. A. "Shaping identity and healing the self: Sharon Hamilton's *My Name's Not Susie* and the female autobiographical tradition". 2009
14. Chodorow, Nancy J. *The Reproduction Of Mothering*. Univ. Of California Press, 2002.
15. Clara A.B. Joseph . *The Agent in the Margin: Nayantara Sahgal's Gandhian Fiction*. Wilfrid Laurier University Press. 2008.
16. Conway, J. K. *When memory speaks: Reflections on autobiography*. New York: Alfred A. Knopf. 1998
17. Dampier-Cook, J. A. *Redefining women's autobiography as a literary genre: An examination of Maxine Hong Kingston's *The Woman Warrior* and Maya Angelou's *I Know Why the Caged Bird Sings**. 1993.
18. Das, Kumar, Sisir & Dev, Amiya.(ed). 1989. *Comparative Literature: Theory and Practice*. IIAS, Shimla.
19. Devee, Sunity, and Dāsa Bisvanātha. *The Autobiography of an Indian Princess: Memoirs of Maharani Sunity Devi of Cooch Behar*. The Shee Book Agency, 2015.
20. Diment, G. *The autobiographical novel of co-consciousness: Goncharov, Woolf, and Joyce*. Gainesville: University of Florida Press. 1994
21. Dilthey, W. *The formation of the Historical World in the Human Science*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 1985
22. Drake, R. F. (n.d.). *The profession of the coin studies in the autobiographical tradition*. Ann Arbor: University Microfilms International.
23. D'Arbeloff, Natalie. *Autobiographics*. NdA Press, 1995.
24. Dorothy Van Ghant, *The English Novel : Form and Function*,New York, 1953.
25. Dorothy M. Spencer, *Indian Fiction in English! An Annotated Bibliography*, Philadelphia, 1960
26. Felber, L. *Literary liaisons: Auto/biographical appropriations in modernist women's fiction*. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2002
27. Folkenflik, Robert., *The Culture of Autobiography: Construction of Self- Presentation*, California: Stanford University Press. 1993. Print.
28. Friedman, Susan S. “ Women’s Autobiographical Selves: Theory and Practice” in Smith, Sidonie, and Julia Watson (ed.). *Women, Autobiography, Theory: A Reader*. Madison: University of Wisconsin Press, 1998.
29. Gandhi, Mohandas Karamchand., and Mahadev Desai. *An Autobiography or the Story of My Experiments with the Truth*. Penguin Books, 1983.

30. Gilmore, Leigh. *Autobiographics: a Feminist Theory of Women's Self-Representation*. Cornell University Press, 1995
31. Greene, Diana, and Toby W Clyman (ed.) *Women Writers In Russian Literature*. Praeger, 1994.
32. Gusdorf, George. "Conditions and Limits of Autobiography" in *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. James Olney(ed). Princeton: Princeton University Press, 2014.
33. Guttman A. All in the Family: Nayantara Sahgal's Indian Home. In: *The Nation of India in Contemporary Indian Literature*. Palgrave Macmillan, New York.2007 pp. 101
34. Harris,G. Jane. "Diversity of Discourse: Autobiographical statements in Theory and Practice" in *Autobiographical Statements in Theory and Praxis*, ed. Jane, G. Harris. Princeton: New Jersey. 1990.
35. Heldt, Barbara, *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1987.
36. Hodgson, Katherine, "Women and Gender in Post- Symbolist Poetry in Stalin Era", *A History of Russian Women's Writing*. Cambridge, Eng. Cambridge University Press, 2004.pp. 208
37. Holmgren, Beth. "For the Good of the Cause: Russian Women's Autobiography in the Twentieth Century" in *Women and Society in Russia and the Soviet Union*. Ed. Linda Edmondson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
38. Jane, Marcus. "Invincible Mediocrity: The Private Selves of Public Women" in the *Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings*, ed. Shari Benstock. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987.
39. Jain, Jasbir. *Nayantara Sahgal*. Printwell, 1994.
40. Jeremy D. Popkin. *History, Historians, and Autobiography*. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
41. Jessawalla, Dosebai Cowasjee. *The Story of My Life*. Printed at the Times Press, 1911.
42. Kahn, A. Lipovetsky, M. Reyfman,I. Sandler, S. *A History of Russian Literature*, Oxford University Press,2018.
43. Kelly, Catriona. "Sappho,Corinna,and Niobe: genres and personae in Russian women's writing, 1760–1820" in *A History of Women's Writing in Russia*, Cambridge University Press, 2004.
44. Kononeko, Natalie, "Women as Performers of Oral Literature : A Re-examination of Epic and Lament" in *Women Writers in Russian Literature*, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger,London, 1994. Pp.27

45. Lejune, Phillipe., "The Autobiographical Pact", in *On Autobiography*, Paul John Eakin, ed., Katherine Leary, trans. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989.
46. Loewen, D. *The most dangerous art: Poetry, politics and autobiography after the Russian revolution*. Lanham: Lexington Books. 2008.
47. Marker, Gary. *Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia 1700-1800*. Princeton University Press. New Jersey, 1985
48. Marter, J. M. (n.d.). *Expressions of self: Women and autobiography: November 19 - December 7, 1979*: Douglass College Art Gallery.
49. Meyers, Ferreira Karen., "Autobiography and Autofiction: No Need to Fight for a Place in the Limelight, There is Space Enough for Both these Concepts", in *Writing the Self: Essays on Autobiography and Autofiction*, Kerstin W. Shands, Giulia Grillo Mikrut, Dipti R. Pattanaik, Karen Ferreira-Meyers (ed.) Sodertorns Hogskola. 2015. Print.
50. Miller, Nancy K. *The Poetics of Gender*, New York: Columbia UP, 1986.
51. Misch George, *A History of Autobiography in Antiquity: Part One*, England: Routledge and Kegan Paul Ltd, 1950, Print.
52. Mukherjee, Tutun & Totosy, de Zepetnek, Steven(ed). *Companion to comparative literature, world literatures, and comparative cultural studies*. Cambridge University Press. 2013
53. Nassbaum, Felicity A. *The Autobiographical Subject: Gender and Ideology in Eighteenth Century England*. Johns Hopkins University Press. 1995.
54. Narmadlalshankar. Mari Hakikat, 1866. From: Sarla Jagmohan. *On his Autobiography*. Indian literature, vol. 27, No.3 (101) (May-June, 1984).
55. Nehru Jawaharlal, *An Autobiography*, Oxford University Press. 2004, p. 596 retrieved from http://dspace.wbpublibnet.gov.in:8080/jspui/bitstream/10689/12675/12/Chapter8_571-611p.pdf
56. Peterson, L. H. *Traditions of Victorian women's autobiography: The poetics and politics of life writing*. Charlottesville: University Press of Virginia. 1999.
57. Olney, James (ed). *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton: Princeton University Press, 2014
58. Ostriker, Alicia. "Body Language: Imagery of the Body in Women's Poetry" in Michaels, Leonard and Ricks, Christopher. *The State of the Language*, University of California Press, California. 1980.

59. Pascal, Roy., *Design and Truth in Autobiography*, London:Routledge&Kegan Paul,1960,Print.
60. Peterson, L. H. *Traditions of Victorian women's autobiography: The poetics and politics of life writing*. Charlottesville: University Press of Virginia. 1999.
61. Proffer, R. Carl. *The Widows of Russia and Other Writings*. Knopf Doubleday Publishing Group, 1992.
62. Renza, Louis A. *The Veto of the Imagination:A Theory of Autobiography in Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. James Olney(ed). Princeton: Princeton University Press, 2014.
63. Rev of Nayantara Sahgal: *A study of Her Fiction and Nonfiction*.*The Journal of Indian Writing in English*, Vol.5, No. 1, Jan 1977.
64. Riggs, T. *The literature of autobiographical narrative*. Detroit: St. James Press, a part of Gale, Cengage Learning. 2013
65. Rosenthal, Charlotte. “The Silver age: A Highpoint for Women?” in *Women and Society in Russia and the Soviet Union*. Ed. Linda Edmondson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
66. Rosenthal, Charlotte. “Achievement and Obscurity: Women’s Prose in the Silver Age” in *Women Writers in Russian Literature*, ed. Toby W. Clyman and Diana Greene, London: Praeger, 1994.
67. Ryang, Sonia. *Writing Selves in Diaspora: Ethnography of Autobiographics of Korean Women in Japan and the United States*. Lexington Books, 2008.
68. Sanders, V. *The private lives of Victorian women: Autobiography in nineteenth-century England*. New York: St. Martin's Press. 1989
69. Sahgal, Nayantara. *Jawaharlal Nehru: Civilizing a Savage World*. New Delhi: Penguin, 2010.
70. Sahgal, Nayantara *A Time To Be Happy*, New Delhi: Sterling Publishers, 1975.
71. Sahgal, Nayantara *From Fear Set Free*. London: Victor Gollancz Ltd., 1962.
72. Sahgal, Nayantara, *Mistaken Identity*, London : Heinemann, 1988
73. Sahgal, Nayantara, *Plans for Departure*, London : Heinemann, 1986.
74. Sahgal, Nayantara. *A Situation in New Delhi*. Penguin, 2008.
75. Sahgal, Nayantara *A Time To Be Happy*, New Delhi: Sterling Publishers, 1975.
76. Sahgal, Nayantara .*This Time of Moming*, New York Victor Gollancz, 1965.
77. Sahgal, Nayantara. *Storm in Chandigarh*, New York: Chatto and Windus, 1969.

78. Saghal, Nayantara, *The Day in Shadow*, New Delhi Vikas, 1971. Saghal, Nayantara, *Plans for Departure*, London : Heinemann, 1986.
79. Saghal, Nayantara, *Mistaken Identity*, London : Heinemann, 1988
80. Saghal, Nayantara , *From Fear Set Free*, London: Victor Gollancz, 1962
81. Sahgal, Nayantara. *Storm in Chandigarh*, New York: Chatto and Windus, 1969.
82. Saghal, Nayantara .*This Time of Morning*, New York Victor Gollancz, 1965.
83. Saghal, Nayantara, *The Day in Shadow*, New Delhi Vikas, 1971.
84. Sandler, Stephanie. "Women's Poetry Since the Sixties." *A History of Russian Women's Writing*. Cambridge, Eng. Cambridge University Press, 2004.
85. Sengupta, Padmini. *Pandita Ramabai Saraswati: Her Life and Work*. Asia Pub. House, 1970.
86. Singh, N.K. *The Great Women Novelists in English Literature*. New Delhi: Manglam Publication, 2009.
87. Showalter, Elaine. *A Literature of Their Own: British Women Novelist From Bronte to Lessing*. Princeton University Press.1999.
88. Shyamala A. Narayan, "Nayantara Sahgal," *Contemporary Novelists*, ed. Lesley Henderson, Chicago: St. James, 1991.
89. Smith Sidonie, Watson, Julia., *Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives*, London: University of Minnesota Press. 2002,
90. Spengemann, W. C. *The forms of autobiography: Episodes in the history of a literary genre*. New Haven: Yale University Press. 1980
91. Spivak, Chakravorty Gayatri. *Death of a Discipline*. Columbia University Press. 2003
92. Stanley, L. *The auto/biographical I: The theory and practice of feminist auto/biography*. Manchester: Manchester University Press. 1992
93. Stanton, Domna C. *The Female Autograph*. Univ. Of Chicago Press, 1995.
94. Stites, R. *Women's Liberation Movement in Russia*, Princeton University Press, New Jersey, 1991.
95. Souza, Eunice De, and Lindsay Pereira. *Women's Voices: Selections from Nineteenth and Early-Twentieth Century Indian Writing in English*. Oxford University Press, 2004.
96. Talwar, Sree Rashmi. *Woman's Space : The Mosaic World of Margaret Drabble and Nayantara Sahgal*. New Delhi : Creative Books, 1997.
97. Tharu, Susie J., and Ke Lalita. *Women Writing in India*. Oxford University Press, 1993.
98. Tilak Laxmibai, Smruti Chitre, Translated by Louis Menezes *As sketches of memory* , Katha Publication, 2007

99. Totosy de Zepetnek, Steven. *Comparative Literature: Theory, Method, Application*. Amsterdam- Atlanta GA. 1998.
100. «Toward a Feminist Poetics” in Showalter E. (ed.) *The New Feminist Criticism*, New York: Pantheon Books, 1985.
101. Treadwell, James., *Autobiographical Writing and British Literature 1783- 1834*, New York: Oxford University Press, 2005, Print.
102. Traves, J. *Writing himself and others: Philip Roth and the autobiographical tradition in Jewish-American fiction*. 1996
103. Virginia Woolf to Ethel Smyth, 24 December 1940, in *The Letters of Virginia Woolf*, ed. Nigel Nicolson and Joanne Trautmann, 6 vols. London: Hogarth, 1975–80)
104. Vowels, Judith. “The “Feminization” of Russian Literature: Women, Language, and Literature in Eighteenth Century Russia” ” in *Women Writers in Russian Literature*, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger,London, 1994.
105. Wachtel,B. Andrew. *The Battle for Childhood: The Creation of Russian Myth*, Stanford University Press, 1990.
106. *Women in Modern India*, Cambridge University Press, Cambridge, second reprint 2000.
107. Zweers, A. F. *The narratology of the autobiography: An analysis of the literary devices employed in Ivan Bunin's "The life of Arsen'ev"* New York: Peter Lang. 1997
108. Ziolkovsky, Margaret, “Women in Old Russia”, in *Women Writers in Russian Literature*, Edited by Toby W. Clyman and Diana Greene, Praeger,London, 1994.

Статьи:

1. A novel of New India by Nehru's Niece/Mary Ross New York : Herald Tribune Book Review, Feb. 23, 1958.
2. A Presentation of social problems in the Indo-Anglian Novel and the Anglo-Indian Novel/Kai Nicholson.—Bombay: Jaico, 1972.
3. A Search for Answers/Nayantara Sahgal .—*Indian Renaissance*. Ed. by K. Iyepa Panikkar. Delhi: Sterling Publishers, 1983.
4. The Seclusion of Elite Muscovite Women” *Russian History*, vol. 10, no. 2, 1983, pp. 170–187. JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/stable/24652658.
5. Cixous Hélène. “Sorties: Out and Out: Attacks/Ways Out/Forays.” <http://philolog.petsru.ru/filolog/lit/bahhron.pdf>. Retrieved. 12.12.18

6. Continuity and Development in the novels of Nayantara Sahgal/Marcia P. Liu.—The Journal of Indian Writing in English. Vol.8, Nos. 1-2, Jan-July, 1980. p. 24
7. De Man, Paul. "Autobiography as De-Facement." MLN, vol. 94, no. 5, 1979, pp. 919–930. JSTOR, www.jstor.org/stable/2906560.
8. Murray, Donald M. "All Writing Is Autobiography." College Composition and Communication, vol. 42, no. 1, 1991, pp. 66–74. JSTOR, www.jstor.org/stable/357540.
9. Form and Technique in Nayantara Sahgal's Novels/Shyam ML Asnani.—The Literary Endeavour. Vol.I (3), Jan. 1980. pp.41 – 52
10. Gandhi, Mohandas Karamchand., and Mahadev Desai. An Autobiography or the Story of My Experiments with the Truth. Penguin Books, 1983.
11. Historical consciousness in the novels of Nayantara Sahgal/A.V. Krishnarao.—The Journal of Indian writing in English, Vol.18 (2), July, 1990. p.24 - 43.
12. Kosambi, Meera. "Women, Emancipation and Equality: Pandita Ramabai's Contribution to Women's Cause." Economic and Political Weekly, vol. 23, no. 44, 1988, pp. WS38–WS49. JSTOR, www.jstor.org/stable/4393987.
13. Madan, V. Mohini. "The Genre Of Neo-SocioPolitical Novel: NOVELS OF NAYANTARA SAHGAL." Indian Literature, vol. 39, no. 5 (175), 1996, pp. 124–131. JSTOR, www.jstor.org/stable/24159206.
14. Nayantara Sahgal : A Study of her fiction and nonfiction, 1954 - 74./A.V. Krishna Rao.—Madras : M. Seshachalam 6 Co., 1976
15. Nayantara Sahgal : The Indian Writer and the English language/The Statesman: 9, May 1971. Sunday Edn.,
16. Nayantara Sahgal: Novels with a 'Political Flavour'/ Jyotsna Kapoor, : Eve's Weekly, Oct. 5, 1977. p. 7
17. Nayantara Sahgal's novels : Some thematic concerns/M.N. Sharma, Journal of Indian Writing in English Vol.4 (1), Jan. 1976. pp.35 - 44.
18. Nayantara Sahgal's A Situation in New Delhi: A Study/G.J. Chinneswara Rao: Commonwealth Quarterly: Special Issue on Women Writers In Indian English, Vol.3,No.9, Dec. 1978.
19. Nayantara Sahgal : A Bibliography/Hailda Pontes.The Literary Endeavour, Vol.I (3), Jan. 1980. pp. 51 - 59.

20. Nayantara Sahgal's Storm In Chandigarh : A Search for Values, Studies in Indian Fiction in English/Lakshmi Sinha.—Ed. by G.S. Balarama Gupta. Gulbarga : JIWE Publications, 1987.
21. Nayantara Sahgal : The Angry Woman. Bridges of Literature; 23 Critical Essays in Literature/M. L. Malhotra .—Ajmer : Sunanda Publications, 1971
22. Of Cabbages and Kings : This Time of Morning and Storm in Chandigarh by Nayantara Sahgal/Feroze Jussawalla: Journal of Indian Writing in English, 5 (1), Jan. 1977. pp.43 – 50
23. On Nayantara Sahgal/Keki Daruwalla: .—Imprint, June 1986
24. Rak, Julie. “Are Memoirs Autobiography? A Consideration of Genre and Public Identity.” Genre,
[www.academia.edu/2381597/Are Memoirs Autobiography A Consideration of Genre and Public Identity](http://www.academia.edu/2381597/Are_Memoirs_Autobiography_A_Consideration_of_Genre_and_Public_Identity).
25. Structure in Nayantara Sahgal’s Storm in Chandigarh/Bala Kothendaraman: Osmania Journal of English Studies, Vol.II (1), 1974-75. pp.27 – 35
26. The Novels of Nayantara Sahgal/Shyam M. Asnani: Indian Literature Vol.16 (Nos.1 S 2), Jan. 6 June, 1973. p.42
27. Thomas, Marie A. “Muscovite Convents in the Seventeenth Century”. Russian History, vol. 10, no. 2, 1983, pp. 230–242. JSTOR, JSTOR,
www.jstor.org/stable/24652662.
28. The Twice Born Fiction : Themes and Techniques of the Indian Hovel in English/Meenakshi Mukherjee. New Delhi, Heinemann, 1971.
29. Uma, Alladi. Woman and Her Family : Indian and Afro American : A Literary Perspective. New Delhi :Streling Publishers, 1989
30. Zaman, Taymiya R. “Instructive Memory: An Analysis of Auto/Biographical Writing in Early Mughal India.” Journal of the Economic and Social History of the Orient, vol. 54, no. 5, 2011, pp. 677–700., doi:10.1163/156852011x614019.

Электронные Источники:

1. <https://archive.org>
2. <https://www.hathitrust.org>

3. <https://muse.jhu.edu/>
4. <https://ndl.iitkgp.ac.in>
5. <https://shodhganga.inflibnet.ac.in>
6. <https://cyberleninka.ru>
7. <https://www.jstor.org>
8. <http://magazines.russ.ru>
9. www.books.google.co.in
10. www.onlinelibrary.wiley.com
11. www.pu.edu.pk.com
12. www.unn.ru
13. www.vestnik.yspu.org
14. www.philology.ru
15. www.pstgu.ru
16. www.scjournal.ru
17. www.lib.tsu.ru
18. <https://www.academia.edu/>
19. <https://www.facebook.com/profile.php?id=100011484663674>
20. <https://petrushevskaya.ru/>
21. <https://petrushevskaya.livejournal.com/>